

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Кларк Эштон
Смит

ЛАБИРИНТ
ЧАРОДЕЯ

Вымыслы, грезы и химеры

« А З В У К А »

18+

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Кларк Смит

**Лабиринт чародея.
Вымыслы, грезы и химеры**

«Азбука-Аттикус»

1932-1935

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Смит К. Э.

Лабиринт чародея. Вымыслы, грезы и химеры / К. Э. Смит — «Азбука-Аттикус», 1932-1935 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-25078-9

На последнем континенте Земли под дряхлым, но все еще деспотичным солнцем процветает некромантия, живыми правит бог смерти, мумии бунтуют против тех, кто их оживил, а отмщение колдуна – ничто в сравнении с возмездием богов. На доисторическом континенте Земли загадочная белая сивилла предрекает катастрофы, а в толще ледников таятся жестокие демоны. В средневековой Франции с кометы приходит чудовище-гурман, античная статуя сбивает монахов с пути истинного, а колдун-женоубийца и мудрая волшебница получают по делам своим. На современной Земле коллекционер странного безвозвратно погружается во времена, что предшествовали первобытным, путешественник сгорает в инопланетном огне, явившемся из глубокой древности, а слишком самокритичному писателю мстят демоны недописанных рассказов... Кларк Эштон Смит (1893–1961) – один из трех столпов «странной фантастики» 1930-х (вместе с Робертом И. Говардом, создателем Конана, и, конечно, творцом «Мифов Ктулху» Говардом Филлипсом Лавкрафтом, в чьих рассказах вымыслы Смита то и дело гостят), последователь Эдгара Аллана По и Амброза Бирса. Он переплавил фантастику в последнем огне романтической поэзии и дошел до новых пределов подлинного ужаса – так мир узнал, какие бесконечные горизонты способны распахнуть перед нами и фантастика, и хоррор, и Смиту очень многим обязаны и Рэй Брэдбери, и Клайв Баркер, и Стивен Кинг. В этом сборнике представлены работы 1932–1935 годов, периода бурного расцвета Смита как рассказчика, а также его менее многочисленные позднейшие тексты; большинство рассказов здесь публикуются в новых переводах.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-25078-9

© Смит К. Э., 1932-1935

© Азбука-Аттикус, 1932-1935

Содержание

Бессмертные с Меркурия	6
Империя некромантов	25
Семена из гробницы	31
Второе погребение	38
Уббо-Сатла	44
Двойная тень	49
Плутониум	56
Труп сверх плана	62
Колосс из Илурни	67
1. Побег некроманта	67
2. Воскрешение мертвых	69
3. Свидетельство монахов	72
4. Поход Гаспара дю Норда	75
5. Ужас Илурни	79
6. Подземелья Илурни	81
7. Пришествие колосса	85
8. Падение колосса	88
Бог астероида	92
Мандрагоры	101
Аверуанский зверь	105
1. Свидетельство брата Жерома	105
2. Письмо Теофиля сестре Терезе	108
3. Рассказ Люка ле Шодронье	110
Звездная метаморфоза	114
Эксгумация Венеры	126
Муза Гипербореи	132
Белая сивилла	133
«Белая сивилла»: альтернативный финал	139
Ледяной демон	140
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Кларк Эштон Смит

Лабиринт чародея.

Вымыслы, грезы и химеры

Бессмертные с Меркурия

I

Очнувшись, Клифф Говард сразу же ощутил почти невыносимый жар. Этот жар, словно исходивший из распахнутой печной дверцы, накатывал со всех сторон и тяжелым расплавленным металлом лился на лицо, руки, ноги и туловище. Еще не успев открыть глаза, Говард почувствовал, как по закрытым векам, окрашивая их в огненно-красный, лупит яростный свет. От этого свечения болели глазные яблоки, под всепоглощающим раскаленным потоком сжималась каждая клеточка тела, а в голове что-то тупо пульсировало – может, из-за жары, а может, его кто-то ударил по голове.

Очень смутно Говард начал припоминать, что участвовал в какой-то экспедиции... где-то... Но все усилия сосредоточиться тут же пришлось бросить из-за нового необъяснимого ощущения. Он почувствовал, как то, на чем он лежит, быстро, покачиваясь и подсакивая, движется против ветра, который опаляет лицо своим адским дыханием.

Говард открыл глаза и едва не ослеп: прямо над ним раскинулось белесое небо, а по бокам в это небо призрачными джинами уплывали столпы пара. Где-то за пределами поля зрения светилось что-то огромное и палящее, и поворачивать туда голову было страшно. Внезапно он осознал, что это такое и что происходит. Память окатила его потоком образов, а вместе с памятью пришли тревога и растерянность.

Говард вспомнил, как в одиночестве отправился на прогулку в необычайные низкорослые джунгли в терминаторе Меркурия – эта сумеречная зона, узенькая полоска с теплым и влажным климатом, располагалась между раскаленными пустынями, вечно изнывающими под лучами огромного солнца, и теневой стороной планеты, где громоздились друг на друга горы ледников.

Он не успел далеко отойти от космического корабля – одолел милю, не больше, в сторону пылающего на горизонте отсвета (само солнце оставалось полностью скрытым из-за либрации планеты). Джонсон, руководитель этой первой научной экспедиции на Меркурий, предупредил, что не следует бродить вот так вот в одиночестве, но Говарду, ученому-ботанику, очень уж не терпелось исследовать неведомый мир, в котором они пробыли уже около недели по земному времени.

К изумлению путешественников, на Меркурии обнаружился небольшой слой разреженной, но вполне пригодной для дыхания атмосферы, которая подпитывалась влагой от испаряющихся льдов, ведь размер сумеречной зоны постоянно менялся, и по направлению к солнечной стороне все время дули сильные ветра; астронавты могли обойтись снаружи и без скафандров. Говард не ждал подвоха, поскольку робкие, похожие, скорее, на зверей местные жители не выказывали никаких признаков враждебности – при приближении человека они тут же пускались наутек. Остальные виды, насколько можно было судить, принадлежали к низшим формам жизни, часто полурастительным, а ядовитых и хищных особей исследователи с легкостью обходили стороной.

Даже огромные уродливые рептилии, похожие на саламандр, которые, по всей видимости, спокойно забредали из сумеречной зоны в раскаленные пустыни, купающиеся в лучах вечного солнца, ни на кого не спешили нападать.

Говард как раз исследовал странное растение, похожее на большой трюфель, которое обнаружил на полянке среди бледных, увешанных стручками кустарников, низко пригибающихся к земле из-за ветра. Когда ботаник дотронулся до него, оно, продемонстрировав некоторое оживление, попыталось зарыться в болотистую почву. Ботаник тыкал в него засохшей губчатой ветвью, отломанной от куста, размышляя, к какому классу отнести этот вид, а подняв голову, увидел, что вокруг стоят дикари-меркуриане. Они бесшумно подобрались к нему из грибовидных зарослей, но поначалу ученый не испугался: он решил, что туземцы просто преодолели робость и проявляют таким образом свое варварское любопытство.

То были скрюченные низкорослые существа, которые в основном ходили на двух ногах, но, перепугавшись, улепетывали прочь на четвереньках. Земляне окрестили их длукусами – именно такие кудахчущие звуки дикари часто издавали. На коже у длукусов росла чешуя, как у ящериц, а выпученные глазки покрывало что-то вроде тонкой пленки. На внутренних планетах едва ли сыщешь других столь же отталкивающих и мерзких созданий. Но когда туземцы сомкнулись кольцом вокруг Говарда, пригнувшись и беспрестанно кудахча, он решил, что они пытаются таким образом общаться, и не вытаскил свой тонанитный пистолет. В руках у них были грубые обломки какого-то черного минерала, и эти перепончатые руки тянулись к Говарду, но тот решил, что они хотят подарить ему камни в знак мирных намерений.

Выражение на уродливых лицах невозможно было понять, и дикари успели подобраться очень близко, прежде чем он наконец заподозрил неладное. Без предупреждения, совершенно спокойно и очень слаженно они накинулись на ученого, орудуя своими камнями. Говард отбивался как мог, но его ударили сзади по голове, и он рухнул в небытие.

Все это он вспомнил достаточно отчетливо, но между тем моментом, когда он потерял сознание от удара, и нынешним явно произошло что-то еще. Что же случилось и куда его везут? Может, длукусы взяли его в плен? Судя по ослепительному свету и обжигающей жаре, всему этому есть лишь одно объяснение: его тащат на солнечную сторону Меркурия. А то раскаленное пятно, на которое он не осмеливался даже взглянуть, – край солнца, показавшийся над горизонтом.

Говард попытался сесть, но ему удалось лишь чуть приподнять голову. Его руки, ноги и грудь были крепко привязаны кожаными ремнями к какой-то движущейся штучке, которая приподымалась и опускалась, будто от чьего-то тяжелого дыхания. Чуть повернув голову, ученый разглядел закругленную бугристую поверхность, покрытую сетчатым узором. Что-то такое он уже видел раньше.

И вдруг он вспомнил и содрогнулся от ужаса. Его, как Мазепу в поэме Байрона, привязали к спине одного из саламандроподобных чудовищ, которых ученые с Земли окрестили теплоящерами. Эти существа напоминали больших крокодилов, вот только ноги у них были длиннее, чем у любой земной рептилии. По всей видимости, их толстые шкуры каким-то удивительным образом не проводили тепло, а потому оберегали своих хозяев от высоких температур, при которых любое другое животное мгновенно бы изжарилось.

Земляне пока точно не выяснили, где именно располагается ареал обитания этих тварей, но во время короткой вылазки на корабле ближе к солнечной стороне видели теплоящеров в пустынях, где вода перманентно находилась в состоянии кипения, а затекающие из сумеречной зоны ручьи и реки тут же обращались в густые облака пара на голых раскаленных скалах.

Говард испытывал ужас – он осознавал, в каком положении оказался и какая его ожидает судьба, – но к ужасу примешивалось удивление. Наверняка это длукусы привязали его к спине ящера, но как существам, располагающимся так низко на эволюционной лестнице, хватило ума использовать ремни? Судя по всему, длукусы вполне способны были на простейшие расчеты, а

также отличались дьявольской жестокостью. Очевидно, его осознанно обрекли на кошмарную, мучительную смерть.

Однако же размышлять об этом было некогда. Его теплоящер, передвигаясь неопишными прыжками и рывками, углублялся в жуткий ад из клубов пара и раскаленных скал. С каждым мгновением гигантский шар невыносимо белого солнца все выше поднимался над горизонтом, изливая на Говарда полыхающие жаром лучи. Бугристая шкура животного раскалилась, как решетка для гриля, и жгла ученого сквозь одежду, а когда он в ужасе пытался вырваться, нагретые кожаные ремни до боли врезались в запястья, шею и лодыжки.

Ворочая головой из стороны в сторону, он еле-еле различал острозубые скалы, проступавшие из-за завесы адских испарений. В голове все плыло, он почти бредил; казалось, кровь вот-вот вскипит у него в жилах. Время от времени Говард проваливался в чудовищное беспмятство: на него как будто падала черная пелена, но и тогда все чувства продолжал терзать всесокрушающий жар. Он словно погружался в бездонную пропасть, преследуемый безжалостными потоками огня, озерами расплавленного металла. И вместо черноты небытия его охватывал неумолимый свет.

Иногда Говард полностью приходил в себя и сразу стискивал зубы, чтобы не завопить от нестерпимой боли. Раскаленные веки обжигали глаза, когда он пытался сморгнуть; окружающее он видел теперь урывками, сквозь вращающиеся огненные колеса и полыхающие цветные пятна, будто картинки в безумном калейдоскопе.

Теплоящер шагал вдоль извилистого потока, со злобным шипением перетекавшего с одной стремнины в другую среди покореженных скал и изрезанных расщелинами склонов. Время от времени ветер сдувал на землянина полотнища и столпы раскаленного пара, которые обваривали обнаженные руки и лицо. Когда зверь перепрыгивал через огромные трещины, разверзшиеся в накалившемся камне, кожаные ремни невыносимо впивались в тело.

Казалось, мозг в голове закипает, а кровь в жарящемся живо теле обратилась в огненный поток. Говард силился вдохнуть, но воздух обжигал легкие. Вокруг закручивались вихрями испарения, непонятно откуда долетал приглушенный рев. Теплоящер остановился, и, чуть повернув голову, Говард увидел, что животное стоит на каменистом краю бездонной пропасти, в которую рушатся в облаках пара потоки воды.

Сердце не справлялось, органы чувств отказывали, Говард из последних сил, словно умирающий, пытался вдохнуть горячий воздух. Пропать и чешуйчатый монстр качнулись и завертелись, закрубились вихри пара, и Говарду показалось, что его странный скакун ринулся прямо в огромную, укрытую пеленой бездну.

И вдруг из обжигающего тумана всплыли какие-то демоны, закутанные в сияющие белые одежды с капюшонами, схватили его и поволокли куда-то в свою неведомую преисподнюю. Перед Говардом промелькнули странные нечеловеческие лица, его обожженной плоти коснулись неестественно прохладные пальцы, а потом все окутала тьма...

II

Говард очнулся в какой-то совершенно непонятной и дикой обстановке. Он сразу и с невероятной ясностью вспомнил, что случилось перед тем, как он окончательно потерял сознание, но нынешнего положения все это никак не объясняло.

Он лежал на спине, окутанный зеленым сиянием – успокаивающим и мягким, цвет которого наводил на мысль то ли о молоденькой травке, то ли об изумрудных морских волнах далекой Земли. Свет был со всех сторон, и сверху, и снизу, он омывал тело прохладной рябью, даруя ощущение невероятной бодрости.

Говард понял, что на нем нет одежды; он чувствовал необычайную легкость, как будто пребывал в невесомости. Не веря своим глазам, он обнаружил, что на теле нет ожогов, а еще

он не ощущает боли – не осталось вообще никаких последствий, которые неизбежно должны были наступить после страшного испытания в меркурианской пустыне.

Вначале Говард не различал вообще ничего, кроме зеленого сияния, словно вокруг больше ничего и не было и он парил в огромной пустоте. Но потом он осознал свою ошибку. Вытянув руки, он наткнулся на стены и понял, что лежит в узенькой камере, крыша которой располагается всего в нескольких футах над ним. Внизу на таком же расстоянии был пол, а сам он без какой-либо поддержки лежал прямо в воздухе между ними. Загадочный зеленый свет струился со всех сторон, и потому казалось, что он завис в беспредельном пространстве.

Внезапно у него в ногах зеленое сияние померкло, сменившись ярким белым заревом, напоминавшим солнечный свет. Из этого зарева вынырнули длинные гибкие шестипалые руки, ухватили Говарда за лодыжки и осторожно вытянули из зеленой камеры. Когда его ноги, а затем и тело прошли через белый ореол, к нему вернулось ощущение тяжести, и спустя мгновение он уже стоял посреди большой комнаты, стены которой были облицованы каким-то блестящим светлым металлом. Подле него странное неземное существо закрывало дверцу, через которую Говарда и вытащили из изумрудного сияния камеры, а рядом стояли еще двое таких же, и один из них держал его одежду.

Землянин, все больше изумляясь, вгляделся в этих невероятных существ. Роста они были довольно высокого и обладали похожим на человека сложением, но при этом отличались почти богоподобной красотой и грацией, какую редко увидишь даже у прекраснейшей древнегреческой статуи.

Крылья носа, уши, губы, ладони – вообще все черты были исполнены фантастического изящества; одежды существа не носили, а их белая, полупрозрачная кожа словно сияла внутренним светом. На крупных умных головах вместо волос переплетались тяжелые отростки, переливающиеся разными цветами, – они двигались, перевивались между собой и будто жили собственной странной жизнью, как локоны горгоны Медузы. Ноги были похожи на человеческие, только сзади на пятках торчали длинные костяные шпоры.

Все трое смотрели на землянина, и их непроницаемые глаза сверкали, точно алмазы, но были холоднее далеких звезд. В довершение всего тот, который только что закрыл дверцу камеры, обратился к Говарду высоким и мелодичным голосом, похожим на звуки флейты, и поначалу непонятная речь оказалась, к изумлению землянина, безупречным английским:

– Мы полагаем, что ты уже полностью оправился от пережитого. Тебе повезло: мы наблюдали в визиры, как дикари схватили тебя и привязали к спине гроко – вы называете их теплоящерами. Дикари приручают этих зверей: сами они не умеют добывать огонь, но при этом весьма своеобразным образом используют склонность гроко бродить по ужасным пустыням на солнечной стороне. К спинам зверей привязывают пленников – иногда представителей враждебных племен, а иногда и своих же соотечественников; ящеры заходят в раскаленную пустыню, и жертвы поджариваются живьем; как бы сказали вы, до хрустящей корочки. Потом ящеры возвращаются к своим хозяевам, и те пожирают запеченное мясо. К счастью, нам вовремя удалось освободить тебя, поскольку гроко приблизился к одному из входов в наши пещеры. Когда мы тебя нашли, твое тело покрывали обширные ожоги, ты определенно погиб бы из-за них, если бы мы не подвергли тебя исцеляющему излучению зеленой камеры. Об этом излучении, да и о многих других тоже, вашим ученым неизвестно; оно также обладает занимательным свойством – создает поле невесомости. Именно поэтому ты не чувствовал там собственного веса.

– Где я нахожусь?! И кто вы такие?! – воскликнул Говард.

– Ты находишься под поверхностью Меркурия. Я Агвур, ученый и знатный муж, мой народ повелевает этой планетой. – Тон меркурианина сделался надменным, как будто он поучал неразумного ребенка: – Мы называем себя оумнисы, мы древний народ, весьма искушенный в тайнах природы. Чтобы защититься от солнечной радиации, которая, разумеется, воздействует на Меркурий гораздо сильнее, чем на более удаленные планеты Солнечной

системы, мы обитаем в пещерах, чьи стены облицованы металлическим сплавом нашего собственного изобретения. Даже тоненький лист, изготовленный из этого сплава, не пропускает вредоносные лучи, а ведь некоторые из них легко проникают сквозь любые другие виды материи. Выходя во внешний мир, мы облачаемся в защитные костюмы из этого же сплава; на нашем языке он называется моуффа. Таким образом мы всегда защищены от солнечной радиации и потому практически бессмертны и не подвержены недугам, поскольку в природе смерть и распад являются результатом определенного солнечного излучения, частоту которого не способны зафиксировать ваши приборы. Наш сплав тем не менее пропускает благотворные лучи, необходимые для жизни; при помощи аппаратов, работающих по принципу радио, мы транслируем эти лучи в наши пещеры.

Говард поспешил поблагодарить Агвура. Голова шла кругом от изумления, и мысли мчались наперегонки от одной невероятной гипотезы к другой.

Быстрым и изящным жестом Агвур отменил все его благодарности. Вперед выступил меркурианин с одеждой Говарда и с проворством хорошо вышколенного камердинера помог землянину облачиться.

Говарду хотелось задать еще сотню вопросов, ведь земные ученые даже не подозревали о существовании столь разумной и высокоразвитой расы. Больше всего ему было любопытно, как Агвур умудрился так замечательно выучить английский язык. И меркурианин будто телепатически уловил невысказанный вопрос.

– Мы обладаем множеством весьма хитроумных приборов, – объяснил он, – и с их помощью видим и слышим, а иногда даже воспринимаем иными чувствами образы на весьма больших расстояниях. Мы уже давно изучаем ближайшие к нам планеты – Венеру, Землю и Марс – и часто забавы ради слушаем, как переговариваются люди. Благодаря нашему развитому мозгу, который значительно превосходит ваш, выучить земной язык для нас ничего не стоит, и уж конечно наука, история и социология твоего мира для нас все равно что открытая книга. Мы следили за приближением вашего эфирного корабля из космоса, а потом, после посадки, – и за вашей экспедицией.

– Далеко ли отсюда космический корабль? – спросил Говард. – Вы ведь наверняка можете помочь мне на него вернуться.

– Сейчас мы на целую милю ниже поверхности Меркурия, – ответил Агвур, – а та часть сумеречной зоны, где приземлился твой корабль, располагается где-то милях в пяти, туда можно добраться по туннелю, ведущему вверх к небольшому выходу из естественной пещеры, откуда корабль видно невооруженным глазом. Несомненно, участники твоей экспедиции заметили эту пещеру и приняли ее за звериное логово. После вашего приземления мы специально завалили этот выход камнями и обломками, но их легко убрать. Что же касается твоего возвращения... Боюсь, это вряд ли целесообразно. Ты должен стать нашим гостем – возможно, навсегда. – Голос его зазвучал резче: – Мы не желаем, чтобы о нашем существовании стало известно исследователям с Земли. Мы хорошо изучили ваш мир и знаем, как вы ведете себя с жителями Марса и Венеры, как заявляете права на их территории, а потому думаем, что неразумно было бы показываться людям – вы слишком любопытны и алчны. Нас не так уж и много, и мы хотели бы по-прежнему жить в мире, чтобы нас не тревожили.

Не успел Говард возразить, как их разговор прервался совершенно необычайным образом. Громкий и повелительный голос, звонкий, как пение трубы, зазвенел из ниоткуда прямо у него над ухом. Говард невольно вздрогнул, а трое меркуриан застыли, благоговейно внимая. Голос говорил почти целую минуту, быстро, надменно, повелительно. Говард не различил ни единого слова: сама фонетическая структура речи казалась ему странной и чуждой. Но он весь похолодел, ибо в этом внушительном голосе чувствовалась суровая и безжалостная власть.

Закончилась речь на высокой резкой ноте, и внимавшие ей меркуриане сделали странный жест головой и руками, словно выражая готовность подчиниться верховной воле.

– Это наш повелитель и главный ученый Оунаводо только что говорил с нами из своих покоев на нижних уровнях, – пояснил Агвур. – Несколько часов он обдумывал сложившееся положение и наконец определил твою судьбу. В некотором роде я сожалею о его решении, оно кажется мне чересчур суровым, но распоряжениям шола – так мы зовем своего древнего властителя – нужно беспрекословно подчиняться. Попрошу проследовать за мной, по дороге я все тебе объясню. Повеление следует выполнить незамедлительно.

В недоумении, к которому примешивался и страх, Говард вышел вслед за Агвуром в большой туннель. Этот туннель казался бесконечным; повсюду, будто из ниоткуда, лился яркий свет, – видимо, те самые транслируемые солнечные лучи, о которых рассказывал меркурианин. Как и в комнате с зеленой камерой, стены здесь тоже были облицованы светлым металлом.

Пол в туннеле полого шел под уклон, а за дверью стояла странная машина в форме лодочки на колесиках или роликах. Агвур занял место на носу и махнул рукой Говарду, чтобы тот встал рядом. После этого остальные оумнисы заняли места на корме, Агвур потянул за изогнутый рычаг, и машина быстро и абсолютно бесшумно заскользила вниз по бесконечному туннелю.

– Туннель ведет наверх, к выходу рядом с твоим кораблем, – объяснил Агвур, – а также вниз, в сердце наших подземных владений. Если случится худшее – а я опасаясь, что так и произойдет, – тебе удастся увидеть лишь малую толику подземного лабиринта, где мы обитаем вот уже много столетий, не ведая болезней и старости. Мне очень жаль – я надеялся забрать тебя в свои лаборатории на нижних уровнях. Ты бы послужил мне... для неких биологических исследований. – И он невозмутимо продолжил лекцию: – Оунаводо приказал выплавить и отлить в формы определенное количество моуффы, чтобы изготовить новые костюмы. Этот сплав много тысячелетий назад изобрели наши металлурги, и в него входит не менее шести различных элементов, а существует он в двух разновидностях: из одной делают панели для облицовки стен, а другая идет исключительно на производство костюмов. В обе разновидности, чтобы добиться совершенного результата, нужно добавлять седьмой компонент – небольшую примесь живой протоплазмы, которая попадает в расплавленный металл прямо в горниле. Именно так моуффа становится совершенно непроницаемой для смертоносных солнечных лучей, но почему это происходит – до сих пор остается загадкой для наших ученых мужей. Когда выплавляется моуффа для сравнительно тяжелых стальных панелей, можно обойтись протоплазмой низших форм жизни, например гроко или полуживотных дикарей из сумеречной зоны, а также других созданий, которых мы отлавливаем или выращиваем в своих подземельях. Но та разновидность моуффы, которую используют для легких и гибких костюмных пластин, требует протоплазмы высшей формы жизни. К сожалению, когда настает пора изготовить новую порцию сплава, чтобы заменить износившиеся костюмы, нам приходится жертвовать одним из своих соплеменников, хотя нас и так мало. По возможности мы выбираем тех, кто каким-либо образом нарушил наши законы, но подобное случается редко, и чаще всего жертв приходится определять при помощи обряда. Оунаводо внимательно изучил тебя через визир и решил, что ваш вид достаточно высоко располагается на эволюционной лестнице и твоя протоплазма вполне подойдет для изготовления следующей партии моуффы. Во всяком случае, он думает, что в интересах науки стоит попробовать. Однако же, чтобы тебе не показалось, будто с тобой обошлись несправедливо или твои права ущемлены, тебе, точно как и другим избранным, будет дарован шанс спастись. Обряд выбора мы тебе объясним.

Пока Агвур рассказывал, лодочка мчалась по бесконечному наклонному туннелю; несколько раз им попались похожие транспортные средства, управляемые белокожими обнаженными бессмертными, чьи змеиные локоны развеивались от быстрой езды. Время от времени мелькали боковые ответвления, несомненно ведущие в какие-то пещеры, а через пару миль попалась большая развязка, где под углом от главного туннеля отходили вверх еще два рукава.

Потрясенный и испуганный рассказом Агвур, Говард, однако, тщательно запоминал, куда они едут.

Он ничего не сказал меркурианину и чувствовал себя совершенно беспомощным во власти этих представителей сверженной расы, чьи научные достижения и возможности были пока землянам недоступны. Говард лихорадочно и отчаянно перебирал в голове разные варианты и решил, что лучше пока притвориться покорным. Рука инстинктивно дернулась к карману, в котором лежал маленький тонанитный пистолет с двенадцатью смертоносными взрывными теплозарядами, и с ужасом, но едва ли с удивлением Говард понял, что пистолета в кармане нет.

Это движение не укрылось от Агвур, и по нечеловечески умному лицу ученого скользнула загадочная презрительная улыбка. Отчаявшийся Говард подумал, не выпрыгнуть ли из лодочки, но на такой скорости он бы просто разбился насмерть или покалечился.

Туннель закончился в большой пещере с ровным полом и многочисленными проемами в стенах, через которые сновали туда-сюда оумнисы. Там лодочку оставили, и Говард вслед за Агвуром проследовал через один из шести выходов в другую большую пещеру, где, выстроившись полукруглыми рядами, стояли около пятидесяти белокожих оумнисов.

Все они молча смотрели в противоположную стену, но, когда Агвур подвел Говарда к переднему ряду, многие оглянулись, и на их лицах читались странное любопытство и презрение.

Агвур жестом велел землянину встать в строй, и тот, выполнив приказ, наконец увидел, на что смотрят все оумнисы. По всей видимости, это было какое-то необычайное растение без корней, с пузатым желтоватым стволом или туловом, напоминающим ферокактус. От высокого, в человеческий рост, ствола отходили безлистые ветви цвета позеленевшей меди, покрытые белыми колючками; переплетенные отростки неподвижно лежали на полу пещеры.

– Это растение называется роккалим, – пронзительным шепотом пояснил Агвур. – С его помощью мы выбираем из собравшихся того, кого следует бросить в горнило с расплавленной моуффой. Ты видишь, что, кроме тебя, здесь около пятидесяти кандидатов, которые удостоились подобной чести; каждый из них тем или иным образом навлек на себя неудовольствие Оунаводо или же дал повод усомниться, что приносит пользу обществу. Вы должны, один за другим, обойти вокруг роккалима так, чтобы оказаться поблизости от его чувствительных гибких ветвей, и растение дотронется кончиком побега до того, кому суждено стать жертвой.

Говарда от этой зловещей перспективы пробрал озноб, но последовавшая затем церемония была настолько дикой, что он почти позабыл о грозившей ему опасности.

Оумнисы, стоявшие в его ряду, по одному молча выступали вперед и медленно обходили вокруг странного растения, держась в нескольких футах от неподвижных ядовито-зеленых ветвей, напоминавших сонных, свернувшихся кольцами змей. Роккалим не двигался и не проявлял никаких признаков жизни; избранные один за другим заканчивали свой круг и переходили в дальний конец пещеры, чтобы понаблюдать оттуда, как то же самое проделывают остальные.

Где-то два десятка белокожих бессмертных завершили обряд, и вот настал черед Говарда. Он решительно двинулся вперед; происходящее казалось ему скорее нереальным и нелепым, чем страшным. Оумнисы застыли, как алебастровые статуи, и не издавали ни звука; было тихо, только где-то приглушенно гудели далекие подземные механизмы.

Говард медленно двигался по кругу, с возрастающим напряжением наблюдая за зелеными ветвями. Он успел одолеть с полпути, как вдруг больше почувствовал, чем увидел мгновенную яркую вспышку, которая обрушилась с потолка пещеры и пронзила желтоватый кривой ствол роккалима. Вспышка эта длилась меньше секунды, и Говард не мог бы с уверенностью сказать, не померещилось ли ему.

И тут, вздрогнув от ужаса, он увидел, что переплетенные щупальца-ветви задрожали, задергались, оторвались от пола и потянулись к нему. Они все тянулись и тянулись, поднимались, распрямлялись, словно длинные побеги водорослей, увлекаемые океанским течением. В

конце концов они добрались до него, любопытными змеями заскользили по телу, холодными и влажными ядовито-зелеными кончиками коснулись лица.

Говард отпрянул от переплетающейся массы и увидел, что рядом уже стоит Агвур. В лице меркурианина проглядывало неземное злорадство, а переливающиеся змеекудри приподнялись над головой, дрожа от странного оживления, словно побег рокалима.

И Говард внезапно понял, что его судьба была предрешена: мгновенной вспышкой из неизвестного источника оумнисы пробудили растение и заставили двигаться его ветвищупальца.

Землянина охватил гнев, который он, впрочем, подавил. Следовало проявить осторожность, дожидаться подходящей возможности, пусть даже самой призрачной, и сбежать. Он делает вид, что подчинился, – как знать, вдруг его пленители потеряют бдительность.

В пещеру вошли несколько меркуриан, вооруженных длинными сияющими трубками наподобие духовых, и встали вокруг него. Те, кто вместе с ним участвовал в обряде, разошлись кто куда.

– Мне жаль, что выбор пал на тебя, – сказал Агвур. – Но смерть твоя будет быстрой, и время почти пришло. Нужно завершить выплавку и разлить металл по формам, чтобы произвести тонкие и ковкие листы, пока не наступил следующий цикл темноты и отдохновения. У нас осталось чуть меньше часа. Этот цикл длится три часа и наступает через каждые тридцать три часа: во всех туннелях и пещерах погаснет свет, и почти все оборудование остановится, ведь оно в основном работает на солнечном излучении.

III

Потрясенного и оторопевшего Говарда вывели через проем в противоположном конце пещеры в туннель, шедший, по всей видимости, параллельно основному, по которому они ехали. Агвур шагал рядом с землянином, а стражи-оумнисы – позади и впереди. Говард решил, что их блестящие полые трубки – это какой-то неизвестный ему вид оружия.

Чем дальше они шли, тем громче становилось загадочное гудение. Дальний конец коридора, куда они и направлялись, был освещен огненно-красным. В воздухе витали странные металлические запахи, а приятное тепло стало несколько жарче.

Они миновали проем в стене, и Говард успел заметить за ним большой зал, где в глубине рядами высились сияющие цилиндры. Перед этими неведомыми механизмами стоял и внимательно следил за огромным шаром на тонкой шарнирной стойке меркурианин; шар почти полностью заполняла жидкая чернота, так что лишь сверху оставался узкий сияющий краешек. Рядом была установлена наклонная панель со множеством рычажков и переключателей, изготовленных из прозрачного материала.

– Все осветительные приборы в наших пещерах управляются оттуда, – небрежно похвалился Агвур. – Когда шар целиком почернеет, солнечный свет отключится на три часа, которых нам хватает для сна и отдыха.

Они добрались до конца туннеля. У пораженного Говарда перехватило дыхание, и он застыл, изумленно моргая и глядя на источник ослепительно-красного света.

Перед ними открылась пещера до того огромная, что потолок ее терялся в ярком сиянии и походил на небо. В ней теснились исполинские механизмы разнообразных форм: одни – приземистые и невзрачные, другие – в форме гигантских шаров и усеченных конусов, а в самой середине возвышалась двухпалубная платформа из черного камня футов тридцать высотой, из которой торчало множество черных металлических труб, уходящих в пол, из-за чего платформа напоминала громадного паука. Из самого ее центра огромным столбом бил вверх рубиново-красный луч, в свете которого, странно поблескивая, копошились оумнисы, казавшиеся отсюда маленькими букашками.

Прямо у входа в циклопический зал стояло что-то вроде вешалки, на которой висело около дюжины костюмов из моуффы. С виду – простые комбинезоны со странными входящими друг в друга застежками на груди, разновидности «ласточкин хвост». Для головы предназначался большой свободный шлем с полукруглой полоской-визором на уровне глаз, которую каким-то образом умудрились сделать прозрачной.

Агвур и стражи надели костюмы – очень гибкие и легкие, отметил Говард. Ему, наоборот, приказали раздеться.

– Расплавленная моуффа испускает опасное излучение, – сообщил Агвур. – Для тебя это не важно, а меня и моих спутников защитят от него костюмы, как защищают и от смертоносных солнечных лучей.

Говард разделся и сложил одежду рядом со стойкой. Он по-прежнему делал вид, что смирился, а сам лихорадочно думал, как ему спастись, и внимательно приглядывался ко всему; между тем под зловещий ритмичный стук и бормотание необычайных механизмов его повели вперед. Сбоку к чернокаменной платформе крепилась крутая винтовая лестница. Поднимаясь по ней, землянин заметил, что на нижней палубе располагаются широкие и неглубокие изложницы: несомненно, в них разливали раскаленный металл, чтобы, остыв, он превратился в большие листы.

Когда Говард взошел на верхнюю палубу, его окатило едва выносимой жарой и ослепило ярко-красным светом. Горнило зияло круглой дырой футов пятнадцати в поперечнике. И почти до краев она была заполнена нестерпимо сияющим расплавленным металлом, который под действием неведомой силы медленно завихрялся небольшими водоворотами. Черный камень охлаждал босые ноги: должно быть, он не проводил тепло.

Возле горнила стояла дюжина оумнисов в блестящих костюмах из моуффы. Один поворачивал небольшое и причудливое колесико, под наклоном приделанное к верхушке низкой колонны, – видимо, так регулировалась температура в горниле, потому что в ответ на его движения металл вспыхнул чуть ярче, а водовороты завертелись чуть быстрее.

Лишь это колесико, да еще несколько рычагов, торчавших из длинных зазубренных каменных пазов, – никаких других механизмов на платформе не было, а сама она, казалось, была выточена из цельной каменной глыбы; к ней крепилась небольшая плита длиной футов десять и шириной фута два, конец которой подходил к самому краю горнила. Говарду велели встать на нее.

– Через минуту эта плита начнет двигаться, – сказал Агвур, – наклонится и сбросит тебя прямо в моуффу. Если хочешь, мы дадим тебе сильнодействующий наркотик, и ты не почувствуешь ни страха, ни боли.

Охваченный ирреальным ужасом, Говард машинально кивнул, безнадежно цепляясь за любую отсрочку. Может... Даже если... Возможно, у него есть шанс, хоть этот невероятный план ему самому казался просто смешным.

Землянин вновь посмотрел на жуткое горнило и вдруг узрел нечто совершенно необъяснимое. Прямо над дальним краем из ровного гладкого камня медленно, дюйм за дюймом, выросла фигура меркурианина, и вот он уже стоит на платформе, высокий, бледный, нагой и очень надменный. Пораженный Говард задохнулся от изумления, а загадочный призрак величественно шагнул вперед и завис в воздухе над кипящим металлом.

– Это шол Оунаводо, – благоговейно объяснил Агвур. – Сам он находится за много миль отсюда, в нижних пещерах, но спроецировал свой образ, чтобы присутствовать на церемонии.

Один из стражей выступил вперед и протянул Говарду неглубокую тяжелую чашу из похожего на бронзу металла, до краев наполненную бесцветной жидкостью.

– Наркотик начинает действовать сразу же, – сказал Агвур, словно пытаясь его подбодрить.

Говард украдкой оглянулся, взял чашу и поднес к губам. Прозрачный наркотик ничем не пах и был густым, словно вязкое масло.

– Поторопись, – предостерег его Агвур. – В плите установлен счетчик времени, и он уже запустился.

Говард понял, что плита, словно длинный язык, вместе с ним медленно поползла к горнилу и уже чуть-чуть накренилась.

Он напряг мускулатуру, прыгнул с плиты и швырнул тяжелую чашу в лицо оказавшемуся рядом Агвуру. Меркурианин пошатнулся, и Говард, воспользовавшись его замешательством, наскочил на него, оторвал от пола и зашвырнул на поднимающуюся плиту; оглушенный оумнис, не успев ничего предпринять, скатился по наклонной прямо в раскаленный добела металл. Раздался всплеск, и Агвур исчез. Моуффа еще больше забурлила и завихрилась.

На миг все собрание оумнисов застыло металлическими статуями; проекция шола, который с непостижимым выражением лица наблюдал за церемонией, зависнув прямо над горнилом, даже не двинулась. Говард ринулся на ближайших к нему стражей и раскидал их в стороны, пока они не успели поднять свои трубки. Добежав до не огороженного края платформы, он увидел, что несколько оумнисов хотят перехватить его перед лестницей. До второй палубы было футов двенадцать, и он побоялся прыгать босиком. Выхода не было – оставалось лишь спуститься по одной из странных изгибающихся труб, соединяющих верхнюю палубу с полом пещеры.

Абсолютно гладкие трубы, каждая дюймов десять в диаметре, были изготовлены из темного металла и не имели сочленений. Оседлав ближайшую, Говард торопливо заскользил вниз.

Его стражи подбежали к краю; Говард спускался лицом к ним и видел, как двое бессмертных нацелили на него свое оружие. Из полых трубок прямо в беглеца полетели сияющие огненно-желтые шары. У одного случился недолет; шар краешком задел большую трубу, и та мгновенно расплавилась, словно к ней поднесли гигантский паяльник. Увернувшись от второго, Говард заметил, как капает расплавленный металл.

Остальные оумнисы тоже прицелились, и на землянина обрушился дождь из ужасных огненных шаров, но Говард уже скользил по нижнему коленцу, которое, резко изгибаясь, соединялось с полом. Один шар мазнул ему по правой руке, оставив после себя болезненный ожог.

Оказавшись на полу, Говард увидел, что по лестнице с платформы гигантскими прыжками спускается дюжина бессмертных. К счастью, больше в пещере никого не было. Землянин отпрыгнул под защиту огромного ромбовидного механизма и услышал, как позади зашипел и закапал на землю расплавленный металл.

Петляя между громадными машинами, стараясь отгородиться ими от преследователей, Говард бежал к проему, через который его провел Агвур. В огромной пещере имелось еще три выхода, но они, вероятно, вели в туннели, уводящие вглубь подземного лабиринта. Четкого плана он придумать не успел, и шансов сбежать из меркурианских владений было ничтожно мало, но инстинкты гнали Говарда вперед – вперед, пока он еще на свободе.

Повсюду безнадзорно гудели загадочные механизмы, преследователи же не издавали ни звука и бежали за ним в зловещей тишине, передвигаясь громадными прыжками, и разделявшее их расстояние уже заметно сократилось.

Обогнув один из механизмов, Говард внезапно столкнулся лицом к лицу с призрачным шолом, который угрожающе и величественно помахивал руками, приказывая ему вернуться. Землянин почувствовал на себе обжигающий взгляд Оунаводо, в котором гипнотическим светом горели древняя мудрость и мощь незапамятных веков; Говард бросился на грозный образ и будто натолкнулся на невидимую стену. Тело словно прошел несильный электрический удар, но оказалось, что призрак способен лишь напугать, не более. Шол растаял, а потом появился чуть впереди, над головой Говарда, указывая на беглеца мчавшимся следом оумнисам.

Пробежав мимо огромного приземистого цилиндра, Говард наткнулся на давешнюю вешалку. На ней все еще висело два костюма из моуффы. Свою одежду он подбирать с пола не стал, но схватил костюм и на бегу скатал тонкую, невероятно гибкую металлическую ткань в сверток. Возможно, потом представится случай надеть его и маскировкой сбить с толку оумнисов, подольше остаться на свободе... или даже разведать путь наружу из гигантского подземелья.

Между вешалкой с костюмами и выходом из пещеры было большое пустое пространство. Из-за исполинских механизмов уже показались преследователи, а добежать до двери Говард не успел, поэтому ему вновь пришлось уворачиваться от огненных шаров, которые обрушились на него злым раскаленным дождем. Впереди по-прежнему парил грозный призрак шола.

Наконец Говард выбрался в туннель. Он решил, если получится, бежать обратно тем путем, которым они явились сюда вместе с Агвуром. Но, пробегая мимо двери в зал с темнеющим прозрачным шаром и световыми механизмами, он увидел, что ему спешат отрезать путь несколько меркуриан с огненными трубками. Несомненно, те, кто следил за горнилом, вызвали их при помощи некой аудиальной системы.

Оглянувшись, землянин понял, что сзади настигают стражники. Вот-вот его окружают и загонят в ловушку. Повинуясь инстинкту, Говард метнулся в открытую дверь осветительного зала.

Перед огромным шаром все так же стоял спиной к землянину дежурный. Сияющий ломтик над чернотой уже уменьшился до тонюсенькой полоски и напоминал серп убывающей луны.

Говард вспомнил, что рассказывал Агвур о системе освещения, и у него зародилась безумная дерзкая идея. Быстро и бесшумно он подкрался к наблюдателю.

И снова впереди возник призрак злобного шола; когда землянин был уже близко от ничего не подозревающего дежурного, Оунаводо взмыл повыше и громким резким окриком предупредил его. Оумнис обернулся и, подхватив с пола тяжелый металлический прут, прыгнул навстречу Говарду, воздев оружие для свирепого удара.

Но нанести его не успел – кулак землянина врезал ему прямо по лицу, и меркурианин рухнул на наклонную панель возле тонкого высокого столба, к которому крепился шар. Гнутые прозрачные ручки и переключатели разлетелись вдребезги, и в тот же миг комнату затопила кромешная беспросветная тьма, скрывшая и механизмы, и раненого оумниса, и призрак шола.

IV

Растерянный и ошарашенный, стоял землянин посреди темного зала, где-то на полу тихо стонал поверженный меркурианин, а снаружи из туннеля, где две группы бессмертных внезапно застигла тьма, донеслись испуганные вопли. Но они сразу стихли, и воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь стоном раненого. Говард понял, что больше не слышит приглушенного гудения неземных механизмов из пещеры с горнилом. Несомненно, их работа тоже каким-то образом была связана с осветительной системой и в темноте прекратилась.

Он все еще прижимал к себе сверток с костюмом из моуффы. Ощупав пол вокруг, землянин подобрал металлический прут, выпавший из рук дежурного. Из прута могло получиться весьма действенное оружие. Перехватив его поудобнее, Говард двинулся туда, где, по его сообщениям, располагалась дверь. Шел он медленно и осторожно, понимая, что преследователи поджидают его в коридоре, а может даже, в эту самую секунду подкрадываются к нему в темноте.

Он чутко прислушивался и потому уловил рядом тихий металлический шелест. Кто-то из оумнисов в костюме из моуффы, разыскивал его во мраке. Сам Говард, бесшумно ступая по

камню босыми ногами, сделал шаг в сторону и подождал, пока шелест не удалился и не стих, а потом с удвоенной осторожностью пошел к двери, вытянув перед собой руку.

Внезапно его пальцы коснулись гладкой поверхности – стена. Значит, мимо двери Говард промахнулся. Он снова прислушался и различил где-то слева едва слышный звук, словно кто-то шел за ним по пятам; тогда землянин двинулся вдоль стены вправо и, добравшись до проема, заметил приглушенное рассеянное сияние.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и в этом сиянии он различил смутные тени. Значит, у двери его действительно поджидали притаившиеся оумнисы.

Замахнувшись прутом, Говард кинулся вперед, нанося удар за ударом, ступая прямо по телам упавших противников. Вокруг раздавались пронзительные вопли, один раз он вырвался из холодных, облаченных в моуффу пальцев, которые пытались схватить его во тьме. Каким-то образом ему удалось прорвать окружение и выскочить в туннель.

Там стало видно, что сияние исходит от входа в пещеру с механизмами, где еще не остыло невидимое отсюда горнило. В его затухающем сиянии показались бегущие силуэты, и у каждого было что-то вроде огромного глаза, мерцающего ледяным зеленым светом. Очевидно, и другие меркуриане, прихватив портативные светильники, спешили присоединиться к погоне.

Держась поближе к стене туннеля, Говард как мог быстро припустил в крошечной тьме к пещере роккалима. Сзади послышалось приглушенное металлическое шуршание – это следом шли оумнисы: оглянувшись, Говард разглядел в неверном свечении их расплывчатые силуэты. Они шагали осторожно, как будто тянули время, поджидая подкрепление с зелеными фонарями. Оглянувшись снова, он увидел, что две группы объединились и теперь уверенно идут за ним.

На бегу Говард время от времени проводил пальцами по стене; вот он добрался до входа в большую пещеру, в центре которой стоял роккалим. Зеленые огоньки быстро приближались. Он торопливо прикинул, где в темном зале располагается противоположный выход, ведущий в большой туннель, и двинулся в ту сторону. По пути пришлось огибать чудовищный псевдокактус. Было темно, и Говард как будто нырнул в абсолютно черную пропасть; он все шел и шел непонятно куда, надеясь, что вот-вот доберется до противоположной стены.

Внезапно нога за что-то зацепилась, и Говард как подкошенный рухнул на какие-то ворсистые канаты, больно коловшие голую кожу. И понял, что наткнулся на роккалим.

Змееподобные отростки лежали совершенно неподвижно, не подавая признаков жизни. По всей вероятности, без света необычайное полуживое растение впадало в ступор.

Поднявшись с шипастой подстилки, Говард оглянулся и увидел целый сонм зеленых огоньков, холодных и злобных, как глаза северных драконов. Преследователи вошли в пещеру и вот-вот его настигнут.

Прижимая к груди сверток с костюмом из моуффы и металлический прут, он пошел в темноте по неподвижным росткам, нестерпимо коловшим ноги. Спустя мгновение под ногами начался чистый пол, – видимо, здесь тяжелые ветви-щупальца расходились от основного стебля. Говард пригнулся, прячась от приближающихся огней, и нашел небольшое углубление меж отростков, почти у самого ствола псевдокактуса, где можно было укрыться.

Побеги были достаточно толстыми; если будут смотреть не очень тщательно, может, и не заметят. Скорчившись, землянин лежал в своем укрытии, придавленный тяжелыми колючими ветвями, и наблюдал в узкие просветы, как мимо к выходу из пещеры проплывают зеленые огни. Ни одному меркурианину не пришло в голову остановиться и внимательно осмотреть переплетенные ветви роккалима.

Дождавшись, когда преследователи пройдут, Говард выбрался из своего фантастического убежища и смело двинулся следом за ними. Огни вышли в туннель и исчезли. Снова оказавшись в полнейшей темноте, он тоже стал искать выход. А обнаружив его, увидел длинные зеленые полосы, которые оставляли светильники бегущих впереди меркуриан.

Говард бросился за ними и наткнулся на что-то – ту самую лодочку, на которой он прибыл сюда вместе с Агвуром, или похожую. Видимо, в отсутствие солнечного света эти лодочки тоже нельзя было использовать, иначе преследователи поехали бы в них. Теперь охотники и дичь оказались в равном положении, и, когда Говард понял это, в его груди впервые затрепетала надежда.

Он устремился вслед за равномерно удаляющимися огнями по бесконечно поднимающемуся туннелю, который, возможно, вел на свободу. Кроме охотников и их дичи там никого не было: создавалось впечатление, что все те бессмертные, которых Говард видел по пути сюда, с наступлением темноты удалились в свои покои. Вероятно, в эти три часа они все должны были отдыхать.

Бегущие впереди меркуриане с зелеными огнями двигались прямо и не обращали внимания на боковые ответвления от главного туннеля. И Говард догадался, что они спешат к выходам на поверхность, надеясь сначала отрезать ему путь к бегству, а потом уже спокойно и без помех выследить добычу.

Туннель шел прямо, поэтому Говард не боялся потерять зеленые огни из виду. На минуту он остановился и натянул костюм из моуффы, надеясь, что это поможет в случае чего обмануть или запутать преследователей. Костюм надевался легко и был ему почти впору, хотя пальцам никак не удавалось справиться с незнакомыми застежками. Землянин не очень хорошо помнил, как с ними обращались меркуриане, а потому двинулся дальше, оставив костюм расстегнутым на груди. Сзади бесполезно болтались длинные чехлы для шпор.

Он старался по возможности держаться на одном и том же расстоянии от бегущей впереди группы, но потом, оглянувшись, с ужасом увидел далеко позади стайку крошечных зеленых огоньков. За ним гнался еще один отряд.

Это был бесконечно длинный и утомительный подъем – миля за милей по однообразному туннелю, и лишь зловещие зеленые огни горели в беспросветной тьме. Меркуриане не ведали усталости, сохраняли нечеловечески безжалостный темп, и землянину удавалось держаться посередине, между двумя группами, лишь с невероятным трудом.

Он то шел, то бежал, тяжело дыша от усталости, а временами на него наваливалась слабость, от которой зеленые огни расплывались перед глазами. Ноги сковало непомерной тяжестью, в голове все мешалось. Говард не знал, когда в последний раз ел. Голода и жажды он не чувствовал, но приходилось сражаться со все возрастающей слабостью. Туннель превратился в черную бесконечность, мерцающую злобными зелеными глазами космических демонов.

Час за часом землянин шел вперед в бессолнечной ночи. Он потерял всякое чувство времени и двигался на автомате. Руки и ноги онемели; казалось, от него осталась лишь нестигаемая воля, которая гнала его вперед. Иногда Говард будто вообще забывал, куда идет, забывал обо всем, и только слепой доисторический инстинкт понукал его бежать. Он превратился в безымянное существо, спасающееся от неведомого ужаса.

В конце концов сквозь сокрушающую усталость и оцепенение пробилась мысль: он чересчур приблизился к идущим впереди меркурианам. Вероятно, они остановились посоветоваться или засомневались, куда двигаться дальше. Но вот внезапно огоньки рассыпались, разошлись в разные стороны и исчезли, а в поле зрения осталось только четыре.

Смутно озадаченный, Говард шел вперед, пока не оказался у той самой тройной развилки, которую проезжал с Агвуром. Стало понятно, что оумнисы разделились на три группы и каждая отправилась по одному из ответвлений. Несомненно, эти туннели вели к разным выходам.

Припомнив слова Аггура, Говард выбрал средний проход. Если меркурианский ученый не соврал, туннель приведет в сумеречную зону, в пещеру недалеко от космического корабля. Остальные же заканчивались бог весть где – может, в ужасающей раскаленной пустыне, а

может, в хаотическом нагромождении ледников на темной стороне. Если Говарду повезет, средний туннель выведет его к товарищам.

Говард будто обрел второе дыхание: надежда оживила падающий от усталости организм. Острее прежнего он ощутил, как невероятно тихо и таинственно все в этой подземной империи, где ему так мало удалось – и удастся – увидеть. Надежда окрепла, когда, оглянувшись, он заметил, что огоньков позади тоже стало меньше: видимо, и вторая группа разделилась, чтобы обследовать все три туннеля. Совершенно очевидно, меркуриане не сумели организовать всеобщую погоню. Наверное, когда дежурный упал на панель и разбил ее, вышли из строя все механизмы бессмертных, даже их система сообщения. Наверняка о побеге Говарда знали лишь те, кто был свидетелем или находился поблизости. Ему удалось внести сумятицу и хаос в ряды этих суперученых.

V

Миля за милей в однообразной тьме. И вдруг Говард с изумлением понял, что четыре зеленых огонька, мелькавшие впереди, пропали. Оглянувшись, землянин увидел, что и фонари позади тоже исчезли. Теперь со всех сторон его окружал лишь непроглядный могильный мрак.

Говард почувствовал замешательство, а еще неподъемную всесокрушающую усталость. Он двинулся вперед медленными, неуверенными шагами, осторожно ведя пальцами по стене справа. Через какое-то время туннель резко свернул, но и тогда землянин не увидел пропавших огоньков. Было по-прежнему темно, откуда-то дуло, пахло камнем и минералами – не так, как в пещерах, облицованных моуффой. Говард заподозрил, что потерялся: в туннеле могли быть другие ответвления, и он мог пропустить их, передвигаясь ощупью. В приступе безрассудной тревоги он бросился вперед и на очередном повороте врезался прямо в угол стены.

Оглушенный ударом, Говард взял себя в руки. Теперь он совсем не понимал, двигается ли прежним курсом или возвращается назад по своим же следам. Возможно, он окончательно и бесповоротно потерялся в пещерном лабиринте. Пошатываясь, спотыкаясь, брел землянин вперед, постоянно ударяясь о стены, которые, казалось, все теснее смыкались вокруг и успели обзавестись острыми выступами.

Все сильнее ощущался сквозняк, запахло водой. И вот постепенно крошечную тьму впереди разбавило прохладное голубоватое сияние и вокруг проступили шероховатые стены и потолок с торчащими камнями.

Туннель закончился в огромной пещере из какого-то бледного, похожего на мрамор камня, потолок которой подпирали перекрученные столбы-колонны. Сияние испускали фосфоресцирующие растения высотой в человеческий рост, которые большими пучками росли на полу. Возможно, то были какие-то таллофиты, дурные и дряблые на вид; на их толстых белесоголубых стеблях торчали недоразвитые ветки и висели мягкие бледно-фиолетовые наросты, напоминающие плоды. Эти растения излучали свет целиком, всеми своими частями, и потому освещали вокруг себя довольно большое пространство – можно было даже кое-как разглядеть дальнюю стену пещеры со столбами-колоннами.

Проходя через заросли, Говард увидел, что у этих грибов или растений нет корней, и решил, что они опрокинутся от малейшего прикосновения. Но потом он споткнулся об один из пучков и выяснилось, что они вполне упругие и выдерживают его вес. Несомненно, таллофиты плотно крепились к гладкому камню при помощи чего-то вроде присосок.

Посреди пещеры за высокой каймой светящихся грибов обнаружилось озерцо, которое питала тоненькая струйка, капающая с темного потолка пещеры, куда не достигало голубоватое свечение. Говард испытал внезапный жестокий приступ жажды, снял металлический шлем и, плюнув на предосторожности, напился воды, резкой и горькой на вкус, в которой явно содержались неведомые ему минералы. А потом, терзаемый ненасытным голодом, словно путник,

много дней обходившийся без пищи, обратил взор на грушевидные плоды на высоких таллофитах. Отломив один от ветки, он надорвал сияющую кожицу, под которой обнаружилась мясистая мякоть. Аппетитный едкий запах так и манил. На вкус плод оказался довольно приятным, и, позабыв про опасность (вероятно, из-за всего пережитого он слегка повредился умом), Говард с жадностью набросился на еду.

Видимо, в грибе содержалось наркотическое вещество, потому что почти сразу же Говарда одолела необоримая сонливость. Он упал на спину и довольно долго лежал, погружившись в глубокий сон без сновидений, будто в пучину смерти между одной жизнью и другой. Когда он очнулся, его одолевала сильнейшая тошнота, мучительная головная боль и безнадежная спутанность сознания.

Он снова попил горькой воды из озера, а потом неуверенными слабыми шажками, преодолевая окутавший все чувства туман, принялся искать другой выход из пещеры, чтобы не возвращаться в тот туннель, из которого вышел. Одурманенный разум притупился, будто на него еще действовал неведомый наркотик; Говард не мог придумать сколько-нибудь четкого плана и лишь следовал животному инстинкту – бежать.

В конце концов он отыскал второй выход в противоположной стене пещеры – низкий, обрамленный обломанными столбами-колоннами. В проходе царила крошечная тьма, и перед тем, как углубиться туда, землянин оторвал от фосфоресцирующего гриба шишковатую ветку вместо фонаря.

Дальнейшие блуждания обернулись бесконечным кошмаром. Говард угодил в невероятно огромный лабиринт естественных пещер, больших и малых, соединявшихся между собой, наподобие сот в улье; эти подземелья располагались за пределами облицованных моуффой владений оумнисов.

Он шел по длинным, извивающимся, тяготящим туннелям вниз, в непроглядную тьму преисподней, карабкался вверх по пологим коридорам. Полз, словно ящерица, на брюхе через узкие отверстия, влажные от насыщенных неведомыми минералами вод; осторожно по краешку огибал по скользким и опасным изломанным уступам пропасти, словно явившиеся прямо из Дантова ада, а далеко внизу приглушенно вздыхали или дико громыхали подземные меркурианские реки.

Какое-то время он шел и шел вниз, будто погружаясь во чрево планеты. Воздух становился все теплее и влажнее. В конце концов Говард вышел к краю невероятной пропасти и много миль прошагал вдоль него среди зарослей фосфоресцирующих грибов, которые были гораздо больше тех, что он видел раньше, и вымахали, как гигантские деревья.

Эти грибы напоминали фантастические монолитные шпильки, но их люминесцентное сияние не могло осветить головокружительную бездну, раскинувшуюся внизу и наверху.

В этом безграничном мире ночи и тишины Говард ни разу не встретил оумнисов. Но, обогнув исполинскую пропасть, он начал подниматься через анфиладу небольших пещер, и тут ему время от времени стали попадаться отвратительные существа, белые и слепые, размером с крысу-переростка, но лишённые даже зачаточных ножек и хвостов. В угнетённом состоянии тела и духа Говард при виде этих примитивных уродцев почувствовал не предсказуемую гадливость, но страх. Однако существа не проявляли агрессии и при его приближении медленно и испуганно сжимались. Раз он случайно наступил на одно и с воплем ужаса отпрыгнул, когда оно мерзостно заелозило под ногой. Приглядевшись, Говард увидел, что раздавил зверушке голову, и тогда, набравшись храбрости, принялся лупить по страхолюдине металлическим прутом, с которым так и не расстался. Когда трупик превратился в склизкое месиво, все еще дергающееся в агонии, землянин, одолеваемый первобытным зверским голодом, забыв про все цивилизованные предрассудки, которые с таким трудом наживало человечество, упал на колени и с бесстыдной жадностью сожрал добычу. Наевшись вдоволь, он растянулся прямо на камнях и проспал много часов.

VI

Когда Говард проснулся, физических сил у него прибавилось, однако нервная система и разум были отчасти надломлены из-за пережитого. Подобно дикарю, что открывает глаза в первобытной пещере, он испытал иррациональный ужас перед тьмой и неизвестностью. Воспоминания были спутаны и рассеяны, и оумнисы остались в них лишь как непонятная, чуть ли не сверхъестественная опасность, от которой пришлось убежать.

Рядом в темноте лежала ветка с растения-гриба, которая служила ему фонарем. Зажав в одной руке ее, а в другой металлический прут, Говард возобновил свои скитания. По дороге ему опять попадались белые безногие существа, но он уже справился со страхом и воспринимал их только как источник пищи. Вскоре он убил и съел одно, наслаждаясь склизким мясом, точно какой-нибудь туземец, с удовольствием пожирающий личинок или белых муравьев.

Говард потерял всякое чувство времени. Превратился в неведомо кого, бесконечно карабкающегося через пещеры в подземном Аиде, пробирающегося вдоль темных рек, озер и пропастей; он убивал, когда испытывал голод; спал, когда его подкашивала усталость. В слепых, инстинктивных поисках света и свежего воздуха он бродил так много дней, а может, много недель.

Флора и фауна в пещерах менялись. Говард пролезал сквозь туннели, сплошь покрытые щетинистым ковром из светящихся таллофитов; некоторые были острыми и жесткими, словно их пронизывали металлические нити. Выходил к теплым озерам, воды которых кишели длинными гибкими существами, похожими на гидр, чьи тела делились на сегменты, словно у ленточных червей; твари нападали на него, но не могли прокусить своими беззубыми мягкими пальцами защищенные моуффой ноги.

Какое-то время Говард шел через пещеры, где было неестественно тепло: очевидно, поблизости располагался действующий вулкан. Там попадались гейзеры и горячие источники, от которых поднимались клубы обжигающего пара, а витающие в воздухе неведомые газы пахли металлом и разъедали нос и легкие. Какие-то остатки воспоминаний о том времени, когда он был ученым, подсказали Говарду, что нужно избегать таких мест и возвращаться туда, где воздух чище.

Раз, убегая подальше от одной ядовитой пещеры, он очутился в огромном подземном зале шириной в целую милю, с необычайно обильными зарослями грибов, и там среди светящихся чаш ему выпало одно из самых ужасных испытаний. На него набросилось прятавшееся в инопланетных дебрях огромное змееподобное чудовище, белое, как и все остальные местные формы жизни, и такое же безногое, хотя на голове у него, как у циклопа, горел единственный фосфоресцирующий глаз. Зверюга сбила землянина с ног своей бесформенной тупой башкой, словно тараном и, пока Говард лежал, оглушенный ударом, принялась заглатывать его, начиная с ног, затягивать в свою непомерную утробу. Похоже, металлический костюм никак ей не мешал. Тварь добралась уже до бедер, но тут Говард пришел в сознание и понял, в какую кошмарную переделку угодил.

Одолеваемый омерзением и гневом, он завыл и что-то нечленораздельно забормотал, как пещерный человек, а потом поднял металлический прут, который каким-то чудом сумел не выпустить из рук, и принялся остервенело лупить по страшной голове и пасти, куда его затягивало дюйм за дюймом. Прут отскакивал от огромной упругой туши, не причиняя ей почти никакого вреда, а тем временем землянин уже оказался по пояс внутри чудовища. В момент смертельной опасности к Говарду вернулись какие-то остатки логического мышления: нацелив прут, словно рапиру, он вогнал его в гигантский сияющий глаз почти целиком и, видимо, проткнул рудиментарный орган, заменявший гадине мозг. Из глаза потекла бледная, похожая на яичный белок жидкость, а слюнявые челюсти сомкнулись вокруг талии Говарда с почти невы-

носимой силой: в своей агонии животное чуть не раздавило свою жертву. Несколько минут мясистое белое тело билось в предсмертных судорогах, и Говард потерял сознание. Когда он снова пришел в себя, существо уже почти не шевелилось, а огромная пасть слегка расслабилась, и ему удалось выбраться из жуткого зева.

Пережитое потрясение довершило ментальный распад, и Говард еще глубже погрузился в примитивное полузвериное состояние. Время от времени его мозг почти полностью отключался, и он брел, ничего не ведая и ничего не помня, гонимый лишь ужасом и слепым инстинктом, который по-прежнему толкал его на поиски выхода из подземных инопланетных пещер.

Несколько раз, когда Говард пробирался через заросли грибов, ему приходилось бежать или прятаться от других змееподобных чудищ, похожих на то, что едва его не проглотило. В конце концов он добрался до крутого склона и двинулся по нему наверх. Воздух стал прохладнее, а по пути больше не попадалось ни растительных, ни животных форм жизни. Говард вяло раздумывал, почему же здесь так холодно, но никакого объяснения помутившийся разум не подсказал.

Накануне Говард раздобыл себе новый отросток светящегося гриба, который служил ему фонарем. Теперь, ощупью пробираясь по необозримому доломитовому склону, испещренному расщелинами и пропастями, он вдруг с неопишущим ужасом заметил вдалеке наверху два сияющих зеленым холодных глазка, что проплывали среди скал. Говард успел в буквальном смысле позабыть об оумнисах и их фонарях, но что-то – отчасти инстинкт, отчасти память – шепнуло ему о страшной опасности, превосходившей все то, с чем он встречался во тьме.

Говард швырнул на землю фосфоресцирующий отросток и укрылся за доломитовой скалой. Из своего убежища он видел, как двое бессмертных, облаченных в серебристые костюмы из моуффы, прошли мимо, спустились по склону и исчезли внизу среди камней. Он не знал, выслеживают ли они его, но, когда меркуриане скрылись из виду, сломя голову полез наверх, чувствуя, что от существ с зелеными ледяными светильниками нужно убраться как можно дальше.

Доломитовые скалы стали меньше, пещера сузилась бутылочным горлышком, стены сомкнулись вокруг него со всех сторон, и вот он уже пробирался по тесному извилистому туннелю. Пол выровнялся. Вскоре Говарда ослепил вспыхнувший впереди свет – такой же яркий, как солнечный. Сжавшись от страха, землянин отступил и заслонял глаза ладонями, пока не приспособился к нестерпимому сиянию. А потом крадучись, преисполненный смутными страхами и неизъяснимыми надеждами, двинулся вперед и оказался на пороге облицованного металлом громадного зала, где никого не было, но отовсюду сиял свет.

Проход туда из естественной пещеры, где стоял Говард, перегораживало что-то вроде вертикального створа, и этот створ был поднят – вероятно, теми самыми бессмертными, которых он видел внизу среди скал. Рядом стояло похожее на лодочку транспортное средство, на котором они, очевидно, и приехали. Эта лодочка и зал были ему знакомы, и теперь Говард кое-как припоминал те испытания, через которые прошел по вине оумнисов перед своим побегом во тьму.

Пол в зале слегка кренился, и Говард вспомнил, что, если пойти вверх, можно выбраться к утерянному миру и свободе. С опаской, осторожно, он звериными прыжками поспешил туда.

Где-то через милю пол совершенно выровнялся, а сам туннель изогнулся. Говард уже не видел, что поджидает его впереди. Он выскочил за поворот так резко, что даже не успел затормозить при виде троих стоявших к нему спиной оумнисов в металлических костюмах. Рядом с ними ждала лодочка. Один бессмертный толкал огромный выходящий из стены рычаг, похожий на вымбовку от корабельного шпиля, и, словно в ответ на его усилия, медленно опускался, перегораживая проход, блестящий створ. Дюйм за дюймом полз грозный металлический занавес, грозя вот-вот перекрыть весь туннель и окончательно отрезать землянину путь к бегству.

Говард даже не подумал о том, что туннель за створом может вести совсем не туда, куда он так отчаянно стремился. Каким-то чудом бывшие храбрость и находчивость отчасти вернулись к нему, и он не повернулся и не бросился наутек, как сделал бы при виде бессмертных еще совсем недавно. Он понял, что должен совершить рывок, чтобы выбраться наконец из меркурианских подземелий – сейчас или никогда.

Землянин бросился на ничего не подозревающих оумнисов, целиком поглощенных своим занятием, и ударил ближайшего металлическим прутком. Меркурианец рухнул, клацнув по полу костюмом из моуффы. Второй бессмертный, толкавший вымбовку, не бросил своих трудов, а Говарду некогда было разбираться с ним, поскольку третий с поистине тигриным проворством отпрыгнул назад и наставил на него смертоносную трубку.

Огромный створ уже почти опустился – между ним и полом пещеры оставалось немногим более двух футов. Увидев это, Говард кинулся вперед в узкую щель, сначала на четвереньках, а потом и на животе, и ему удалось протиснуться под страшным металлическим занавесом.

Оказавшись на той стороне, он хотел вскочить, но обнаружил, что его что-то не пускает. Вокруг была крошечная тьма, но землянин исхитрился встать на колени и, ощупав себя руками, понял, что ему мешает. Опустившийся створ прищемил длинный чехол из моуффы, предназначенный для меркурианской шпоры на правой ноге. Говард рвался на свободу, точно угодивший в капкан зверь. Костюм был очень прочным, и его крепко прижимал к земле тяжелый металлический занавес; казалось, выбраться не удастся.

А потом уже отчаявшийся Говард вспомнил, что костюм не застегнут на груди. Кое-как, с мучениями, он выбрался из костюма, сбросив металлическую оболочку, как ящерица шкуру.

Поднявшись на ноги, землянин поспешил во тьму. Фосфоресцирующую ветку он уронил, когда нырнул под створ, поэтому света у него больше не было. Босые ноги ступали по грубому полу с торчащими острыми камнями, тело обдувал ледяной ветер, холодный, точно смертоносное дыхание ледников. Проход вел вверх и местами превращался в нечто похожее на ступени, по которым Говард лез, спотыкаясь, падая и набивая страшные синяки. Потом он рассадил голову об острый выступ, торчавший из низкого потолка. По лбу и в глаза потекла теплая кровь.

Подъем делался все круче, а холод стал и вовсе непереносимым. Никто из оумнисов вроде бы его не преследовал, но Говард все равно боялся, что они поднимут створ и бросятся за ним в погоню, а потому торопливо лез дальше. Его все больше озадачивал крепнущий мороз, но здравый смысл и способность строить гипотезы совершенно его покинули. Голые руки, ноги и туловище покрылись мурашками, и Говарда колотил жестокий озноб, хотя он без устали бежал и карабкался.

Ступени стали ровнее и попадались чаще. Казалось, они уходят во тьму бесконечно; Говард постепенно приспособился к ним и шаг за шагом, ощупью продвигался вверх, лишь изредка спотыкаясь и падая. Разбитые ноги кровоточили, но от холода уже теряли чувствительность, а потому боли он почти не ощущал.

Высоко над головой Говард увидел круглое пятно тусклого света и, хватая ртом ледяной воздух, который становился все более разреженным и все хуже приспособленным для дыхания, бросился туда. Сотни, тысячи черных обледелых ступеней пришлось ему преодолеть, прежде чем он приблизился к источнику света. Землянин вышел из пещеры где-то в долине под непроницаемо-черными небесами, в которых сияли холодные неподвижные звезды, а вокруг, куда ни кинь взгляд, раскинулись бесконечные угрюмые склоны и пики, застывшие и безмолвные, точно ледяная смертельная греза. Мириадами граней переливались на них в звездном свете льды, а саму долину испещряли белыми бледными пятнами. Одно из них располагалось прямо у выхода из пещеры, где на верхней ступеньке стоял землянин.

Он мучительно силился вдохнуть морозный разреженный воздух, тело его мгновенно окоченело, скованное оцепенением, а он все стоял, ошеломленно вглядываясь в открывшееся

перед ним нагромождение ледяных гор. Он словно очутился в мертвой пропасти среди невыразимой вечной пустоты, где никогда не смогла бы существовать никакая жизнь.

Кровь смерзлась у него на лбу и щеках. Стеклeneющими глазами Говард видел, что ступени ведут дальше вверх по склону ближайшей скалы. Вероятно, бессмертные вырубили их здесь для каких-то своих непостижимых целей, и эта лестница поднималась к самым ледяным вершинам.

То была не знакомая сумеречная зона Меркурия, откуда Говард попал в подземелья, но навечно лишенная солнца темная ночная сторона, где царил жуткий космический холод. Говард почувствовал, как ледяные пропасти и пики смыкаются вокруг него свирепым и суровым северным адом. А потом это ужасное понимание постепенно потемнело и потускнело, превратилось в смутную мысль, парившую над его угасающим сознанием. Говард рухнул ничком на снег; руки и ноги его уже заледенели и не гнулись; и милосердное омертвление сковало его окончательно.

Империя некромантов

Легенда о Мматмуоре и Содосме родится уже на последних оборотах Земли, когда веселые предания ее золотых дней будут давным-давно позабыты. Многие эпохи канут в прошлое, и там, где некогда были морские воды, воздвигнутся новые континенты, прежде чем придет время ее рассказать. И быть может, в тот день она поможет немного развеять жестокую тоску умирающей расы, утратившей надежду на все, кроме забвения. Я расскажу это предание так, как его будут рассказывать на Зотике, последнем континенте, под угасающим солнцем и грустными небесами, которые вечерней порой озаряемы чудовищно яркими звездами.

I

Мматмуор и Содосма, некроманты с темного острова Наат за усохшими морями, явились в Тинарат, чтобы заниматься там своим пагубным искусством. Однако в Тинарате они не слишком преуспели, ибо у жителей этой серой страны смерть почиталась священной и осквернить могильное небытие было не так-то просто, а воскрешение мертвых чарами некромантии считалось кошунством.

Посему в скором времени Мматмуору и Содосме, изгнанным из города разгневанными жителями, пришлось бежать на юг, в пустыню Синкор, населенную лишь скелетами и мумиями – они единственные остались от некогда могущественной расы, которую еще в стародавние времена сгубил Великий Мор.

Путь беглецов лежал по унылой растрескавшейся земле, выжженной лучами огромного солнца, что цветом напоминало едва тлеющий уголь. Один вид этих осыпающихся камней и занесенных песками безлюдных просторов привел бы в ужас обычного человека, и, поскольку колдуны оказались в этой бесплодной пустыне без еды и воды, положение их могло бы показаться отчаянным. Но, улыбаясь про себя, с видом завоевателей, прокладываящих путь к вожаемой цели, Содосма и Мматмуор все дальше углублялись в сердце Синкора.

Через поля, лишённые растительности, пересекая русла пересохших рек, расстилался пред ними тракт, по которому в прежние времена путники добирались из Синкора в Тинарат. Ни одной живой души не встретилось колдунам на пути, зато вскоре прямо посреди дороги они наткнулись на скелеты коня в роскошной сбруе и всадника, чьи одеяния выглядели столь же великолепно, как и при его жизни. Мматмуор и Содосма остановились перед жалкими костями, на которых не осталось ни клочка плоти, и хищно улыбнулись друг другу.

– Скаун будет твоим, – объявил Мматмуор, – поскольку из нас двоих ты чуть старше и посему обладаешь правом первенства, а всадник станет служить нам обоим и будет первым в Синкоре, кто присягнет нам на верность.

Они начертили на пепельном песке у обочины тройной круг и, стоя рядом друг с другом в центре, приступили к святотатственному ритуалу, который поднимает мертвых из покоя небытия и во всем подчиняет их злой воле некроманта. Затем они всыпали коню и человеку в зияющие провалы ноздрей по щепотке волшебного порошка, и добела обглоданные ветрами и дождями кости, скорбно поскрипывая, поднялись с того места, где так долго лежали, и застыли, готовые служить хозяевам.

Как и было уговорено, Содосма оседлал костяного скакуна, натянул изукрашенные драгоценными камнями поводья и, подобный злой пародии на Смерть, погнал свою бледную клячу вперед. Мматмуор брел за ним, слегка опираясь на посох черного дерева, а человеческий скелет в болтавшемся на костяных плечах пышном одеянии следовал за этими двумя, как верный оруженосец.

Вскоре на серой пустоши они наткнулись на останки еще одного всадника на коне, которые шакалы обошли стороной, а солнце иссушило до состояния мумии. Этих двоих они тоже воскресили; Мматмуор взгромоздился на спину высохшего коня, и колдуны с торжественностью странствующих императоров поскакали дальше в сопровождении свиты из трупа и скелета. Все прочие кости и останки, попадавшиеся им по пути, оживлялись надлежащим образом при помощи все того же обряда, так что по мере продвижения по Синкору процессия все разрасталась и разрасталась.

Уже почти на подходе к столице, Йетхлиреому, глазам колдунов предстали бесчисленные гробницы и некрополи, чей покой никто не нарушал вот уже многие столетия; здесь лежали спеленатые мумии, практически не успевшие усохнуть за время своего смертного сна. Всех их колдуны тоже подняли и заставили выполнять свои повеления. Одним было велено пахать и засеивать пустынные поля, а также носить воду из глубоких колодцев; другим пришлось делать ту же работу, какой они занимались при жизни. На смену вековой тишине пришли шум и грохот: мертвые ткачи трудились над своими челноками, а трупы пахарей шли за плугами, в которые были впряжены трупы буйволов.

Утомленные этим странным путешествием и обессиленные многократно повторяемыми заклинаниями, Мматмуор и Содосма увидели наконец с вершины пустынного холма далекие башни и уцелевшие величественные купола Йетхлиреома, словно утопающие в темнеющей крови зловещего заката.

– Это славная земля, – промолвил Мматмуор, – и мы поделим ее меж собой, и будем властвовать над всеми мертвыми, что покоятся в ней, и завтра же взойдем на императорский престол в Йетхлиреоме.

– О да, – отозвался Содосма, – ибо здесь нет живых, что могли бы противостоять нам; те же, кого мы вызвали из царства мертвых, будут двигаться и дышать только по нашему велению и не смогут восстать против нашей власти.

Так, в кроваво-красных сумерках, тронутых уже густым пурпуром, вступили они в Йетхлиреом и, миновав погруженные во тьму громады величественных дворцов, расположились со своей жуткой свитой в том из них, откуда на протяжении двух тысячелетий правили Синкором императоры династии Нимботов.

Своим хитроумным колдовством они затеплили в пыльных золотистых залах давным-давно погасшие светильники из оникса и поужинали царскими яствами прошлого, которые раздобыли тем же способом. Бесплотные руки слуг разливали древние имперские вина в кубки из лунного камня, и два колдуна бражничали, пировали и веселились с фантасмагорической пышностью, отложив на завтрашний день воскрешение тех, кто спал вечным сном в земле Йетхлиреома.

Утром они поднялись очень рано, когда темно-малиновый рассвет только занимался над городом, ибо сделать предстояло еще очень многое. Они деловито сновали по забытому городу, творя свои гнусные обряды над так и не погребенными останками тех, кого смерть унесла в последний год Великого Мора. Покончив с этим делом, они перешли к другому некрополю, располагавшемуся за пределами Йетхлиреома, где в богато украшенных склепах и великолепных мавзолеях покоились императоры, самые выдающиеся граждане и вельможи Синкора.

Некроманты приказали безропотным рабам-скелетам разбить запечатанные двери склепов молотками, после чего своими гнусными тираническими заклятиями призвали к себе императорские мумии, не пощадив даже самого старшего из всей династии; и те послушно вышли к ним – на негнущихся ногах, с черными провалами глаз, в роскошных саванах, расшитых ярко сверкающими драгоценными камнями. Затем пришел черед вдохнуть подобие жизни в многочисленные поколения придворных и сановников.

Двигаясь торжественной процессией, мертвые императоры и императрицы Синкора с высохшими, мрачными и высокомерными лицами выразили свое почтение Мматмуору и Содос-

сме и, словно вереница невольников, проследовали за ними по всем улицам Йетхлиреома. Некроманты установили в просторном тронном зале дворца высокий двойной трон, на котором некогда восседали законные правители с супругами. В окружении императоров, наряженных в пышные погребальные одежды, они были облечены верховной властью движением иссохшей руки мумии Гестайюна, основателя династии Нимботов, который правил Синкором в незапамятные времена. После этого все потомки Гестайюна, заполонившие зал, глухими, точно эхо, голосами провозгласили владычество Мматмуора и Содосмы.

Так отверженные некрманты обзавелись империей и подданными в безлюдной и бесплодной земле, куда жители Тинарата изгнали их на верную гибель. Безраздельно подчинив себе всех мертвецов Синкора посредством своей гнусной магии, они правили с беспощадным деспотизмом. Их бесплотные прислужники приносили им дань из дальних пределов их владений; а обезображенные тлением трупы и высокие мумии, распространявшие вокруг себя запах бальзамических смол, сновали туда-сюда по всему Йетхлиреому, исполняя поручения колдунов, или горами складывали перед их жадные очи потемневшее золото и покрытые пылью времен драгоценные камни из своих неистощимых склепов.

Мертвые садовники вернули к жизни давным-давно канувшие в небытие цветущие дворцовые сады; трупы и скелеты трудились на рудниках или возводили великолепные, фантастические башни, рвущиеся ввысь к угасающему солнцу. Казначей и принцы былых времен подносили некрмантам кубки, а златокудрые императрицы, огонь чьих волос не сумела погасить могильная тьма, услаждали их слух игрой на лютнях, перебирая струны обтянутыми пергаментной кожей руками. Самые же прекрасные, чьи прелести были не слишком сильно обезображены тлением и червями, стали наложницами колдунов и принуждены были утолять их некрофилическую страсть.

II

По приказанию Мматмуора и Содосмы обитатели Синкора везде и во всем вели себя подобно живым. Они говорили и двигались, они ели и пили, как при жизни. Они слышали, видели и испытывали чувства, сходные с теми, какие испытывали, прежде чем их настигла смерть, но разум их был поработен чудовищным колдовством. Они помнили, пусть и совсем смутно, свою прежнюю жизнь, а то существование, что им приходилось влачить теперь, было пустым и беспокойным существованием тени. Кровь их медленно и неохотно струилась по жилам, смешанная с водами реки забвения; и дыхание Леты туманило их глаза.

Они безмолвно повиновались приказаниям своих деспотичных повелителей, не возмущаясь, не возражая, но в том смутном безграничном изнеможении, какое испытывают мертвые, когда, уже пригубив чашу вечного сна, они вынуждены вновь возвращаться к тяготам земного бытия. Они не испытывали ни страсти, ни желания, ни удовольствия, лишь грызущую боль пробуждения от сна Леты и тусклое настойчивое желание вернуться к прерванному забытию.

Самым младшим и последним императором из династии Нимботов был Иллейро, умерший в первый же месяц Великого Мора и двести лет пролежавший в своем величественном мавзолее до того дня, когда появились некрманты.

Разбуженный вместе с подданными и прародителями, чтобы прислуживать двум тиранам, Иллейро, не ропща и не удивляясь, вновь влачил пустое существование. Эту напасть, обрушившуюся на него и на его предков, он сносил так, как принимают оскорбления и недоразумения, привидевшиеся в дурном сне. Он знал, что вернулся под дотлевающее солнце, в бессмысленный призрачный мир, к порядку вещей, в котором сам он был лишь покорной тенью. Но поначалу его, подобно всем остальным, снедала лишь смутная печаль и бессильная тоска по утраченному забвению.

Одурманенный колдовством своих повелителей и ослабевший за время векового небытия, Иллейро, как сомнамбула, наблюдал за всеми теми гнусностями, которым подвергались его прародители. Однако спустя много дней слабая искорка забрезжила вдруг в его вязком сумеречном разуме.

Он вспомнил безвозвратно утраченное величие царствования в Йетхлиреоме, от которого его теперь отделяла непреодолимая пропасть, вновь ощутил гордость и ликование далеких дней своей юности. А вместе с памятью в душе его смутно всколыхнулось возмущение, тень негодования против злодеев, заставивших его вернуться назад, в это убогое подобие жизни. Он начал втайне оплакивать свою поруганную землю и бедственное положение предков и подданных.

Теперь простой виночерпий в тех залах, где прежде правил, Иллейро изо дня в день был свидетелем деяний Мматмуора и Содосмы. Он видел их прихоти, продиктованные жестокостью и похотью, их все более разнузданное пьянство и обжорство. Он видел, как они купаются в некромантической роскоши, как лень ослабляет их ум, а невоздержанность – тело. Они забросили занятия магией и позабыли многие свои заклинания. Но тем не менее они по-прежнему правили, все еще могучие и грозные, и, развалившись на розовых и пурпурных ложах, грезили о том, как поведут армию мертвецов на Тинарат. Мечтая о завоеваниях и о новых гнусных обрядах, они жирели и предавались лени, словно могильные черви, что обосновались в склепе, полном гнили. И этим своим небрежением и деспотизмом они разогли в сумрачном сердце Иллейро мятежный огонек, и мало-помалу жар его начал одолевать мертвящее дыхание Леты. Чем дальше, тем необоримее охватывал его гнев, и постепенно Иллейро обрел некое подобие своей прижизненной силы и твердости. Он видел безнравственность своих угнетателей и помнил зло, причиненное беззащитным мертвым, и хор приглушенных голосов в его мозгу требовал возмездия все громче и громче.

Окруженный предками, Иллейро безмолвно скользил по залам дворца в Йетхлиреоме, исполняя распоряжения повелителей, или терпеливо ждал их приказаний. Он наполнял кубки из оникса янтарными винами, колдовством добытыми на холмах, согретых более молодым солнцем; он безропотно сносил унижения и оскорбления. И ночь за ночью он наблюдал, как некроманты напиваются допьяна, пока не уснут, раскрасневшиеся и осоловевшие, посреди не принадлежащей им роскоши.

Живые мертвецы почти не разговаривали друг с другом; отцы и сыновья, матери и дочери, бывшие влюбленные проходили друг мимо друга, будто не узнавая, без слова жалобы на свой жестокий жребий. Но наконец однажды ночью, когда тираны забылись пьяным сном и язычки пламени в колдовских светильниках заколыхались, Иллейро пришел за советом к старшему прародителю, Гестаййону, которого легенды прославляли как великого волшебника и хранителя потаенного знания древности.

Гестаййон стоял поодаль от других, в углу полутемного зала, коричневый и высохший в своих жалких бинтах мумии, и тусклые обсидиановые глаза его, казалось, неподвижно глядели в небытие. Поначалу он как будто не услышал вопроса Иллейро, но потом вдруг заговорил сухим шелестящим шепотом:

– Я слишком стар, а смертный сон мой был столь долог, что я позабыл очень многое. Однако, заглядывая назад, в пустоту смерти, я, наверное, смогу вернуть себе хотя бы толику былой мудрости, и мы вместе найдем способ спастись.

И Гестаййон принялся перебирать обрывки воспоминаний, как человек, что пытается отыскать крупницу драгоценного знания в изъеденных книжным червем томах, давным-давно сгнивших в своих переплетах, пока наконец не вспомнил и не произнес:

– Я припоминаю, что был когда-то могущественным волшебником и многое было мне ведомо, в том числе и заклятия некромантии, но я не использовал их, считая воскрешение мертвых отвратительным. Кроме того, я владел и иными знаниями, и, быть может, среди них

найдется то, что пригодится нам сейчас. Ибо я помню темное туманное пророчество, сделанное в те давние годы, когда был заложен Йетхлиреом и зародилась империя Синкора. Пророчество гласило, что беда страшнее смерти постигнет императоров и жителей Синкора в будущем и что первый и последний из Нимботов, объединив силы, найдут способ освободиться и победить злой рок. В пророчестве не было ни слова о том, что это за беда, однако там говорилось, что два императора найдут решение задачи, разбив древнее глиняное изваяние, кое охраняет самое нижнее подземелье под императорским дворцом в Йетхлиреоме.

Выслушав это предсказание из поблекших уст своего предка, Иллейро некоторое время размышлял, а затем промолвил:

– Мне вспоминается один день моей ранней юности, когда, бесцельно бродя пустыми подземельями нашего дворца, как это свойственно порою детям, я добрался до самого последнего и нашел там грубо слепленное из глины пыльное изваяние, чей облик был мне незнаком. И, не подозревая о пророчестве, я расстроился и ушел так же беззаботно, в поисках уходящего солнца.

И тогда, прихватив из зала изукрашенные драгоценными камнями светильники, Гестайон и Иллейро ускользнули от равнодушных сородичей и двинулись по тайной лестнице в подземелье дворца; и, крадучись, словно неостановимые коварные тени, по лабиринту ночных коридоров они добрались наконец до самого нижнего подземелья.

Здесь, в клубах паутины и черной пыли незапамятных времен, они нашли, как и было предсказано, глиняную статую, чьи грубые черты принадлежали одному из забытых земных божков. Иллейро разбил изваяние обломком камня, и они с Гестайоном извлекли из полого нутра статуи великолепный меч благородной стали, тяжелый ключ бесскверной бронзы и таблички из блестящей меди, на которых было высечено, что нужно сделать, дабы избавить Синкор от темного владычества некромантов и вернуть людей в милосердные объятия смерти.

Бронзовым ключом Иллейро отпер, как приказывала табличка, низенькую узкую дверцу в задней стене нижнего подземелья, что скрывалась за разбитым изваянием, и они увидели то, о чем было сказано в пророчестве. Винтовая лестница из темного камня вела вниз, в неведомые глубины, где, как в гигантской топке, все еще клочкотал угасающий земной огонь. Оставив Иллейро охранять открытую дверь, Гестайон иссохшей рукой поднял меч и зашагал обратно в зал, где, раскинувшись на ложах розового и пурпурного цвета, в окружении покорных рядов бледных мертвецов спали пьяным сном некроманты.

Ведомый древним пророчеством и обретенным знанием, Гестайон взмахнул мечом и одним ударом по очереди отсек Мматмуору и Содосме головы. Затем, как велели таблички, он разрубил их тела, каждое на четыре части. И некроманты, испустив свой нечистый дух, остались замертво лежать на своих пышных ложах, окропляя багрянцем розовый и разбавляя более яркими оттенками унылый пурпур богатых покрывал.

И тогда благородный Гестайон, обращаясь к сородичам, что стояли безмолвно и равнодушно, едва ли осознавая свое избавление, заговорил сухим шелестящим шепотом, но в то же самое время повелительно, как царь, что отдает приказы своим подданным. Мертвые императоры и императрицы зашевелились, точно осенние листья на внезапном ветру, и по толпе пробежал шепот, который быстро распространился за пределы дворца, чтобы окольными путями оповестить всех мертвецов в самых дальних уголках Синкора.

Всю ночь и весь следующий за ней кроваво-сумрачный день в свете дрожащих факелов и под лучами гаснущего солнца бесчисленная армия тронутых тлением покойников и оборванных скелетов устрашающим потоком тянулась по улицам Йетхлиреома и через дворцовый зал, где Гестайон сторожил поверженных некромантов. Ни на миг не замедляя движения, эта процессия бесплотных теней с застывшими, отсутствующими взглядами двигалась к подземелью под дворцом, чтобы пройти сквозь распахнутую дверь, у которой стоял Иллейро, а затем спу-

ститься по тысячам тысяч ступеней к пучине, что клекотала затухающим огнем. Там они с края пропасти бросались в объятия смерти во второй раз, чтобы сгинуть в пылающей бездне.

Но после того, как все обрели избавление, Гестайон еще оставался на посту, один в угасающем закатном свете, у разрубленных на куски тел Мматмуора и Содосмы. Здесь, подчиняясь велению спасительных табличек, он в первый и последний раз опробовал заклинания древней некромантии, которые выучил в годы расцвета своей мудрости, и произнес заклятие, обрекавшее обезображенные тела колдунов на вечную жизнь в смерти, которую те уготовили народу Синкора. Едва заклятие сорвалось с его бесцветных губ, головы некромантов бешено завращали свирепыми глазами, а туловища и отсеченные члены начали корчиться на императорских ложах в запекшейся крови. После этого, не оборачиваясь, зная, что выполнил все в точности так, как было предписано и предопределено с самого начала, благородный Гестайон предоставил злосчастных некромантов их судьбе и устало побрел сквозь лабиринт погруженных во мрак подземелий, где ждал Иллейро.

И в безмятежном молчании, ибо в словах они более не нуждались, Иллейро и Гестайон прошли через раскрытую дверь нижнего подземелья, а Иллейро запер ее за собой ключом из бесскверной бронзы. А затем по спиральной лестнице они направили свои стопы туда, где клекотало угасающее пламя, и воссоединились со своими сородичами и подданными в окончательном и абсолютном небытии.

Что же до Мматмуора и Содосмы, то говорят, будто бы их четвертованные тела по сию пору ползают в затерянном Йетхлиреоме, не находя ни покоя, ни облегчения, и тщетно ищут в черном лабиринте нижних подземелий дверь, запертую Иллейро.

Семена из гробницы

– Да, я нашел это место, – сказал Фалмер. – Место весьма необычное, как его и описывают легенды.

Он быстро сплюнул в костер, словно ему физически неприятно было говорить, и, наполовину отвернувшись от испытующего взгляда Тоуна, угрюмо и мрачно уставился в густую чащобу венесуэльских джунглей.

Тоуна, которого еще мучили слабость и головокружение лихорадки, свалившей его и помешавшей продолжить путешествие, озадачили эти слова. С Фалмером, похоже, за три дня отсутствия произошла необъяснимая перемена – но перемена до того неуловимая и в некоторых своих проявлениях непостижимая, что сути ее не поймешь.

Кое-какие ее проявления, однако, были более чем очевидны. Прежде, даже в минуты крайних тягот или тропических болезней, Фалмер всегда оставался разговорчивым и веселым. Теперь же он помрачнел и замкнулся, словно его занимали некие отвлеченные, но неприятные мысли. Черты его грубовато-добродушного лица ввалились, даже заострились, а глаза сузились в таинственные щелочки. Тоуна тревожили эти перемены, хотя он пытался убедить себя, что виной тому всего лишь его собственные больные фантазии из-за уходящей лихорадки.

– Может, расскажешь, что там? – настойчиво спросил он.

– Да тут и рассказывать-то особо нечего, – как-то ворчливо отозвался Фалмер. – Просто несколько полуразрушенных стен, уже заросших лесом, и обрушившихся колонн, увитых лианами.

– Но ты нашел погребальную яму из индейской легенды, где якобы должно быть золото?

– О да, нашел. Потолок уже рухнул, найти не проблема, вот только сокровищ там не оказалось.

Фалмер отвечал сварливо, и от дальнейших расспросов Тоун решил воздержаться.

– Пожалуй, – небрежно заметил он, – нам не стоило отвлекаться от охоты за орхидеями. Похоже, поиски сокровищ – занятие не для нас. А кстати, каких-нибудь необычных цветов ты в этом походе не видел?

– Да не видел я, черт побери, – огрызнулся Фалмер. Лицо его в свете костра внезапно посерело, а в глазах вспыхнул то ли страх, то ли гнев. – Может, заткнешься, а? Не хочу ни о чем говорить. У меня весь день голова трещит, – похоже, начинается проклятая венесуэльская лихорадка. Лучше двинемся завтра к Ориноко – лично я этим походом уже сыт по горло.

Джеймс Фалмер и Родерик Тоун, профессиональные охотники за орхидеями, вместе с двумя проводниками-индейцами продвигались по малоизвестному притоку в верховьях Ориноко. Местность изобиловала редкими цветами, но, помимо ее растительного богатства, их сюда привлекли ходившие среди местных племен смутные, но настойчивые слухи о том, что где-то на берегах этого притока есть разрушенный город, в нем – погребальная яма, а в ней вместе с мертвецами некоего безымянного народа захоронены несметные сокровища: золото, серебро и драгоценные камни. Все эти слухи передавались с чужих слов, но Фалмер и Тоун решили, что стоило бы проверить. Когда до руин оставался день пути, Тоун заболел, и Фалмер отправился на долбленной лодке с одним индейцем, оставив другого ухаживать за Тоуном. На закате третьего дня он вернулся.

Лежа и глядя на своего товарища, Тоун по размышлению решил, что, вполне вероятно, Фалмер так неразговорчив и угрюм, потому что разочарован неудачными поисками сокровищ. Да к тому же еще и какая-то тропическая зараза, похоже, проникла в его кровь. С другой стороны, Тоун вынужден был в сомнениях признать, что Фалмер не из тех, кто в подобных обстоятельствах оказался бы разочарован или впал в уныние. Тоуну уже выпадал случай убедиться, что чистая жажда наживы его компаньону не свойственна.

Фалмер больше не разговаривал, лишь сидел и смотрел прямо перед собой, словно видя нечто недоступное другим за кругом пламени костра, за освещенными ветвями и лианами, там, где таилась шепчущая тьма. В поведении его чувствовался невнятный страх. Продолжая наблюдать за Фалмером, Тоун заметил, что бесстрастные и загадочные индейцы тоже последовали его примеру, словно в ожидании какой-то неясной перемены. Загадка оказалась для Тоуна чересчур сложной, и вскоре он сдался, провалившись в беспокойную дремоту. То и дело просыпаясь, он видел все то же сосредоточенное лицо Фалмера, с каждым разом все темнее и искаженнее по мере того, как угасал костер и надвигались тени. В конце концов оно обернулось как будто недочеловеческим – его пожрали нечеловеческие тени, искорежили переменчивые страхи фебрильных грез.

Утром Тоуну полегчало – мысли его прояснились, пульс снова успокоился; но в нарастающей тревоге он наблюдал, как усилилось недомогание Фалмера: тот с трудом поднялся, не произнес почти ни слова, а двигался очень заторможенно и закоренело. Похоже, о своем предложении вернуться к Ориноко он забыл, и Тоуну пришлось взвалить все приготовления к отъезду на себя. Состояние Фалмера озадачивало его все больше и больше – тот выказывал признаки какой-то неизвестной болезни. Внешних признаков лихорадки не наблюдалось, все симптомы были невняты и противоречивы. Но прежде, чем отправиться в путь, Тоун, руководствуясь общими принципами, дал Фалмеру лошадиную дозу хинина.

Когда они погрузили свое имущество в долбленные лодки и столкнули их в медленные воды реки, сквозь верхушки джунглей уже пробивались знойные лучи бледно-шафранного расцвета. Тоун уселся на носу лодки, Фалмер – на корме, а середину занимал большой тюк с корнями орхидей и часть походного снаряжения. Двое индейцев, люди немногословные и невозмутимые, вместе с остальным имуществом погрузились в другую лодку.

Путешествие было монотонным. Река извивалась вялой оливковой змеей среди сплошных и темных стен леса, откуда порой ухмыляющимися физиономиями гоблинов выглядывали орхидеи. Не раздавалось ни звука, кроме плеска весел, неистовой болтовни обезьян и вздорных криков неизвестных птиц огненно-яркой расцветки. Поднявшееся над джунглями солнце изливало потоки ослепительного зноя.

Тоун размеренно греб, то и дело оглядываясь, чтобы обратиться к Фалмеру с каким-нибудь небрежным замечанием или дружеским вопросом. Тот тупо сидел, выпрямившись, морщась от света, глядел в пустоту и даже не пытался взяться за весло. Подозрительно бледный, он не отвечал на озабоченные вопросы Тоуна, лишь время от времени вздрагивал и встряхивал головой – не в рассуждении сказать «нет», а явно машинально и непроизвольно. Вскоре он начал невнятно стонать, словно от боли или в бреду.

Так они плыли несколько часов; жара среди душных стен джунглей давила все сильнее. Стоны больного стали громче и пронзительнее; Тоун оглянулся и увидел, что Фалмер снял тропический шлем, совершенно не обращая внимания на убийственный зной, и отчаянно скребет пальцами макушку. Все его тело сотрясали мучительные судороги – от боли он яростно содрогался, и лодка опасно раскачивалась. Стоны его сменились неумолчным, нечеловеческим визгом.

Тоун быстро принял решение. В стене сумрачного леса появился просвет, и Тоун тотчас же направил лодку к берегу. За ним последовали индейцы – они перешептывались и бросали на больного взгляды, полные тревоги и ужаса, что немало озадачило Тоуна. Он чувствовал, что здесь кроется некая дьявольская тайна, но понятия не имел, что произошло с Фалмером. Все известные ему симптомы самых злокачественных тропических хворей вставали перед ним, подобно стае чудовищных фантазмов, но он никак не мог опознать среди них болезни, что поразила его товарища.

Вытащив Фалмера на полукруглый, окруженный лианами пляж без малейшей помощи индейцев, которые, похоже, не желали приближаться к больному, Тоун ввел ему морфий из

аптечки. Судя по всему, это облегчило страдания Фалмера: конвульсии прекратились. Воспользовавшись этим, Тоун осмотрел его макушку.

К своему удивлению, он обнаружил среди густых спутанных волос твердый заостренный бугорок, словно кончик зарождающегося рога под все еще неповрежденной кожей. Тот, казалось, рос и выпрямлялся прямо под пальцами, словно наделенный собственной беспокойной и неукротимой жизнью.

И тут Фалмер открыл глаза, загадочным образом придя в себя, как будто преодолев и действие укола, и свой неведомый недуг. Несколько минут он выглядел совершенно нормальным – после возвращения из руин такого не наблюдалось. Фалмер заговорил, словно желая освободиться от некоего гнетущего бремени. Голос был невнятен и бесцветен, но Тоун, ужасаясь и постигая суть лишь отчасти, все же сумел разобрать это бормотание и сложить его в нечто осмысленное.

– Яма! Яма! – говорил Фалмер. – Там, в яме, в глубокой гробнице, – адское создание!.. Я не вернусь туда даже ради сокровищ дюжины Эльдорадо... Я не говорил тебе про руины, Тоун. Отчего-то мне было тяжело... неодолимо тяжело говорить... Думаю, индеец знал, что с этими руинами что-то не так. Он привел меня туда... но ничего не рассказал и ждал на берегу, пока я искал сокровища... Вокруг высились грандиозные серые стены, древнее, чем сами джунгли, древние, как смерть и время, – я никогда не видел ничего подобного. Вероятно, их возвели жители некоего забытого континента или затерянной планеты. Стены нависали и крепнулись под безумными, неестественными углами, грозя обрушиться на деревья, что выросли под ними. И еще там были колонны – толстые раздувшиеся колонны нечестивых форм, с омерзительной резьбой, которую не могли полностью скрыть джунгли... Господи! Эта проклятая погребальная яма! Найти ее не составило труда. Думаю, каменная кладка над ней проломила относительно недавно. Корни большого дерева, точно удавы, проникли между погребенными под столетней плесенью плитами, вывернув одну из них; еще одна плита провалилась в яму. Большая дыра, и в глухом лесном полумраке я с трудом различал ее дно. Внизу виднелось что-то бледное, но я не мог понять, что это... Как ты помнишь, я взял с собой моток веревки. Привязав один конец к корню дерева, я сбросил второй в дыру и спустился, как обезьяна. Добравшись до дна, поначалу я мало что мог разглядеть в полутьме, кроме беловатого мерцания под ногами. Стоило мне сделать шаг, как что-то хрупкое и рыхлое захрустело подо мной. Включив фонарь, я увидел, что все вокруг усыпано костями – повсюду валялись человеческие скелеты. Видимо, очень старые – те, что я трогал, рассыпались в пыль... То был гигантский склеп. Пошарив лучом фонарика, я отыскал ступени, что вели к заваленному входу. Но если с покойниками и хоронили что-то ценное, все разграбили давным-давно. Я порылся среди костей и пыли, чувствуя себя каким-то упырем, но не нашел ничего ценного ни на одном скелете – ни браслета, ни перстня... Лишь когда я уже решил выбираться назад, я увидел настоящий ужас. Скелеты меня не пугали: они лежали мирно, хоть и в некоторой тесноте, а обладатели их, по всему судя, встретили естественную смерть – ну, по нашим представлениям естественную... А затем в углу... прямо возле дыры в крыше... я поднял голову и увидел это в паутинистой тени. Оно висело в десяти футах над моей головой – я лишь чудом не задел его, когда спускался по веревке... Сперва оно напомнило мне белую решетку, но потом я увидел, что решетка эта отчасти состоит из человеческих костей – целого скелета, высокого и крепкого, как будто принадлежавшего воину. Если бы он висел обычным способом – скажем, прикованный железными цепями или просто прибитый к стене, – я бы не испугался. Но ужасно было то, чторосло у него из черепа, – побледневшее, пожухшее, напоминавшее невероятные рога, которые заканчивались множеством длинных жилистых отростков, что расползлись по стене до самой крыши. Вероятно, взбираясь наверх, они подняли за собой скелет – или тело... Я пригляделся к странному созданию в свете фонаря и узрел новые ужасы. Видимо, это было некое растение, и проросло оно из черепа. Некоторые ветви выходили из расколотой макушки, другие – из

глазниц, рта и ноздрей, устремляясь вверх. Корни же кощунственного создания уходили вниз, обвивая каждую кость. Они извивающимися петлями свисали с пальцев ног и рук. Хуже всего было то, что отростки, выходявшие из кончиков фаланг пальцев ног, *укоренились во втором черепе*, висевшем ниже, на драных остатках корневой системы. На полу в углу валялась груда упавших костей, но разглядывать ее я не решился... При виде этой отвратительной помеси человека и растения мною овладела слабость, и меня едва не стошнило. Я начал подниматься по веревке в лихорадочной спешке, желая побыстрее выбраться, но мерзость этого растения притягивала меня, и я не смог не остановиться на полпути, чтобы рассмотреть его поближе. Видимо, я наклонился чересчур резко, веревка закачалась, и мое лицо легонько коснулось прокаженно-бледных рогообразных ветвей над черепом... Что-то треснуло – не знаю что – вероятно, некое подобие стручка на одной из ветвей. Голову мою окутало облако жемчужно-серой пыли, очень легкой, тонкой и лишенной запаха. Она осела на моих волосах, забила нос и глаза, едва не задушив и не ослепив меня. Стряхнув ее, как мог, я взобрался по веревке и вылез через дыру...

Тут Фалмер бессвязно забормотал, словно долгое повествование лишило его сил. Таинственный недуг вернулся вновь, и теперь горячечный бред снова перемежался мучительными стонами, но иногда к больному все же возвращались проблески сознания.

– Голова! Голова! – бормотал он. – Кажется, что-то попало в мозг и теперь там растет и распространяется. Говорю тебе, я его чувствую... Я нездоров с тех пор, как вылез из погребальной ямы... У меня в голове что-то странное... видимо, споры древнего дьявольского растения... Споры укоренились... эта дрянь раскалывает мне череп, проникает в мозг... она растет из человеческого черепа, как из цветочного горшка!

У Фалмера снова начались конвульсии, он корчился на руках товарища, вопя от мучительной боли. Потрясенный его страданиями, Тоун с тяжелым сердцем оставил все попытки его удержать и достал шприц. С немалым трудом ему удалось ввести тройную дозу, и Фалмер несколько успокоился, лежа с открытыми остекленевшими глазами и хрипло дыша. Тоун впервые заметил, что глаза у больного готовы выскочить из орбит, отчего не могут закрыться веки, а заострившиеся перекошенные черты сложились в запредельно страшную гримасу безумного ужаса. Казалось, будто что-то выдавливает глаза Фалмера изнутри его головы.

Дрожа от внезапной слабости и страха, Тоун понял, что попал в сети какого-то противостественного кошмара. Он не мог, не смел поверить в историю Фалмера и в ее последствия. Это слишком чудовищно, слишком фантастично; убеждая себя, что его товарищ все это лишь вообразил, заразившись какой-то неизвестной лихорадкой, Тоун наклонился над ним и обнаружил, что похожая на рог шишка на голове у Фалмера уже прорвала кожу.

Как во сне, Тоун уставился на предмет, который его любопытные пальцы нащупали среди спутанных волос. Это, несомненно, был некий растительный бутон с бледно-зелеными и кроваво-красными, изогнутыми, пока еще сложенными лепестками, которые готовились вот-вот раскрыться. Оно прорастало сквозь центральный шов черепа, и ошавевший от ужаса наблюдатель заподозрил, что тварь укоренилась в кости, вползла, как и боялся Фалмер, в самый мозг.

К горлу Тоуна подкатила тошнота, и он, отводя взгляд, попятился от покачивающейся головы с торчащим из нее отвратительным отростком. Вновь возвращалась лихорадка; Тоун ощущал страшную слабость в ногах и руках, сквозь хининный звон в ушах слышал бормочущие голоса бреда. Перед глазами поплыл пагубный туман, словно все вокруг заволакивали испарения каких-то экваториальных болот.

Тоун упрямо сражался с болезнью и слабостью. Поддаваться нельзя; он должен плыть дальше с Фалмером и индейцами, добраться до ближайшей фактории во многих днях пути по Ориноко, где Фалмеру смогут оказать помощь.

Усилием воли отогнав недомогание, Тоун почувствовал, как проясняется взгляд и возвращаются силы. Оглядевшись в поисках проводников, он, к своему несказанному удивлению,

обнаружил, что те исчезли. Еще присмотревшись, он заметил, что и долбленая лодка индейцев тоже пропала. Стало ясно, что их с Фалмером попросту бросили. Возможно, индейцы поняли, что случилось с больным человеком, и испугались. Их тревожные косые взгляды, их потайные перешептывания, их откровенное нежелание приближаться к Фалмеру подтверждали эту версию. Так или иначе, они ушли, забрав с собой изрядную часть лагерного снаряжения и провизии.

С трудом подавляя страх и отвращение, Тоун снова повернулся к лежащему навзничь бесчувственному телу Фалмера. Надо что-то делать; надо двигаться дальше, пока Фалмер жив. У них осталась лодка; и, даже если Тоун так разболеется, что не сможет грести, их все равно понесет вниз по течению.

Тоун решительно достал складной нож и, наклонившись над пострадавшим, со всеми возможными предосторожностями отсек выступающий бутон, стараясь резать как можно ближе к скальпу. Неестественно тугой, словно резина, предмет источал жидкость, напоминающую водянистую кровь, и Тоун содрогнулся, увидев на срезе волокна, похожие на нервы, и хрящевидную сердцевину. Поспешно отшвырнув омерзительный ком на прибрежный песок, он поднял Фалмера на руки и, пошатываясь, направился к оставшейся лодке. Несколько раз он валился с ног, роняя больного и в полуобмороке падая на бесчувственное тело. Он то нес, то тащил по земле свою ношу, но все же сумел кое-как добраться до лодки. Из последних сил ему удалось усадить Фалмера на корме, прислонив к куче сваленного там снаряжения.

Горячка обострялась с каждой минутой. В глазах мутилось, в мозгу плыло, ноги подкашивались, точно камыш, но Тоун вернулся за аптечкой. Прошло немало времени, прежде чем он в мучительном напряжении сил, в полубреду смог оттолкнуть лодку от берега и забраться в нее из воды. Он греб машинально, не чувствуя рук, не соображая, что делает, но в конце концов лихорадка полностью овладела им, и он даже не заметил, как весло выскользнуло из ослабевших пальцев...

После этого он как будто дрейфовал сквозь преисподнюю странных грез, залитую нестерпимым светом палящего солнца. Так оно длилось столетиями, а затем он погрузился в кишачую призраками тьму и в сон, полный невыразимых голосов и лиц, и все они в конце концов обернулись голосом и лицом Фалмера, который снова и снова излагал свою кошмарную историю, и Тоун слышал ее даже в бездонной пропасти своих грез.

Он очнулся под желтыми лучами рассветного солнца; в голове относительно прояснилось. Несмотря на слабость, первая его мысль была о Фалмере. Неуклюже повернувшись, едва не свалившись при этом за борт, Тоун уселся лицом к своему компаньону.

Фалмер все так же полулежал, прислонившись к груде одеял и прочего имущества, обхватив руками подтянутые к груди колени, точно в приступе столбняка. Лицо его застыло жуткой маской мертвеца, а вся поза напоминала трупное окоченение. Но вовсе не это заставило Тоуна задохнуться от ужаса – ужаса, который рождал в душе надежду, что Фалмер *и впрямь* мертв.

По всей видимости, Тоун провалялся в бреду беспмятства полдня и всю ночь, а между тем чудовищный бутон, которому, похоже, подрезка пошла лишь на пользу, вновь со сверхъестественной скоростью пророс из головы Фалмера. Достигнув дюймов шести или семи, отвратительный, толстый бледно-зеленый стебель теперь ветвился, подобно оленьим рогам.

Но еще страшнее – хотя, казалось бы, куда страшнее – было то, что такие же стебли проросли из глазниц: выдавив наружу глазные яблоки, ростки теперь взбирались по лбу. И они тоже начинали разветвляться. Окрашенные в бледно-розовый цвет кончики рогов подрагивали, ритмично покачиваясь в теплом, безветренном воздухе... Из рта высовывался еще один стебель, загибаясь вверх, подобно длинному белесому языку. Он пока еще не начал ветвиться.

Тоун зажмурился, пытаясь избавиться от жуткого видения. Даже за закрытыми веками он по-прежнему видел в ослепительно-желтом свете трупные черты и подрагивающие на фоне рассвета извивающиеся ползучие стебли, этих мертвенно-зеленых гидр. Они словно тянулись

к нему, раскачивались, росли, удлинялись. Тоун снова открыл глаза, и, к его ужасу, ему почудилось, будто рога за эти мгновения *действительно* заметно подросли.

После этого Тоун сидел, наблюдая за ними, словно жертва пагубного гипноза, и в сердце его сгустился ужас. Иллюзия, будто растение увеличивается и движется все свободнее, – если только это было иллюзией – усиливалась. Фалмер, однако, не шевелился, а его лицо, обтянутое пергаментной кожей, как будто съеживалось и вваливалось, словно прожорливые, кровожадные корни растения высасывали его кровь и пожирали плоть, стараясь утолить свой ненасытный чудовищный голод.

Содрогнувшись, Тоун с трудом отвел взгляд и уставился на берег реки. Русло стало шире, течение замедлилось. Он попытался понять, где находится, тщетно стараясь отыскать знакомый ориентир в тускло-зеленой стене джунглей. Все было незнакомо; он чувствовал, что безнадежно заблудился, что все вокруг чужое. Казалось, будто он дрейфует по неведомым волнам безумия и кошмара в обществе того, что страшнее даже распада.

Мысли в голове беспорядочно сменяли друг друга, но раз за разом, описывая круг, возвращались к дьявольскому цветку, пожиравшему Фалмера. В припадке научного любопытства он прикинул, к какому роду может принадлежать это создание. Это не гриб, не насекомоядное; во всех своих путешествиях он не встречал ничего подобного и никогда не слышал о таком. Должно быть, как и предположил Фалмер, оно происходило из какого-то чужого мира: Земля никогда не смогла бы породить такое.

С облегчением Тоун пришел к выводу, что Фалмер уже мертв и судьба смилостивилась над ним, – корни растения наверняка уже разрушили мозг. Но едва он об этом подумал, как послышался низкий горловой стон; Тоун взглянул на Фалмера и, ужасно перепугавшись, увидел, что конечности и тело его спутника слегка подергиваются. Судороги становились все сильнее, обретая своеобразный ритм, хотя вовсе не походили на мучительные и жестокие конвульсии предыдущего дня. Было ясно, что это рефлексорное, как у гальванизируемого трупа; и Тоун заметил, что движения происходят в унисон с томным и тошнотворным покачиванием ростков. Омерзительный этот ритм коварно завораживал и усыплял; в какой-то момент Тоун поймал себя на том, что отбивает его ногой.

Он попытался взять себя в руки, отчаянно цепляясь за остатки здравого рассудка. Неотвратимо возвращалась болезнь; к тошноте и лихорадке добавилась непреодолимая гадливость хуже отторжения смерти... Но прежде, чем окончательно сдаться, он достал из кобуры заряженный револьвер и шесть раз выстрелил в содрогающееся тело Фалмера. Он знал, что ни разу не промахнулся, но, даже когда последняя пуля достигла цели, Фалмер продолжал стонать и вздрагивать в одном ритме со зловещим покачиванием растения, и Тоун, проваливаясь в бред, все еще слышал эти нескончаемые, произвольные стенания.

Дальше наступило безвременье – он плыл по миру бурлящей ирреальности и безбрежного забвения. Очнувшись, Тоун никак не мог сообразить, сколько прошло часов или недель. Но сразу же понял, что лодка больше не движется, и, с трудом приподнявшись, увидел, что она застряла на илистом мелководье, уткнувшись носом в берег маленького лесистого острова посреди реки. Гнилостный запах тины витал над застойной водой, слышалось пронзительное жужжание насекомых.

Видимо, полдень вот-вот предстоял или недавно миновал, поскольку солнце стояло высоко в безмолвных небесах. С деревьев свисали развернутые кольца змееподобных лиан, и эпифитные орхидеи, крапчатые, будто змеи, гротескно склонялись к Тоуну с поникших ветвей. Мимо пролетали огромные бабочки с роскошными пятнистыми узорами на крыльях.

Тоун сел, чувствуя, как кружится голова, и вновь взглянул на сопровождавший его ужас. Создание разрослось невероятно, неопишимо: гигантские стебли с тройными ветвистыми рогами, венчавшие голову Фалмера, выпустили массу клейких усиков, что беспорядочно металась в воздухе, словно отыскивая опору – или новый корм. На самом верхнем из рогов рас-

крылся чудовищный цветок – мясистый диск величиной с человеческое лицо, бледный, как проказа.

Лицо Фалмера совсем ссохлось, и под натянутой кожей проступили очертания костей. Это лицо напоминало мертвый череп в маске из человеческой кожи, а тело под одеждой как будто осело и лишь немногим отличалось от скелета. Он больше не двигался – только ритмично подрагивал в такт стеблям. Свирепое растение высосало его досуха, сожрав все внутренние органы и плоть.

У Тоуна возник безумный порыв броситься на растение и вцепиться в него, но его охватил странный паралич. Растение было словно разумное существо, – казалось, оно наблюдает за Тоуном, подчиняет его своей нечистой, но могущественной воле. Прямо у него на глазах огромный цветок начал обретать смутное, противоестественное сходство с человеческим лицом. Отчасти оно напоминало Фалмера, однако было искажено, перекручено, и к его чертам примешивалось что-то совершенно дьявольское. Тоун не мог пошевелиться – и не мог отвести взгляда от этого богомерзкого уродства.

Каким-то чудом лихорадка оставила его и больше не возвращалась. На смену ей явился бесконечный леденящий ужас и безумие, и, охваченный ими, он сидел пред ликом гипнотического растения. Оно выросло из высосанной, высохшей мертвой оболочки, когда-то бывшей Фалмером, и толстые сытые стебли и ветви мягко покачивались, и огромный цветок плотоядно пиялся на Тоуна своей нечестивой пародией на лицо. Тоуну казалось, будто он слышит негромкую, дьявольски сладостную мелодию, но не понимал, исходит она от растения или же это галлюцинация его переутомленных чувств.

Вяло текли часы, изнурительное солнце изливало на него свои лучи, как расплавленный свинец из титанического пыточного сосуда. От слабости и насыщенной зловонными миазмами жары кружилась голова, но Тоун не мог двинуться с места. Чудовищное растение все так же покачивалось, – похоже, оно достигло своих пределов роста. Но спустя очень много времени взгляд Тоуна упал на усохшие руки Фалмера, все еще судорожно сжимающие подтянутые к груди колени. Из кончиков пальцев проросли крошечные белые корешки – они медленно извивались в воздухе, как будто нащупывая новый источник пищи. Затем такие же ростки появились из шеи и подбородка, и одежда на всем теле зашевелилась, словно под ней ползали невидимые ящерицы.

Тем временем таинственная мелодия становилась все громче и сладостнее, все призывнее и повелительнее, и гигантское растение закачалось в неопишимо обольстительном ритме. Это было похоже на соблазн сладострастных сирен, смертоносную истому танцующих кобр. Тоуна тянуло к растению неудержимо; зов растения подчинял его одурманенное тело и разум. Казалось, самые пальцы Фалмера, извиваясь змеями, манят его к себе. И вот уже Тоун стоял на дне лодки на четвереньках.

Он пополз вперед, перебравшись через ненужный теперь тук с орхидеями, дюйм за дюймом, фут за футом, во власти зловещего ужаса и равно зловещего очарования, пока голова его не оказалась напротив иссохших рук Фалмера, из которых свисали ищущие поживу корни.

Беспомощный, будто силой заклятия лишенный воли, он почувствовал, как корешки, подобно ловким пальцам, ползут по его волосам, лицу и шее, острыми иглами вонзаясь в кожу. Он не мог пошевелиться, не мог даже закрыть глаза. Застывшим взором он еще успел увидеть мелькнувшую в воздухе золотисто-алую бабочку, и тут корни пронзили его зрачки.

Глубже и глубже вонзались ненасытные корни, и все новые отростки колдовской сетью окутывали его... Некоторое время казалось, будто связанные вместе живой и мертвый корчатся в единых конвульсиях. Наконец Тоун повис неподвижно в растущей смертоносной паутине; а колоссальное распухшее растение продолжало жить, и в душном, неподвижном вечернем воздухе в верхних его ветвях уже раскрывался второй цветок.

Второе погребение

– Что ж, – сказал Гай Магбейн, – я вижу, ты еще жив.

Складывая эти слова, губы его приняли тонкий двусмысленный изгиб, который в тени занавесей мог оказаться равно улыбкой и ухмылкой. Гай шагнул вперед, глядя на больного несколько искоса, и протянул стакан с лекарством цвета граната.

Сэр Утер Магбейн сидел, опершись на грудь подушек, и лицо его походило на череп с соломенными волосами и голубыми глазами. Он ничего не ответил, а стакан принял после некоторых колебаний. Со дна его светлых глаз поднимался темный бесформенный ужас – словно некий утонувший объект медленно всплывал на поверхность осенней запруды. Наконец сэр Утер взял стакан и осушил его судорожным залпом, точно ему было трудно глотать.

– На этот раз я очень болен, Гай, – сказал он голосом, который из-за некоего внутреннего напряжения либо физического стеснения звучал утробно и бесцветно. – Но больше всего я боюсь, что я, возможно, болен недостаточно... что все может повториться. Господи! Я не могу думать ни о чем больше и все время представляю себе черную удушающую агонию, ее слепой, невыносимый, душный ужас. Обещай мне – обещай снова, Гай, что ты отложишь мои похороны по меньшей мере на две недели, на месяц; и поклянись, когда меня все же зароят, прежде убедиться, что и кнопка, и электропроводка в моем гробу в полном порядке. Милостивый Боже!.. Что, если я проснусь в могиле... и обнаружу, что сигнализация не работает?!

– Не волнуйся, я обо всем позабочусь.

Это было сказано успокаивающим, слегка пренебрежительным тоном, и стороннему слушателю мог почудиться в этих словах зловещий смысл. Гай Магбейн направился к двери и не увидел, как плававший в глазах брата страх на миг стал осязаемым, узнаваемым. Гай небрежно бросил через плечо, не оглядываясь:

– Ты стал просто-таки одержим этими мыслями. Что случилось однажды, не обязано повториться. В следующий раз ты умрешь и, по всей вероятности, останешься мертв. На этот счет больше не будет никаких ошибок.

С этим двусмысленным и сомнительным заверением он вышел и закрыл за собой дверь.

Сэр Утер Магбейн откинулся на подушки и принялся разглядывать темные дубовые панели на стенах. Ему показалось – как казалось с самого начала болезни, – что комната тесна и узка, что стены норовят надвинуться на него, а потолок – придавить сверху, как стенки и крышка гроба. Ему никак не удавалось вдохнуть полной грудью. Он мог лишь лежать в постели наедине с жутким страхом, кошмарными воспоминаниями и еще более кошмарными предчувствиями. Визиты Гая, младшего брата, уже довольно давно только усугубляли это чувство могильной тесноты... потому что Гая сэр Утер теперь тоже боялся.

Он всегда боялся смерти, даже в детстве, когда ее призрак обычно далек и туманен, а то и вообще неразличим. Все началось с ранней кончины его матери: на него опустилось черное горе, и с тех пор эта тень стервятником нависала над ним, омрачая то, что для других оставалось незапятнанным. Его воображение, болезненно острое, подозревало дурное в самой жизни, везде угадывало скрытый внутри скелет, увитый цветами труп. Поцелуи юной любви отдавали смертью. Сам сок вещей был тронут тлением.

По мере взросления он, содрогаясь душой, питал свои замогильные фантазии всем макабром, который мог найти в литературе и искусстве. Как провидец, что вглядывается в черный кристалл, он в мучительных подробностях предвидел физические и душевные муки распада, представлял себе ход разложения и медленную работу точащего червя так ясно, словно уже погружался в тошнотворную бездну могилы. Но он не воображал и не страшился самого невыносимого ужаса – ужаса преждевременного погребения, – пока не испытал его лично.

Все случилось внезапно, сразу после того, как он унаследовал поместье и помолвился с Элис Маргрив, в чьей любви начал потихоньку забывать страхи своего детства. Преследовавший его призрак как будто отступил, дабы собраться с силами и нанести еще более губительный удар.

Сейчас он лежал, а эти воспоминания, казалось, останавливали его сердце, не давали дышать, как это случалось всякий раз. Вновь и вновь с галлюцинаторной четкостью он вспоминал первый медленный приступ загадочного недуга. Вспоминал начало своего обморока, бессветную бездну, в которую он все погружался, вечно, постепенно, будто сквозь нескончаемую пустоту. Где-то в этой бездне его настигло забытие – черное мгновение, продлившееся часы, а может, и годы, – от которого он очнулся в темноте, попытался сесть и расшиб лицо о какое-то очень твердое препятствие, расположенное всего в нескольких дюймах над ним. Он заметался вслепую, в безумной, бессмысленной панике, забил руками и ногами во все стороны и везде натыкался на твердую неподатливую поверхность, из-за своей непонятной *близости* внушившую ему больший ужас, чем внушили бы даже стены темницы.

Был краткий период кошмарного смятения – а потом он понял, что произошло. Из-за некой ужасной ошибки его, еще живого, положили в гроб, и этот гроб стоит в древнем родовом склепе под полом часовни. Тут он закричал, и его крики вместе с глухим сдавленным эхом, словно от подземного взрыва, обрушивались на него в тесном пространстве. Он сразу же начал задыхаться в спертом воздухе, напитанном похоронными запахами дерева и ткани.

Его накрыл истерический припадок; он совершенно потерял рассудок и бился о крышку в бесконечной, бесцельной, судорожной борьбе. Он не слышал шагов, спешивших ему на помощь, и стук зубил и молотков по крышке гроба потонул в его собственных криках и воплях. Даже когда крышку сняли, он, успевший полностью обезуметь от ужаса, сопротивлялся спасителям, точно они были частью удушающего кошмара.

Он так никогда и не поверил, что все пережитое заняло не больше нескольких минут, что он проснулся сразу после того, как гроб принесли в склеп, что над ним еще даже не опустили каменную плиту и носильщики еще не ушли – именно они в ужасе слышали глухие крики и удары. Ему казалось, что он бился в гробу нескончаемо долго.

Этот шок расшатал его нервы; теперь его не отпускала дрожь, и тайный ужас, страх могилы, таился в самых невинных, неомраченных вещах. С тех пор прошло три года, но он так и не сумел совладать с отталкивающей одержимостью, выкарабкаться из непроглядно черной ямы своего недуга. К старому страху смерти прибавился новый: что болезнь, возвращение которой было вероятно, опять примет обманчивый облик смерти и он снова проснется в могиле. С непрестанным предчувствием ипохондрика он наблюдал первые проявления начальных симптомов недуга и понимал, что с самого начала неотвратимо обречен.

Этот страх отравлял все – он даже разлучил сэра Утера с Элис Маргрив. Формального расторжения помолвки не было, они просто молча расстались – занятый самим собой, терзающий сам себя невротик и девушка, чья любовь вскоре неизбежно превратилась в изумленную, смешанную с ужасом жалость.

После этого он еще полнее отдался своей мании. Он прочел все, что смог найти, по теме преждевременного погребения; он собирал газетные вырезки об известных случаях – о людях, которых успели спасти, и о тех, чье воскрешение было замечено слишком поздно – а порой о нем догадывались только по изменению или искажению позы, обнаруженному много лет спустя при переносе тела на новое место захоронения. Понуждаемый своей лихорадочной одержимостью, он без удержу погружался в эту тему во всех ее отталкивающих подробностях. И всякий раз видел в чужих судьбах свою, и чужие страдания благодаря какому-то косвенному переносу становились его собственными.

Будучи намертво убежден, что невыносимый ужас вернется, сэр Утер детально разработал меры предосторожности, оборудовав гроб, в котором его должны будут похоронить, элек-

трическим устройством, чтобы можно было позвать на помощь. Малейшее нажатие кнопки, расположенной под правой рукой, включит тревожный звонок наверху, в фамильной часовне, а также второй звонок в доме неподалеку.

Однако даже это почти не уняло его страхи. Его преследовала мысль, что кнопка не работает, или что звонок никто не услышит, или что спасители придут слишком поздно, когда он уже испытает мучения удушья.

Эти дурные предчувствия, день ото дня все мрачнее и неотвязнее, сопутствовали первым стадиям его второй болезни. Затем мало-помалу, микроскопическими шажками, он начал сомневаться в брате, подозревать, что Гай, следующий за ним в очереди наследования, возможно, желает его кончины и заинтересован в ее приближении. Гай всегда считался хладнокровным циником, относился к одержимости брата с плохо скрытым презрением и почти без сочувствия – большое воображение легко могло увидеть в этом черные замыслы. Постепенно, слабея, инвалид начал бояться, что брат будет умышленно торопить похороны – возможно, даже отключит тревожное устройство, которое было доверено его попечению.

Теперь, после ухода Гая, убежденность в его предательстве расцвела пышным цветом в душе сэра Утера Магбейна, будто черный тлетворный цветок. Охваченный сокрушительной ледяной паникой, он решил, что при первой возможности поговорит с кем-нибудь еще и тайно поручит кому-то, кроме Гая, ответственность за исправную работу сигнализации.

Часы шли за часами скрытной вереницей, а он лежал наедине со своими ядовитыми могильными мыслями. День клонился к вечеру, и предзакатное солнце должно было проникать в комнату сквозь стекла витража, но обрамленное тисом небо за окном затянули тучи, и от света остался лишь сырой отблеск. Сумерки уже плели в комнате серую паутину, и Магбейн вспомнил, что почти настало время вечернего визита врача.

Дерзнуть ли довериться врачу? Сэр Утер не так уж хорошо его знал. Семейный доктор некоторое время назад умер, а этого нового привел Гай. Сэру Утеру не особенно нравилась его манера, одновременно оживленная и желчная. Возможно, этот врач в сговоре с Гаем; возможно, он помог тому найти удобный способ избавиться от старшего брата, сделав его кончину неизбежной. Нет, с доктором говорить нельзя.

Но кто мог ему помочь? Его друзья всегда были немногочисленны, да и они покинули его. Поместье находилось в безлюдных краях – все способствовало предчувствуемому предательству. О господи! Его душат, его хоронят заживо...

Кто-то тихо открыл дверь и подошел к нему. В безысходности и беспомощности своей несчастный даже не попытался повернуться. Вошедший приблизился, и стало видно, что это Холтон, престарелый дворецкий, служивший трем поколениям Магбейнов. Может, довериться Холтону? В таком случае надо поговорить с ним прямо сейчас.

Сэр Утер Магбейн подобрал слова, с которыми обратится к дворецкому, и пришел в ужас, когда язык и губы отказались повиноваться. Вплоть до этого момента он не замечал ничего подозрительного: его ум и чувства были необычайно обострены. Но теперь оказалось, что органы артикуляции охватил ледяной паралич.

Он попытался поднять бледную скрюченную руку и подозвать Холтона, но рука осталась недвижно лежать на покрывале, несмотря на мучительные, титанические усилия воли, которые он предпринимал. В полном сознании, но неспособный ни шевельнуть пальцем, ни опустить веки, он мог только лежать, глядя, как в слезящихся глазах старого дворецкого зарождается тревога.

Холтон подошел ближе и протянул трясущуюся руку. Магбейн видел, как рука тянется к нему, нависает над его телом, опускается к сердцу, исчезая из поля зрения. Она его не коснулась, – по крайней мере, он не ощутил прикосновения. Комната быстро погружалась во мрак – странно, что стемнело так быстро, – а на рассудок коварным туманом напоздало забытье.

Со знакомым ужасом, с ощущением, что все невыносимым образом повторяется и он делает то, что уже делал раньше, до смерти напуганный, он чувствовал, что падает в непроглядно-черную бездну. Лицо Холтона уменьшалось, становясь далекой звездой, с ужасной быстротой уносясь вдаль над безмерными пропастями, на дне которых Магбейна ждала безымянная, неотвратимая судьба, – судьба, которой он едва не достался в предыдущий раз, встреча с которой была предопределена с начала времен. Он падал, бесконечно падал вниз, звезда исчезла, не стало нигде никакого света, и его сознание полностью померкло.

Возвращаясь, сознание Магбейна приняло форму причудливого сна. В этом сне он помнил, как падал в бездну, и решил, что падение после смутного перерыва продолжилось по чьей-то злой воле. Огромные демонические ладони, казалось ему, подхватили его во мраке, уходящем в надир, подняли, пронесли по неисчислимым маршам подмирных лестниц, по коридорам, что ведут в чертоги ниже самого ада.

Везде была ночь – он не видел очертаний тех, кто нес его, поддерживая за ноги и за голову, но слышал их неумолимые, неустанные шаги, отдававшиеся гулким похоронным эхом в черных подземельях, и чувствовал, как возвышаются над ним их фигуры, сдавливая его с боков и сверху неким неосязаемым манером, какой возможен только во сне.

Где-то в этой адской ночи они положили его, оставили, а сами ушли прочь. Во сне он слышал их удаляющиеся шаги, что отдавались свинцовым эхом, нескончаемым и зловещим, по лестницам и коридорам, которыми они шли сюда со своей ношей. Наконец где-то на верхних ярусах пропасти раздался долгий лязг закрывающихся дверей, – лязг, отягощенный невыразимым отчаянием, подобно падению титанов. После того как угасли последние отзвуки, отчаяние осталось, бездвижное и беззвучное, и воцарилось безраздельно, безгранично во всех закоулках этой могильной преисподней.

Торжествовала тишина – промозглая, удушающая, вековая тишина, словно вся вселенная умерла и сошла в некую подмирную могилу. Магбейн не мог ни шевельнуться, ни вздохнуть, однако ощущал без помощи физических чувств, что окружен бесконечным множеством мертвых тел, лежавших там без надежды на воскрешение, как и он сам.

Затем в его сон без различимого перехода впластался другой сон. Магбейн забыл ужас и безысходность своего падения, как новорожденный ребенок может забыть ранее случившуюся смерть. Ему казалось, что он стоит под лучами мягкого солнца среди радостных пестрых цветов. Апрельская трава под его ногами была высока и упруга, весенние небеса – в точности как в раю, и в этом Эдеме он был не один – его бывшая невеста Элис Маргрив улыбалась ему среди цветов.

Он шагнул к ней, исполнившись несказанного счастья, – и в траве у его ног разверзлась и стала с ужасной быстротой шириться черная яма в форме могилы. Бессильный перед своим фатумом, он низвергся в яму, падая, падая нескончаемо, и тьма сомкнулась над ним, со всех сторон набросившись на тусклую светящуюся точку – все, что осталось от апрельских небес. Свет погас, и Магбейн снова очутился среди мертвецов в склепе, что лежит ниже преисподней.

Медленно, чуть заметными неверными шажками в его сон начала проникать реальность. Поначалу не было никакого представления о времени, лишь угольно-черная неподвижность, в которой тонули и зоны, и минуты. Затем – неизвестно через какой канал восприятия – к Магбейну вернулось осознание длительности. Оно обострялось, и ему стал слышаться отдаленный глухой стук с длинными мерными паузами. В затемненном уме проснулись и зловеще зашевелились мучительное сомнение и растерянность, сопряженные с неким ужасом, который он не мог опознать.

Теперь он ощутил телесный дискомфорт. Промозглый холод, начинавшийся как будто прямо в мозгу, пополз вниз по членам, достиг конечностей, вызвав в них покалывание. Еще сэр Утер почувствовал, что нестерпимо стиснут и лежит, неестественно вытянувшись. С нарастающим страхом, которому пока не находил названия, он слушал, как далекий глухой стук при-

ближается, пока источник его не оказался внутри его тела, а стук не обернулся уже не просто звуком, но осязаемым биением сердца. Восприятие прояснилось, и сэра Утер мгновенно, подобно удару черной молнии, осознал то, чего и боялся.

Кошмарное понимание пронизало его смертельным ужасом и сковало ледяным холодом. Все его члены точно свело столбнячной судорогой, горло и сердце будто стиснули железные обручи, не давая дышать, раздавливая, как некий инкуб во плоти. Сэр Утер не осмеливался, не мог шевельнуться, чтобы подтвердить свой страх.

Потеряв все мужество перед лицом жестокого рока, он изо всех сил пытался хоть немного собраться с духом. Нельзя поддаваться ужасу, иначе сойдешь с ума. Возможно, это все-таки сон; возможно, он лежит в своей кровати, в темноте, и, если протянет руку, она не упрется в тошнотворно близкую крышку гроба, а ощутит пустоту.

В головокружительной нерешительности он силился набраться храбрости для проверки. Уже проснувшееся обоняние, скорее, подтверждало его страх: воздух был спертый, гнетуще пахло деревом и тканью... как в прошлый раз. Нечистый запах усиливался с каждой минутой.

Сначала ему показалось, что он не может шевельнуть рукой, что странный паралич его болезни еще не прошел. С тяжелым усилием, как бывает в кошмарах, он медленно, тягостно поднял руку, словно проталкивая ее сквозь какое-то вязкое вещество. Когда наконец через несколько дюймов она наткнулась, как он и страшился, на холодную ровную поверхность, железные тиски отчаяния сдавили его сильнее, но он не удивился. Надежде неоткуда было взяться: все повторялось ровно так, как было предопределено. Все, что он делал с рождения, – каждый шаг – каждый вздох – каждое усилие – вело только сюда.

Безумные мысли, будто кишасшие в трупе черви, кружились в мозгу. Старые воспоминания и теперешние страхи странным образом смешались, пропитавшись могильной чернотой. В этой сумятице разрозненных мыслей он вспомнил о кнопке, которую установил в гробу. В тот же миг, подобно галлюцинации, из тьмы всплыло лицо брата – ожесточенное, ироничное, тронутое тонкой двусмысленной усмешкой, – и на сэра Утера с тошнотворной уверенностью обрушился новейший из его страхов. Он внезапно увидел это лицо, наблюдающее за тем, как его, сэра Утера Магбейна, с противозаконного согласия доктора, судя по всему, спешно отправили в могилу, минуя руки бальзамировщика. Опасаясь, что он в любой момент может ожить, не стали рисковать – и обрекли его на ужасный конец.

Насмешливое лицо, жестокое видение вроде бы исчезло, и среди беспорядочных, исступленных мыслей возшла неразумная надежда. Может быть, он несправедливо усомнился в Гае. Может быть, электрическое устройство все же сработает и легкое нажатие призовет на помощь руки, готовые освободить погребенного из могильного плена. Всю убийственную цепь своих жутких умозаключений он забыл.

Спешно, повинаясь машинальному импульсу, он стал нащаривать кнопку. Сначала он ее не нашел, и на миг его охватил тошнотворный ступор. Затем наконец пальцы коснулись кнопки, и он принялся жать на нее – снова и снова, яростно вслушиваясь, не зазвучит ли в ответ звонок наверху, в часовне. Конечно же, он услышит звонок даже сквозь преграды из дерева и камня; и он мучительно старался поверить, что услышал его, что слышит даже торопливые шаги где-то над собой. По прошествии того, что показалось часами, проваливаясь в отвратительную бездну отчаяния, он осознал, что ничего не было – ничего, кроме сдавленного стука его собственного плененного сердца.

На некоторое время он поддался безумию, как в прошлый раз, – в забытии бился о стенки гроба, слепо колотился о неумолимую крышку. Он кричал и кричал, и тесное пространство, казалось, топило его в громких, хриплых, демонически глубоких, низких звуках, в которых он не признавал собственного или вообще человеческого голоса. Изнеможение и теплый соленый вкус во рту – вкус крови, сочащейся из ран на разбитом лице, – вернул его в конце концов к относительному спокойствию.

Теперь он почувствовал, что дышит с большим трудом – что его бешеное барахтанье и крики лишь истощили скудный запас воздуха в гробу. В момент неестественного хладнокровия он вспомнил, что читал где-то о способе поверхностного дыхания, с помощью которого человек может выжить в течение длительного периода ингумации. Следует заставить себя дышать неглубоко и сосредоточить все силы на продлении жизни. Возможно, если он сумеет продержаться, помощь все-таки придет. Возможно, звонок прозвенел, а он не услышал. Его уже спешат спасать, и он не должен погибнуть, прежде чем поднимут плиту и вскроют гроб.

Он хотел жить, как никогда раньше, он с нестерпимой жадностью мечтал еще раз вдохнуть свежий воздух, познать невообразимую благодать свободных движений и дыхания. Господи! Если бы только кто-то пришел, если бы он услышал шаги, глухой скрежет плиты, молотки и зубила, которые впустят блаженный свет, чистый воздух. Неужели это все, что ему осталось, – немой ужас погребения заживо, слепая, сведенная судорогой агония медленного удушья?

Он старался дышать тихо, не тратя усилий, но горло и грудь сжимало, будто неумолимо закручивался некий жестокий пыточный инструмент. Ни облегчения, ни выхода – ничего, кроме нескончаемого, неослабного гнета, удушающей хватки чудовищной гарроты, сдавливающей легкие, сердце, гортань и самый его мозг.

Мучения усиливались: его завалило грудой надгробий, которые он должен был поднять, чтобы вздохнуть свободно. Он боролся с этим похоронным бременем. В то же время ему слышался затрудненный звук какого-то циклопического мотора, что силился пробить подземный ход под толщей земли и камня. Он не понимал, что это он сам задыхается в агонии. Мотор спотыкался и оглушительно хрипел, вибрируя и колебля почву; медленно и тяжело опускались над ним основания погибших миров, погружая его в окончательное безмолвие.

Последние конвульсии удушья воплотились в чудовищный бред – в фантазмагорию, которая длилась как будто веками, и одно безжалостное видение нечувствительно переходило в другое.

Сэр Утер думал, что лежит связанный в некоем инквизиторском подземелье, чьи своды, пол и стены смыкаются вокруг него с ужасающей скоростью и сокрушают его стальными объятиями.

В какой-то момент, при свете, который не был светом, он на свинцовых ногах убежал от бесформенной, безымянной махины выше звезд, тяжелее земного шара, что накатывалась на него в черной железной тишине, перемалывая под собой в могильный прах самого дальнего лимба.

Он карабкался по бесконечной лестнице с ношей в виде огромного трупа, но ступени обваливались под ним на каждом шагу, и он наконец падал, придавленный трупом, который раздувался до космических масштабов.

Безглазые великаны распростерли его навзничь на гранитной плоскости и стали у него на груди возводить – один колоссальный блок за другим, в течение изнурительных эонов, – черную Вавилонскую башню бессолнечного мира.

Анаконда черного текучего металла, больше, чем мифический Пифон, обвившись вокруг него в яме, куда он упал, сдавливала его тело своими невообразимыми кольцами. Сизо-серая вспышка озарила огромную нависшую над ним пасть, и та высосала его последний вздох, выдавленный из легких.

С непостижимой быстротой голова анаконды стала головой его брата Гая. Дразня сэра Утера широкой ухмылкой, она раздувалась и росла, теряя человеческий облик и пропорции, обернулась слепой темной массой, которая обрушилась на него взвихренным мраком, утаскивая вниз, в мир за пределами мира.

Где-то на этом пути на него сошла неощутимая уже благодать небытия.

Уббо-Сатла

Ибо Уббо-Сатла – это исток и финал. Еще до того, как со звезд явились Зотаккуа, или Йок-Зотот, или Ктулхут, в дымящихся болотах недавно созданной Земли жил Уббо-Сатла: аморфная масса, не имеющая ни головы, ни конечностей, порождающая серых, бесформенных саламандр – эти первичные, мерзкие прообразы жизни на Земле... Говорится, будто вся земная жизнь в итоге итогов вернется через великие круги времени к Уббо-Сатле.
«Книга Эйбона»

Пол Трегардис отыскал молочно-белый кристалл в грудке всяких диковинок из дальних земель и эпох. Он вошел в лавку антиквара, повинаясь случайной прихоти, не ставя иной цели, кроме как праздно полюбоваться на разные разности и подержать в руках экзотический сувенир-другой. Рассеянно оглядываясь по сторонам, он вдруг приметил тусклое мерцание на одном из столиков – и извлек на свет странный сферический камень, что прятался в тени между уродливым ацтекским божком, окаменевшим яйцом динорниса и обшечным фетишем из черного дерева с реки Нигер.

Размером с небольшой апельсин, камень был чуть приплюснут с концов, точно планета на полюсах. Трегардиса вещь озадачила: этот дымчатый, переливчатый кристалл не походил на все прочие – в туманных глубинах то разгоралось, то затухало сияние, как если бы его то подсвечивали, то затеняли изнутри. Поднеся камень к заиндевелому окну, Трегардис некоторое время рассматривал находку, не в силах разгадать секрет этой характерной размеренной пульсации. Вскоре к изумлению его добавилось нарастающее ощущение смутной, необъяснимой привычности, будто бы он уже видел этот предмет когда-то прежде, при иных обстоятельствах, ныне напрочь позабытых.

Трегардис обратился к антиквару, низкорослому, похожему на гнома иудею, живому воплощению пыльной древности; казалось, человек этот напрочь позабыл о коммерческих интересах, запутавшись в паутине каббалистических грез.

– Не могли бы вы рассказать мне вот про эту вещь?

Антиктар каким-то неопиcуемым образом одновременно дернул плечами и бровями:

– Это очень древняя вещь – предположительно, палеогенового периода. Подробенее не скажу – известно мне крайне мало. Один геолог нашел камень в Гренландии, под ледниковым льдом, в миоценовых пластах. Как знать? Возможно, кристалл принадлежал какому-нибудь колдуну первозданного острова Туле. Под солнцем эпохи миоцена Гренландия была теплой, плодородной областью. Вне всякого сомнения, кристалл этот – магический; если всматриваться достаточно долго, в сердце его возможно увидеть странные образы.

Трегардис изрядно опешил, ибо фантастические домыслы антиквара оказались на диво созвучны его собственным изысканиям в некоей области тайного знания – в частности, напомнили ему про «Книгу Эйбона», этот удивительнейший и редчайший из позабытых оккультных трудов, что якобы дошел до наших дней через череду разнообразных переводов с доисторического оригинала, написанного на утраченном языке Гипербореи. Трегардис с превеликим трудом раздобыл средневековый французский список – этим томом владели многие поколения колдунов и сатанистов, – но так и не сумел разыскать греческую рукопись, с которой был выполнен французский перевод.

Считалось, что мифический исходный оригинал был записан великим гиперборейским магом, в честь которого и получил свое название. То был сборник темных и мрачных мифов, запретных и страшных ритуалов, обрядов и заклинаний. Не без содрогания, в ходе исследований, которые обычный человек счел бы, мягко говоря, своеобразными, Трегардис сличил

содержание французского фолианта с жутким «Некрономиконом» безумного араба Абдула Альхазреда. Он обнаружил немало совпадений самого что ни на есть зловещего и отвратительного свойства, а также немало запретных сведений, каковые либо были неведомы арабу, либо были опущены им... или его переводчиками.

Кажется, в «Книге Эйбона» мимоходом упоминалось о мутном кристалле, что некогда принадлежал магу из Мху Тулана по имени Зон Меззамалех? Трегардис напряг память. Разумеется, это чистой воды фантастика, маловероятная гипотеза – но Мху Тулан, эта северная оконечность древней Гипербореи, якобы приблизительно соответствует современной Гренландии, что некогда полуостровом примыкала к основному материку. Возможно ли, чтобы камень в его руке по какой-то волшебной случайности и впрямь оказался кристаллом Зон Меззамалеха?

Трегардис поулыбался, иронизируя сам над собою: и как только ему в голову пришла столь абсурдная идея? Таких совпадений не бывает – по крайней мере, в современном Лондоне; и в любом случае, сама «Книга Эйбона» – это, скорее всего, не более чем суеверный вымысел. Тем не менее было в кристалле что-то такое, что продолжало дразнить и интриговать его. В конце концов Трегардис приобрел камень за вполне умеренную цену. Продавец назвал сумму, а покупатель уплатил ее, не торгуясь.

С кристаллом в кармане Пол Трегардис поспешил назад к себе на квартиру, позабыв о том, что собирался неспешно прогуляться. Он установил молочно-белую сферу на письменном столе: камень надежно встал на приплюснутом конце. Все еще улыбаясь собственной глупости, Трегардис снял желтую пергаментную рукопись «Книги Эйбона» с ее законного места в довольно-таки полной коллекции эзотерической литературы. Открыл массивный фолиант в изъеденном червями кожаном переплете с застежками из почерневшей стали – и прочел про себя, переводя по ходу дела с архаичного французского, отрывок, посвященный Зон Меззамалеху:

«Этот маг, могуществом превосходивший всех прочих колдунов, отыскал дымчатый кристалл в форме сферы, чуть сплюснутой с обоих концов, и в нем прозревал немало видений из далекого прошлого земли, вплоть до ее зарождения, когда Уббо-Сатла, извечный первоисточник, покоился обширной, распухшей дрожжевой массой среди болотных испарений... Но из того, что видел, Зон Меззамалех не записал почти ничего, и говорят люди, будто исчез он неведомым образом, а после него дымчатый кристалл сгинул в никуда».

Пол Трегардис отложил рукопись. Его снова что-то манило и завораживало, точно угасший сон или воспоминание, обреченное кануть в небытие. Побуждаемый чувством, которого он не анализировал и не оспаривал, Трегардис сел за стол и вгляделся в холодные туманные глубины сферы. Его захлестнуло предвкушение – настолько знакомое, настолько впитавшееся в некую часть сознания, что Трегардис даже названия для него не стал подбирать.

Текли минута за минутой; Трегардис сидел и наблюдал, как в сердце кристалла разгорается и угасает мистический свет. Мало-помалу, незаметно, на него накатывало ощущение раздвоенности, словно во сне, – в отношении как его самого, так и обстановки. Он по-прежнему оставался Полом Трегардисом – и, однако же, был кем-то еще; находился в комнате своей лондонской квартиры – и одновременно в зале в некоем чужестранном, но хорошо знакомом месте. *Но и там и тут он неотрывно глядел в один и тот же кристалл.*

Спустя какое-то время процесс отождествления завершился – причем Трегардиса это нимало не удивило. Он знал, что он Зон Меззамалех, колдун из Мху Тулана, овладевший всеми учениями предшествующих эпох. Владея страшными тайнами, неведомыми Полу Трегардису, антропологу-любителю и дилетанту-окультисту, жителю современного Лондона, он пытался с помощью молочно-белого кристалла обрести знания еще более древние и грозные.

Каким способом он добыл этот камень, лучше вам не знать, а из какого источника – страшно даже подумать. Кристалл был уникален, подобного ему не нашлось бы ни в одной

земле ни в одну эпоху. В его глубинах, словно в зеркале, якобы отражались все минувшие годы и все сущее – и все это открывалось взгляду терпеливого провидца. Зон Меззамалех возмечтал обрести посредством кристалла мудрость богов, что умерли еще до того, как зародилась Земля. Они ушли в бессветное ничто, увековечив свои знания на табличках из внезвездного камня; а таблички хранил в первобытном болоте бесформенный и бессмысленный демиург Уббо-Сатла. Лишь с помощью кристалла колдун мог надеяться отыскать и прочесть древние скрижали.

И теперь он впервые испытал легендарные свойства сферического камня. Отделанная слоновой костью зала, битком набитая магическими книгами и прочей парафернализацией, медленно таяла в его сознании. Перед ним, на столе из темного гиперборейского дерева, исчерченного фантастическими письменами, кристалл словно разбухал и углублялся; в его мглистых недрах просматривалось стремительное, прерывистое кружение смутных сцен, летящих точно пузыри из-под мельничного колеса. Казалось, взору постепенно открывается самый настоящий мир: города, леса, горы, моря и луга проносились перед ним, то светлея, то темнея, как это бывает при смене дней и ночей в чудодейственно ускоренном потоке времени.

Зон Меззамалех позабыл про Пола Трегардиса – утратил всякую память о собственной сущности и обстановке в Мху Тулане. Миг за мигом текущие видения в кристалле проступали все яснее, все отчетливее, а сама сфера обретала глубину, пока голова у колдуна не закружилась, словно он глядел с опасной высоты в бездонную пропасть. Он знал, что время в кристалле мчится в обратную сторону, разворачивает перед ним величественную мистерию минувших дней, но странная тревога охватила его, и он побоялся смотреть дольше. Точно человек, едва не сорвавшийся с обрыва, он, резко вздрогнув, удержался на краю и отпрянул от мистической сферы.

И вновь на его глазах неохватный кружащийся мир, в который он вглядывался, умалился до небольшого дымчатого кристалла на исчерченном рунами столе в Мху Тулане. Затем гигантская зала с резными панелями из мамонтовой кости постепенно как будто сузилась до тесной, грязной комнатухи; и Зон Меззамалех, утратив свою сверхъестественную мудрость и колдовскую власть, неким непостижимым образом вернулся в Пола Трегардиса.

Однако же, по всей видимости, возвращение свершилось не до конца. Потрясенный, недоумевающий, Трегардис вновь оказался за письменным столом перед сплюснутым камнем. Мысли его путались, как если бы он видел сон и еще не вполне пробудился. Комната несколько его озадачивала, словно что-то было не так с ее размерами и меблировкой; а к воспоминаниям о том, как он купил кристалл у антиквара, примешивалось до странности противоречивое ощущение, будто он приобрел камень совсем иным способом.

Трегардис чувствовал: когда он заглянул в кристалл, с ним случилось нечто необычайное, но что именно – вспомнить не мог. В сознании все смешалось, как бывает после злоупотребления гашишем. Он уверял себя, что он – Пол Трегардис, проживает на такой-то улице в Лондоне, что на дворе 1932 год; однако ж эти прописные истины отчего-то утратили смысл и подлинность; все вокруг казалось призрачным и бесплотным. Сами стены словно подрагивали в воздухе, точно дымовая завеса; прохожие на улицах казались отражениями призраков; да и сам он был заплутавшей тенью, блуждающим эхом того, что давно позабыто.

Он твердо решил, что не станет повторять эксперимента с кристаллом. Уж слишком неприятными и пугающими оказались последствия. Но уже на следующий день, повинувшись бездумному инстинкту, едва ли не машинально, без принуждения, он вновь уселся перед дымчатой сферой. И вновь перевоплотился в колдуна Зон Меззамалеа из Мху Тулана, и вновь возмечтал обрести мудрость предсущих богов, и вновь в ужасе отпрянул от разверзшихся перед ним глубин – так, словно боялся сорваться с края пропасти, – и опять, пусть неуверенно и смутно, точно тающий призрак, он стал Полом Трегардисом.

Три дня кряду повторял Трегардис свой опыт, и всякий раз его собственное «я» и мир вокруг становились еще более бесплотными и неясными, нежели прежде. Он как будто спал – и балансировал на грани пробуждения; даже Лондон становился ненастоящим, точно земли, ускользающие из памяти спящего, исчезающие в туманном мареве и сумеречном свете. За пределами всего этого Трегардис ощущал, как множатся и растут неохватные образы, чуждые и вместе с тем отчасти знакомые. Фантазмагория времени и пространства словно растворялась и таяла вокруг него, открывая взгляду некую истинную реальность – либо новый сон о пространстве и времени.

И наконец настал день, когда он уселся перед кристаллом – и уже не вернулся Полом Трегардисом. В этот самый день Зон Меззамалех, отважно презрев недобрые и зловещие предзнаменования, твердо решил преодолеть свой страх физически кануть в иллюзорный мир – этот страх до сих пор мешал ему отдаться на волю временного потока, струящегося вспять. Если он все же надеется когда-нибудь увидеть и прочесть утраченные скрижали богов, он должен превозмочь робость! До сих пор он видел лишь несколько фрагментов из истории Мху Тулана, которые застал и сам, ибо они непосредственно предшествовали настоящему, а ведь были еще неохватные циклы между этими годами и началом начал!

И вновь под его пристальным взглядом кристалл обретал бездонные глубины, а сцены и события текли в обратную сторону. И вновь магические письмена на темном столе растаяли в его памяти, и покрытые колдовской резьбой стены залы растворились, развеялись, точно обрывки сна. И вновь накатило головокружение, и перед глазами все поплыло, пока склонялся он над вихревыми водоворотами чудовищного провала времени в мире кристальной сферы. Невзирая на всю свою решимость, он уже готов был в страхе отпрянуть, но нет: слишком долго смотрел он в пучину. Он почувствовал, как падает в пропасть, как затягивает его круговерть неодолимых ветров, как смерчи увлекают его вниз сквозь мимолетные, зыбкие видения собственной прошедшей жизни в годы и сферы до его рождения. Накатила невыносимая боль распада; и вот он уже не Зон Меззамалех, мудрый и просвещенный хранитель кристалла, но живая часть стремительного колдовского потока, бегущего вспять, к началу начал.

Он словно бы проживал бесчисленные жизни, умирал мириадами смертей, всякий раз забывая прежние смерть и жизнь. Он сражался воином в легендарных битвах, ребенком играл на руинах еще более древнего города в Мху Тулане; царем правил в этом городе в пору его расцвета, пророком предсказывал его возведение и гибель. Женщиной рыдал о мертвецах бывшего на развалинах старинного некрополя; древним чарореем бормотал грубые заклинания первобытного колдовства; жрецом доисторического бога воздевал жертвенный нож в пещерных храмах с базальтовыми колоннами. Жизнь за жизнью, эра за эрой он уходил все дальше в прошлое – ошупью, ища и находя, протяженными, смутными циклами, через которые Гиперборея вознеслась от дикости к вершинам цивилизации.

Вот он – дикарь троглодитского племени, бежит от медленного наступления ледяных бастионов минувшего ледникового периода в земли, озаренные алым отблеском негасимых вулканов. Минули бесчисленные годы, и вот он уже не человек, но человекоподобный зверь, рыщет в зарослях гигантских хвощей и папоротников или строит себе неуклюжие гнезда в ветвях могучих саговников.

На протяжении миллиардов лет первичных ощущений, грубой похоти и голода, первобытного страха и безумия, некто (или нечто?) упорно продвигался назад во времени все дальше и дальше. Смерть становилась рождением, рождение – смертью. В неспешной череде обратных превращений Земля словно таяла, сбрасывала с себя, как кожу, холмы и горы позднейших напластований. Солнце делалось все больше и жарче над дымящимися болотами, где жизнь кишела все гуще, растительность цвела все пышнее. То, что некогда было Полом Трегардисом, то, что было Зон Меззамалехом, влилось в чудовищный регресс. Оно летало на когтистых крыльях птеродактиля, ихтиозавром плавало в тепловатых морях, извиваясь всей своей исполин-

ской тушей, исторгало хриплый рев из бронированной глотки какого-то неведомого чудища под громадной луной, пылавшей в лейасовых туманах.

Наконец спустя миллиарды лет незапамятных животных состояний оно стало одним из позабытых змееподобных людей, что возводили свои города из черного гнейса и сражались в ядоносных войнах на первом из континентов мира. Волнообразно колыхаясь, ползало оно по дочеловеческим улицам и угрюмым извилистым склепам; глядело на первозданные звезды с высоких вавилонских башен; шипя, возносило моления пред гигантскими змееидолами. На протяжении многих лет и веков змеиной эры возвращалось оно и копошилось в иле бессмысленной тварью, что еще не научилась думать, мечтать и созидать. Настало время, когда и континента еще не существовало – одно только беспредельное, хаотическое болото, море слизи без границ и горизонта, бурлящее слепыми завихрениями аморфных паров.

Там, в сумеречном начале Земли, среди ила и водяных испарений, покоилась бесформенная масса – Уббо-Сатла. Не имея ни головы, ни органов, ни конечностей, он неспешным, неиссякаемым потоком исторгал из своей слизистой туши первых амёб – прообразы земной жизни. Ужасное то было бы зрелище – если бы нашлось кому видеть этот ужас; отвратительная картина – кабы было кому испытывать отвращение. А повсюду вокруг лежали плашмя или торчали в трясине великие скрижали из звездного камня с записями о непостижной мудрости предсущных богов.

Туда-то, к цели позабытых поисков, и влеклось существо, что некогда было – или когда-нибудь станет – Полом Трегардисом и Зон Меззамалехом. Сделавшись бесформенной саламандрой первичной материи, оно лениво и бездумно ползало по рухнувшим скрижальям богов вместе с прочими порождениями Уббо-Сатлы, что слепо сражались и пожирали друг друга.

О Зон Меззамалехе и его исчезновении нигде не упоминается, кроме короткого отрывка из «Книги Эйбона». Касательно Пола Трегардиса, который тоже пропал бесследно, опубликовали небольшую заметку в нескольких лондонских газетах. Никто, по всей видимости, ровным счетом ничего о нем не знал; он сгинул, словно его и не было; а вместе с ним, вероятно, и камень. По крайней мере, камня так никто и не отыскал.

Двойная тень

Среди тех, кто знает меня на Посейдонисе, я именуюсь Фарпетрон; но даже я, последний и самый одаренный ученик мудрого Авиктеса, не знаю, как назвать то, чем мне суждено стать завтра. Посему под угасающим светом серебряных ламп в мраморных палатах моего учителя над шумным, ненасытным морем я спешно пишу сей рассказ, отборными колдовскими чернилами черчу на древнем и бесценном сером драконьем пергаменте. И когда я закончу, я запечатаю страницы в орихалковый цилиндр и брошу его из высокого окна в море, дабы моя надвигающаяся судьба не уничтожила сгоряча и письма. И может так случиться, что лефарские моряки, проплывая на пути в Умб и Пнеор в высоких своих триремах, найдут цилиндр; или рыбаки вытянут его из-под волны своими виссонными неводами; и, прочитав мой сказ, люди узнают правду и послушаются моего предостережения; и нога человека более не ступит в бледный, населенный призраками дом Авиктеса.

Шесть лет я провел в уединении с пожилым учителем, променяв юность с ее желаниями на исследование вещей, покрытых мраком. Вместе мы зашли дальше, чем все прочие до нас, в изучении запретного знания; мы расшифровали не имевшие разгадки иероглифы, в коих скрывались дочеловеческие формулы; мы общались с умершими до начала истории; мы вызывали насельников запертых гробниц, ужасающих бездн за пределами космоса. Мало сынов человеческих решалось найти нас среди пустынных, истерзанных ветром утесов; но многочисленны, пусть и безымянны, были наши гости из дальних пределов пространства и времени.

Угрюм и могильно-бел, старше памяти усопших, построен не то людьми, не то бесами до возникновения мифа особняк, в котором мы обитаем. Далеко внизу северное море упорно цепляется за голые черные рифы и ревет или спадает, беспрестанно шепча, подобно разбитому воинству демонов; и все более дом, словно гулкий пустой склеп, наполняется унылым эхом их беспокойных голосов; и ветра рыдают, охваченные черной яростью, меж высоких башен, не в силах сотрясти их. Со стороны моря особняк вздымается резко над отвесным утесом; а с остальных сторон его опоясывают узкие террасы, обросшие искореженными карликовыми кедрами, что вечно кланяются вихрю. Гигантские мраморные чудища сторожат ворота, обращенные от моря; а прямые портики над морем поддерживают громадные мраморные женщины; величественные статуи и мумии расставлены повсюду в чертогах и коридорах. Но помимо них и тех духов, что мы призывали, никто не составляет нам компании; одни лишь мертвецы да тени изо дня в день прислуживают нам.

Всем известно имя Авиктеса, последнего ученика того самого Малигриса, который, сидя в башне черного камня, некромантией поработил Сазран; Малигриса, со смерти которого прошли годы, прежде чем люди о ней узнали; Малигриса, с чьих уже мертвых и разлагающихся губ продолжали сходить искусные заклинания и неумолимые пророчества. Но Авиктес не алкал власти над временем, подобно Малигрису; и, переняв все, что старший колдун мог дать, оставил города Посейдониса позади в поисках иного, еще более необъятного могущества; а мне, юному Фарпетрону, в Авиктесову старческую пору дозволено было проживать с ним его одиночество, и с тех пор я разделяю его аскезу, его бдения и его ритуалы... а теперь мне также надлежит разделить и его жуткую судьбу, что пришла в ответ на его призывы.

Не без ужаса (да, человек смертен) я, неофит, поначалу смотрел на омерзительные и потрясающие лица тех, кто повиновался Авиктесу; духи моря и земли, небес и звезд, сновавшие туда-сюда по мрамористым залам его дома. Я содрогался при виде извивающейся черной массы хтонических видений в клубящемся дыме светильников; я пугался и кричал от серой, гигантской, бесформенной гадости, что не без злого умысла теснилась по краю начертанного семицветного круга, грозя нам, стоявшим в центре, немыслимыми посягательствами. Отвращение не покидало меня, пока я пил вино, налитое мертвецами, и ел хлеб, поданный призра-

ками. Но привычка и заведенный порядок притупили неприязнь, сокрушили страх; и со временем я уверился, что Авиктес – господин всех заклятий и экзорцизмов, неизменно способный изгнать существ, которых призвал.

Не знал бы бед Авиктес – и я бы не знал, – если бы учитель мой удовольствовался легендами, доставшимся нам с Атлантиды и Туле или пришедшими с Му и из Майяпана. Кому угодно этого было бы достаточно; ведь в тулейских книгах на страницах цвета слоновой кости гнездились кровью выведенные руны, что призывали бесов с пятой и седьмой планеты, будучи произнесенными в час оных планет восхода; а колдуны с Му описали способ отпереть врата далекого будущего; а наши праотцы, атланты, нашли тропинку меж атомов и путь к далеким звездам и держали речь с духами солнца. Но Авиктес тянулся к более темному знанию, к более безраздельной власти; и в его руки на третий год моего послушничества попала блестящая, как зеркало, табличка потерянного змеиного народа.

Обнаружили табличку мы неожиданным и, казалось нам, удачным образом. В определенных часы, когда воды отступали от отвесных скал, мы обыкновенно спускались по сокрытым пещерою ступеням на обнесенный утесами песчаный полумесяц за мысом, на котором стоял дом Авиктеса. Там, на мокром буром песке, за пенистыми макушками бурунов, оставались истертые и загадочные предметы, принесенные приливом с безвестных берегов, и клады, поднятые ураганами с нетронутых глубин. Там мы находили пурпурные и алые завитки громадных раковин, неровные комья амбры и белые соцветия вечноцветущих кораллов, а однажды – варварский идол зеленой бронзы, когда-то украшавший нос галеры с далеких северных островов.

Случилась большая буря, разверзшая море, должно быть, до его глубочайших бездн; но она миновала к утру, и небеса были безоблачны в тот роковой день, когда мы нашли табличку, и бесноватые ветра умолкли меж высоких скал и ущелий; и море шипело тихим шепотом, как шелестят по песку парчовые платья убегающих дев. И сразу за ушедшей волной я успел выудить находку из обломков, пока волна не вернулась, и преподнес ее Авиктесу.

Табличка была отлита из неизвестного металла, подобного нержавеющей железу, но тяжелее. Она была треугольной, и самое широкое ее ребро было больше человеческого сердца. С одной стороны она была совершенно пуста; и мы с Авиктесом по очереди узрели свои странные отражения, напоминавшие вытянутые бледные черты мертвецов, на ее полированной поверхности. С другой стороны в металл глубоко врезались множество строчек из маленьких скрюченных символов, словно прочерченных травящей кислотой; и символы эти не представляли собою ни иероглифов, ни алфавитных символов какого бы то ни было известного моему учителю или мне языка.

Возраст и происхождение таблички мы тоже предположить не могли; наша эрудиция никуда нас не привела. Еще много дней мы изучали надписи и обсуждали, так ни к чему и не пришед. И ночь за ночью в высоком чертоге, защищенном от бесконечных ветров, мы размышляли о заволаживающем треугольнике под высокими и прямыми языками пламени серебряных светильников. Все потому, что Авиктес полагал, что за необъяснимыми закорючками скрывалась редкой ценности мудрость (а быть может, и тайны чужеземной или древней магии). И тогда, уверившись в бессилии наших знаний, в поисках иного толкования учитель прибегнул к волшебству и некромантии. Однако поначалу из всех бесов и призраков, что отвечали на наши вопросы, ни один ничего не мог нам сказать о табличке. И кто угодно бы уже сдался, но не Авиктес... и правильно сделал бы, что сдался и более не пытался бы расшифровать написанное...

Месяцы и годы тянулись под тяжелый рокот морских вод на темных камнях и перепалки стремительных вихрей меж белых башен. Мы продолжали свои исследования и заклинания; и все дальше и дальше углублялись мы в непроглядные пределы пространства и духа, приближаясь, возможно, к открытию секрета тех из всего многообразия бесконечностей, что располагаются ближе иных к нам. И время от времени Авиктес возвращался к раздумьям о приби-

той к берегу табличке или обращался к какому-нибудь гостю из иных кругов пространства и времени за помощью в интерпретации ее.

Наконец, случайно попробовав одну формулу, экспериментируя наобум, он призвал мутное, зыбкое привидение первобытного колдуна; и привидение прошептало нам грубыми, забытыми словами, что буквы на табличке принадлежали змеиному народу, чей древний материк затонул за миллиарды лет до того, как из первичного бульона восстала Гиперборея. Но о смысле их привидение нам не могло сказать ничего; ведь даже в его время змеиный народ уже стал сомнительным мифом; и их сложные, допотопные легенды и заклинания человеку были совершенно недоступны.

Так вышло, что ни в одном чародейском томе у Авиктеса не было такого заклинания, которое помогло бы нам призвать потерянный змеиный народ из его сказочной эпохи. Была, впрочем, одна формула с Лемурии, заумная и запутанная, позволявшая отправить тень усопшего во времена, предшествующие его собственной жизни, после чего, какое-то время спустя, колдун мог вернуть ее к себе. А поскольку тень совершенно неосвязаема, временной переход ей никак не вредит и она может запомнить все, что колдун наказал ей узнать за время путешествия, и ему передать.

Итак, вновь призвав привидение первобытного колдуна, которого звали Ибиф, Авиктес по-хитрому применил несколько древнейших смол и горючих обломков окаменевшей древесины; и он, и я произнесли слова заклинания и тем самым отправили тонкий дух Ибифа в далекий век змеиного народа. И по прошествии времени, которого, по подсчетам Авиктеса, должно было хватить, мы совершили причудливые заклинательные обряды, дабы вернуть Ибифа из его ссылки. И обряды сработали; и вскоре Ибиф предстал перед нами, подобный парю, который вот-вот сдует ветром. И голосом, что был тише последнего эха уходящих воспоминаний, призрак объяснил нам секрет символов, который он услышал в стародавнем прошлом; и на этом мы прекратили расспрашивать Ибифа и позволили ему вернуться ко сну и забытью.

Тогда, узнав суть крошечных закорючек, мы прочли надпись на табличке и сделали оной транслитерацию – не без труда и сложностей, впрочем, поскольку самая фонетика змеиного языка, а равно метафоры и идеи, выраженные в тексте, были отчасти чужды человеческому пониманию. И, расправившись с текстом, мы увидели, что он представлял собой формулу некоего заклинания, которой, конечно, пользовались змеиные колдуны. Но цель заклинания не уточнялась; и никакого указания на природу или сущность того, кто должен был прийти в ответ на обряд, там не было. И более того, соответствующего обряда экзорцизма или изгоняющего заклятия тоже не причиталось.

Весьма возрадовался Авиктес, полагая, что наткнулся на знание из-за пределов памяти и человеческого провидения. И сколько я ни пытался его отговорить, он твердо решил провести обряд, сказав, что наше открытие было не простой случайностью, но заранее предreshенной судьбой. И он словно не придавал значения угрозе, которую могло нести призывание вещей, чье происхождение и свойства совершенно окутаны мраком.

– Ибо, – сказал Авиктес, – за все годы своего колдовства я не призвал ни одного бога или беса, ни демона, ни нежити, ни тени, которой у меня не вышло бы управлять и изгнать по собственному желанию. И я не склонен полагать, что такую силу или духа, коих мои заклинания не отвратят, смог бы призвать народ змей, как бы ни были они умудрены в демонологии или некромантии.

Тогда, узрев его упорство и всецело признав за ним авторитет, я согласился помочь Авиктесу в его эксперименте, хотя и предчувствовал ужасное. И вот в назначенный час и при верном положении звезд собрали мы в чертоге чародейства набор материалов, соответствующий тому, что табличка наказывала использовать в ритуале.

О многом из того, что мы делали, и об определенных веществах, которые использовали, лучше не рассказывать; я также не стану записывать здесь пронзительных, шипящих слов,

которые существам, не рожденным от змей, произнести нелегко и которые составляли значительную часть церемонии. Под конец мы свежей птичьей кровью нарисовали треугольник на мраморном полу; и Авиктес встал у одного угла, а я у другого; а тощая охристая мумия воина-атланта по имени Ойгос встала у третьего. И, встав так, Авиктес и я держали в руках свечи из трупного жира до тех пор, пока те не истаяли промеж наших пальцев, словно в розетку подсвечника. А в ладонях мумифицированного Ойгоса, как в неглубоких кадилах, тальк и асбест горели загадочным огнем, секрет которого был нам доступен. С одной стороны мы начертили на полу непрерывный эллипс, что состоял из бесконечно повторяющихся, сцепленных между собою двенадцати непроизносимых Знаков Омора, за которые мы могли зайти, если гость вздумает чинить козни или бунтовать. Мы ждали, пока звезды наверху не совершили круг вокруг полюса, как и было положено. И когда свечи потухли меж наших обожженных пальцев, а тальк с асбестом совершенно исчезли в проеденных руках мумии, Авиктес произнес единственное слово, смысла которого мы не знали; и Ойгос, оживленный колдовством и подчинявшийся нашей воле, повторил это слово спустя определенный промежуток, голосом глухим, точно эхо, рожденное в гробнице; и я, в свою очередь, тоже его повторил.

Надо сказать, что в чертоге заклинания перед началом ритуала мы открыли оконце, выходившее к морю, и также оставили открытой высокую дверь в коридор, ведущий прочь от моря, на тот случай, если пришедшему в ответ на наш зов потребно войти физически. И во время церемонии море смолкло, и ветер стих, и казалось, что все на свете замерло в мучительном ожидании безымянного гостя. Но когда все завершилось и последнее слово было произнесено Ойгосом, а затем и мной, мы стояли и тщетно ждали зримого знака или иного явления. Светильники тихо горели в полуночной комнате; и не было ни одной тени, кроме тех, что отбрасывали мы двое, Ойгос да огромные мраморные женщины вдоль стен. И в волшебных зеркалах, которые мы искусно расставили, дабы они отразили то, что обычно невидимо, не узрели мы ни дуновения, ни краешка образа.

Когда прошло довольно времени, Авиктес страшно огорчился, полагая, что заклинание не удалось; а я, полагая то же самое, втайне ликовал. Тогда мы допросили мумию Ойгоса, не ощутил ли он в комнате своими особыми мертвыми чувствами безошибочного признака или сомнительного указания на присутствие, нами, живыми, не замеченное. И мумия ответила некромантически, что ничего вокруг не было.

– Воистину, – сказал Авиктес, – нет смысла больше ждать. Вне сомнений, каким-то образом мы неверно поняли содержание надписи или неточно воспроизвели вещества, нужные для заклинания, либо точную интонацию. А может статься, что по прошествии стольких миллиардов лет тот, кто прежде мог ответить, перестал существовать или до такой степени изменился в своих свойствах, что заклинание ныне бессмысленно и ценности не представляет.

Я с готовностью согласился, надеясь, что на этом все и закончится. Потом, стерев кровавый треугольник и священный эллипс сцепленных Знаков Омора и отпустив Ойгоса на его обычное место с остальными мумиями, мы отправились почивать. И в последующие дни мы вернулись к своим привычным изысканиям, не заговаривая друг с другом о таинственной треугольной табличке или о неработающей формуле.

Как и доселе, дни шли своим чередом; и море ревело белой яростью и карабкалось на утесы, и ветра завывали вокруг о своем невидимом, гнетущем гневе, склоняя темные кедры, подобно ведьмам, кланяющимся под дыханием Таарана, бога зла. Завороженный новыми экспериментами и чарами, я было почти забыл неудачное заклинание и счел, что забыл о нем и Авиктес.

Ничего существенно не изменилось, подсказывало нам колдовское чутье; и ничто не тревожило нашей умудренной власти и спокойствия, которому мы полагали быть безмятежней царского. Считывая звезды в гороскопе, мы не находили в их аспекте никаких злых пророчеств; ни тени бедствия не являлось нам в геомантических гаданиях и в любых иных манерах

предсказаний, к коим мы прибегали. И наши фамилляры, несмотря на свою отталкивающую и устрашающую смертные очи природу, в полной мере подчинялись своим господам в нашем лице.

Потом одним ясным летним днем мы гуляли, как нам было свойственно, по мраморной террасе за домом. В отливающих морским пурпуром мантиях мы прохаживались среди шумящих деревьев с их согнутыми, кривыми тенями; и там-то я увидел, как за нами по мрамору тянется голубая тень Авиктеса и моя собственная, а между ними – силуэт тени, не принадлежавшей ни одному из кедров. И я весьма испугался, но перед Авиктесом виду не подал и продолжил пристально наблюдать за тенью исподтишка.

Я заметил, что она неотрывно следует за тенью Авиктеса, неизменно на одном и том же расстоянии. И на ветру она не трепыхалась, а двигалась с текучестью какой-то густой, вязкой, гниlostной жидкости; и цвет ей был присущ не голубой, не пурпурный, не черный и ни один из тех, к каким привычен глаз человеческий, а была она словно оттенка какого-то потустороннего гниения; и самая форма ее представляла собою нечто ужасное, с короткой головой и длинным волнистым телом, не похожим ни на зверя, ни на беса.

Авиктес тени не замечал; а я все боялся заговорить, хоть и полагал, что ничего хорошего из того, что она пристала к моему учителю, выйти не может. И я подошел к нему, дабы почувствовать кожей или чем-нибудь еще невидимую сущность, что отбрасывала силуэт. Но в воздухе между солнцем и тенью не было ничего; и большего я не обнаружил ни с обратной стороны от нее, ни с иного угла, сколь бы ни старался, памятуя, что некоторые существа отбрасывают тени подобным образом.

Через какое-то время, в свой заведенный час, под завихрениями звезд, через поддерживаемые чудищами врата мы вернулись в дом на горе. И я увидел, что странный силуэт все так же следует за тенью Авиктеса, без всякого преломления кошмарно упавая на ступени и совершенно не сливаясь с тенями высящихся чудищ. И в сумеречных залах, куда не достает солнечный луч, где теней быть не могло, я ужаснулся при виде омерзительного искривленного пятна тлетворного, ни на что не похожего цвета, что шло за Авиктесом, будто вместо его собственной испарившейся тени. И весь тот день, куда бы мы ни шли, за столом ли, где призраки подносили нам еду, или во вверенной мумиям комнате гримуаров и фолиантов, тварь не отставала от Авиктеса, как проказа от прокаженного. И все учитель не замечал ее; и все я воздерживался от того, чтобы его предупредить, уповаю на скорый уход гостя, столь же незаметный, сколь и его появление.

Однако в полночь, когда мы сели под серебряными светильниками, рассуждая о кровью начертанных рунах Гипербореи, я увидел, что силуэт подобрался ближе к тени Авиктеса, возвышаясь за его креслом на стене между колоссальными женскими статуями и мумиями. Тварь источала кладбищенские нечистоты и скверну хуже черной проказы ада; и я не выдержал, и вскричал от страха и отвращения, и указал учителю на нее.

Увидев теперь тень, Авиктес пристально и безмолвно ее разглядел; и ни страха, ни трепета, ни отвращения не было в рельефе морщин на его лице. И наконец он сказал мне:

– Мои знания сего существа объяснить не могут; но ни разу за все время, что я практиковал свое искусство, ни одна тень не пришла ко мне без спросу. И поскольку каждый наш призыв уже возымел ответ, мне не остается ничего иного, как полагать, что тень эта – подлинная сущность или знак оной, пришедшей с опозданием в ответ на формулу змеиного народа, которую мы посчитали бессильной и бессмысленной. И я полагаю, что лучше всего нам теперь отправиться в чертог чародейства и допросить тень, как мы умеем, дабы выяснить ее происхождение и цель.

Мы без промедления отправились в чертог чародейства и подготовились так, как было и возможно, и необходимо. И когда мы готовы были задать свои вопросы, загадочная тень

приблизилась к тени Авиктеса настолько, что промежуток между ними стал не шире жезла некроманта.

Мы расспрашивали тень всеми возможными способами, своими устами и устами мумий и статуй. Но ничего похожего на ответ мы не получили; и мы вызвали некоторых бесов и призраков, наших фамильяров, чтобы расспросить ее их устами, но тщетно. И пока мы старались, наши волшебные зеркала не показывали ничего, что могло бы отбросить эту тень; и те, что говорили за нас, не могли ничего обнаружить в чертоге. И ни одно заклинание, казалось, не действовало на гостя. Тогда Авиктес посмурнел; и, нарисовав кровью и прахом на полу эллипс Омора, в который ни демон, ни дух проникнуть не в силах, он встал в его центр. Но и в эллипс, подобно жидким и летучим миазмам чумы, тень последовала за его собственной; и промежуток между ними уже стал не шире колдовского пера.

И тогда на лице Авиктеса ужас прорезал новые морщины; и лоб его покрылся каплями мертвенного пота. Ибо он понимал, как понимал и я, что перед нами нечто, превосходящее все законы и не обещавшее ничего, кроме разрушения и зла. И он возопил ко мне дрожащим голосом:

– Я ничего не ведаю об этом существе или о его намерениях по отношению ко мне, и я не властен его остановить. Уходи, оставь меня; я не хотел бы, чтобы кто-нибудь узрел поражение моего колдовства и судьбу, что за оным непременно последует. Чем раньше, кроме того, уйдешь ты, тем лучше, дабы и сам ты не стал жертвой этой тени и не обрек себя на то, чем она грозит.

Хоть трепет и обьял меня до глубины души, я не желал оставлять Авиктеса. Но я поклялся повиноваться ему всегда и во всем; не говоря о том, что бессилие Авиктеса означало, что против тени я был бы бессилен вдвойне.

Итак, распрощавшись, я пошел прочь из прокаженной комнаты, дрожа всем телом; обернувшись на пороге, я увидел, что чужеродная тень, тошнотворной кляксой ползущая по полу, коснулась тени Авиктеса. И в эту секунду учитель закричал, будто увидел ночной кошмар; и лицо его уже не принадлежало Авиктесу, но было искорежено и скорчено, как у несчастного безумца, сражающегося с невидимым инкубом. Тогда я отвернулся и убежал вдоль по темному внешнему коридору и сквозь высокие ворота, выходившие на террасу.

Красная луна, выпуклая и тревожная, опустилась между террасой и утесами; и тени кедров вытянулись в ее свете; и они дрожали под вихрем, подобно плащам чародеев. И, накрываясь под вихрем, я бежал по террасе к внешним ступеням, что вели к крутой тропинке в источенной ущельями каменистой пустоши за домом Авиктеса. Я приближался к краю террасы со скоростью страха; но я не мог достичь первой ступеньки, потому что с каждым шагом мрамор подо мной уплывал, подобно удаляющемуся от охочего исследователя горизонту. И сколько я ни бежал, судорожно дыша, к краю террасы я приблизиться никак не мог.

Наконец я сдался, понимая, что какое-то заклинание исказило самое пространство вокруг дома Авиктеса, не позволяя никому сбежать оттуда прочь от моря. Отчаявшись перед лицом грядущего, я вернулся к дому. И когда я взбирался по белым ступеням в тусклых, горизонтальных лучах застрявшей меж утесов луны, я узрел фигуру, ожидавшую меня во воротах. И по тянущейся за ней мантии морского пурпура я узнал Авиктеса, хотя более ничто на него не указывало. Ибо лицо у него было уже не вполне человеческим, а стало текучей смесью человеческих черт с чем-то таким, о чем на земле представления нет. Обращение сие было страшнее смерти или разложения; и это лицо уже окрасилось безымянными, нечистыми и гниlostными цветами странной тени и обрело в своих контурах частичное сходство с приплюснутой ее физиономией. Руки фигуры не принадлежали ни одному земному существу; и тело под мантией удлинилось, омерзительно тянущее и волнистое; а с лица и пальцев в лунном свете капала какая-то жидкая скверна. И следующая за ним тень, подобно густо бьющему потоку гнили, проела и исказила саму тень Авиктеса, ныне удвоенную манером, коего я здесь не опишу.

Я был бы рад вскричать или хоть что-то произнести; но ужас иссушил родник речи. И тварь, что раньше была Авиктесом, молча поманила меня, не произнося ни слова своими живыми и зловонными губами. И глазами, что перестали быть глазами, превратившись в сочащуюся скверну, она уставилась на меня. И мягкая проказа ее пальцев вцепилась мне в плечо, когда тварь повела меня, полуобморочного, по коридору в тот чертог, где мумия Ойгоса, помогавшая нам в тройном заклинании змеиного народа, жила вместе с несколькими себе подобными.

У горящих бледным, недвижимым вечным огнем светильников в чертоге я увидел стоящих вдоль стены мумий, бездыханно покоившихся на своих обычных местах, со своими высокими тенями подле. Но огромная, тощая тень Ойгоса на мраморной стене сопровождалась силуэтом, точно совпадавшим с той порочной тварью, что преследовала моего учителя и ныне с ним слилась. Я вспомнил, что Ойгос участвовал в ритуале и в свой черед повторил неизвестное положенное слово за Авиктесом; и я понял, что ужас пришел в свой черед за Ойгосом, а значит, изливается равно на живых и на мертвых. Ибо гадкая безымянная тварь, которую мы столь дерзко призывали, не могла воплотиться в мире смертных иначе. Мы выманили ее из невиданных глубин времени и пространства, по невежеству своему используя лютую формулу; и тварь пришла в свой час, дабы отпечататься мерзейшей скверной на призвавших ее.

С тех пор ночь утекла, и еще один день мешкотно проплыл, по горло в вязкой жути... Я узрел полное слияние тени с плотью и тенью Авиктеса... и я также видел медленное приближение того, второго силуэта, что сплетался с худой тенью и сухим, смолистым телом Ойгоса и превращал их в копию той твари, коей стал Авиктес. И я слышал, как мумия кричит, подобно страждущему и испуганному живому человеку, в агонии второй кончины от посягательств тени. И уже давно он смолк, как и первый монстр, и мне не известны ни мысли его, ни намерения... И поистине я не знаю, одна ли тварь пришла на наш зов или их несколько; и не знаю, удовольствуется ли ее воплощение теми тремя, что призывали ее, или перейдет к другим.

Но все это и многое другое мне вскоре предстоит узнать; ибо теперь, в свой черед, мою тень преследует еще одна, все приближаясь. Воздух сворачивается и сгущается от неведомого страха; и те, что были прежде нашими фамильярами, покинули особняк; и огромные мраморные женщины как будто дрожат, прижавшись к стенам. Но тот монстр, что был когда-то Авиктесом, и второй монстр, что был Ойгосом, меня не покинули, и им дрожать нечего. И глазами, что уже не глаза, они задумчиво следят, ожидая моего превращения в им подобного. И их спокойствие жутче, чем быть разорванным ими на части. И ветер приносит странные шепотки, и море ревет не своим голосом; и стены подрагивают, подобно тончайшей вуали от дыхания неведомых глубин.

Посему, памятуя о том, что времени мало, я заперся в комнате с гримуарами и фолиантами и записал сии воспоминания. И я взял блестящую треугольную табличку, коей расшифровка привела нас к гибели, и выбросил ее из окна в море, уповая на то, что никто после нас ее не найдет. И теперь мне пора заканчивать, и запечатать мой рассказ в орихалковый цилиндр, и выбросить его, дабы он уплыл прочь по волнам. Ибо промежуток между моей тенью и тенью твари сокращается с каждым мгновением... и вот он уже не шире колдовского пера.

Плутониум

– Удивительно, – говорил доктор Мэннерс, – как расширилась наша фармакопея благодаря космическим исследованиям. За последние тридцать лет на различных планетах Солнечной системы были открыты сотни доселе неведомых субстанций, которые теперь используют как наркотики или лекарства. Весьма интересно будет взглянуть, что обнаружит на планетах альфы Центавра экспедиция Аллана Фаркуара, когда и если они туда доберутся и вернутся на Землю. Хотя сомневаюсь, что нас ожидают находки более значимые, чем открытие селенина. Его производят из ископаемого лишайника, который в тысяча девятьсот семьдесят пятом году обнаружили во время первой экспедиции на Луну; он, как вы знаете, помог нам почти полностью искоренить когда-то терзавший человечество рак. Из раствора селенина можно изготовить сыворотку, безотказно действующую на раковые опухоли, и она не только исцеляет уже заболевших, но и предотвращает заболевание.

– Боюсь, я в последнее время не следил за новыми открытиями, – чуть извиняющимся тоном откликнулся Руперт Бэлкот, скульптор, зашедший в гости к Мэннерсу. – Конечно, про селенин известно всем и каждому. Недавно много писали еще о минеральной воде с Ганимеда, действие которой можно сравнить с действием воды из легендарного источника вечной молодости.

– А, вы имеете в виду клитни, как это вещество называют жители Ганимеда. Это прозрачная жидкость изумрудно-зеленого цвета, которую выбрасывают на поверхность гейзеры в кратерах дремлющих вулканов. Ученые полагают, что именно клитни – причина почти сказочного долголетия ганимедцев. А еще ученые полагают, что на людей она, возможно, будет действовать так же.

– Но ведь некоторые инопланетные вещества оказались для нас вовсе не такими уж благотворными? – вспомнил Бэлкот. – Мне рассказывали о марсианском яде, который немало способствовал расцвету смертоносного искусства тайных убийств. А еще этот венерианский наркотик под названием мнофка, который действует на человеческий организм гораздо страшнее, чем любой земной алкалоид.

– Ваша правда, – кивнул доктор с философским видом, – многие из этих химических соединений можно использовать не по назначению и добиться тем самым весьма губительного эффекта. Но точно так же можно использовать и любые земные вещества. Как и всегда, человек может обратить что-то во зло или во благо... Марсианский яд – это, видимо, акпалоли, сок рыжевато-желтого растения, весьма распространенного в оазисах Марса. Он бесцветен и не обладает ни вкусом, ни запахом. Убивает почти мгновенно и не оставляет следов – жертва как будто умирает от инфаркта. Наверняка на тот свет отправилось уже немало бедолаг, которым тайно добавили капельку акпалоли в еду или в лекарство. Но даже акпалоли можно использовать в мизерных дозах, и тогда он превращается в весьма эффективный стимулятор, который помогает при обмороках, и не раз с его помощью чудодейственным образом возвращали способность двигаться паралитикам... Конечно, – продолжал он, – мы очень многого еще не знаем об этих инопланетных веществах. Нередко человек открывал их полезные свойства случайно, а кое о каких мы, несомненно, не ведаем до сих пор. Взять хоть ту же мнофку. Отчасти она похожа на земные наркотики, например на опиум или гашиш, но ее нельзя использовать как болеутоляющее или анестезирующее. Под воздействием мнофки человек ощущает время на немыслимой скорости, у него невероятно обостряются и усиливаются все чувства, как приятные, так и болезненные. Принявший этот наркотик как будто живет и движется с чудовищной, поистине ураганной скоростью, даже если в реальности просто неподвижно лежит на диване. Он погружается в стремительный поток сенсорных ощущений и за несколько минут «проживает» сразу несколько лет. Но физическое воздействие этой иллюзии весьма неприятно: исто-

щение организма и старение тканей – те самые несколько минут и правда старят на несколько лет. Существуют и другие средства, сравнительно малоизученные, чьи свойства, хоть в это и трудно поверить, даже любопытнее свойств мнофки. Вы, вероятно, не слышали о плутониуме?

– Нет, не слышал, – ответил Бэлкот. – Расскажите.

– Я могу даже показать, хотя смотреть там особо не на что – просто мелкий белый порошок.

Мэннерс поднялся с кресла с пневматическими подушками и подошел к большому шкафу из синтетического черного дерева, где стояли пузырьки, пробирки и коробочки разнообразных форм и размеров. Доктор вытащил оттуда и протянул Бэлкоту крошечную квадратную бутылочку, на две трети заполненную каким-то порошком, похожим на крахмал.

– Плутониум, – объяснил он, – как можно догадаться по названию, происходит с ледяного Плутона, этого одинокого космического отшельника, куда пока успела высадиться только одна земная экспедиция: ее возглавляли братья Джон и Августин Корнеллы, стартовали они в девяностом, а домой возвратились лишь в девяносто шестом, когда уже почти все потеряли надежду снова их увидеть. Возможно, вы слышали, что по пути назад погибла половина экипажа, в том числе и Джон Корнелл, а выжившие добрались до Земли на последнем кислородном баке... В этом пузырьке содержится где-то десятая часть всего плутониума, который сейчас есть на нашей планете. Три года назад Августин Корнелл, мой одноклассник и старинный друг, отдал его мне как раз перед тем, как отправиться к альфе Центавра с экспедицией Аллана Фаркуара. Мне очень повезло заполучить такую редкость. Геологи из экспедиции Корнеллов обнаружили это вещество, когда пытались выяснить, что находится под поверхностью этой мрачной, озаренной светом далеких звезд планеты, и в попытке исследовать ее историю и химический состав пробрили слой затвердевших газов. В тех обстоятельствах они мало что могли – времени было в обрез, оборудования не хватало, – но некоторые весьма любопытные открытия им все же удалось совершить, и плутониум среди них отнюдь не последнее. Как и селенин, этот порошок – останки ископаемого растения. Его возраст, несомненно, насчитывает многие миллиарды лет – в те незапамятные времена Плутон еще излучал достаточно тепла и на его темной поверхности могла произрастать какая-то рудиментарная флора. Тогда там, по всей видимости, имелаась и атмосфера, хоть экспедиция Корнеллов и не обнаружила никаких следов животной жизни. Помимо углерода, водорода, азота и кислорода в плутониуме в мизерных дозах содержатся и другие, до сих пор не распознанные элементы. Изначально он существовал в кристаллической форме, но под воздействием воздуха на борту ракеты тут же рассыпался мелким порошком. Плутониум прекрасно растворяется в воде и образует устойчивый коллоид, который даже по прошествии длительного времени не дает осадка.

– Вы сказали, это наркотик? – уточнил Бэлкот. – Как же он действует?

– Сейчас расскажу, хотя этот эффект достаточно трудно описать. Свойства плутониума обнаружились по чистой случайности: на обратном пути к Земле один из участников экспедиции, пребывая в полубреду из-за космической лихорадки, по ошибке взял пузырек без этикетки, полагая, что там бромид или калий, и принял небольшую дозу. Горячечные видения стали еще занимательнее, поскольку под действием порошка ему открылись доселе совершенно не известные концепции пространства и времени. С тех пор с плутониумом экспериментировали еще несколько исследователей. Эффект длится недолго – дольше получаса не бывало – и варьируется в зависимости от подопытного. И никаких последующих осложнений – ни ментальных, ни физических, ни неврологических; во всяком случае, обнаружить их пока никому не удалось. Я и сам пару раз принимал плутониум и могу подтвердить. Как именно он воздействует на человека, я не совсем понимаю. Может, просто вызывает некое расстройство, трансформацию чувств, как, например, тот же гашиш; а может, стимулирует какой-то рудиментарный орган, некий пока не задействованный участок в человеческом мозгу. Как бы то ни было, получается вот что: меняется восприятие времени – длительность воспринимаешь как

пространство. Подопытный видит прошлое и будущее и себя в нем, и все это представляется в виде некоего места, простирающегося в двух направлениях. Конечно, далеко заглянуть не удастся – видны лишь несколько прошедших и предстоящих часов, – но переживание весьма любопытное, помогает по-новому взглянуть на загадку времени и пространства. Совершенно не похоже мнофку.

– Интересно, – признал Бэлкот. – Однако сам я никогда особенно не экспериментировал с наркотическими веществами; бывало, в годы романтической юности раз или два пробовал индийскую коноплю. Видимо, начитался Готье и Бодлера. Но результат меня разочаровал.

– Полагаю вы ее принимали недолго, и ваш организм не успел впитать достаточно вещества, – предположил Мэннерс. – А потому никаких особенных видений у вас не было – слишком мала доза. С плутонием все иначе: максимальный эффект после самого первого раза. Бэлкот, мне кажется, вам это будет очень интересно, вы же скульптор: вы увидите необыкновенные формы, которые сложно описать в терминах евклидовой геометрии. Я с удовольствием дам вам немножечко порошка прямо сейчас, если вы готовы поэкспериментировать.

– Не слишком ли щедро с вашей стороны? Это ведь такая редкая субстанция?

– Дело вовсе не в щедрости. Вот уже много лет я собираюсь написать книгу об инопланетных алкалоидах, а вы, возможно, предоставите мне бесценные сведения. У вас мозг художника и развитое чувство прекрасного – ваши плутониумные видения наверняка будут удивительными и необычайно четкими. Только потом опишите мне все как можно подробнее.

– Ну хорошо, – согласился Бэлкот. – Все надо когда-нибудь попробовать.

Своим рассказом о необычайном наркотическом веществе Мэннерсу удалось растравить любопытство скульптора и соблазнить его воображение.

Мэннерс принес старинный бокал для виски и налил в него золотисто-красную жидкость почти до краев. Потом вытащил пробку из бутылочки с плутонием, сыпанул щепотку в стакан, и белый порошок тут же растворился без всякого шипения и пузырьков.

– Эта жидкость – вино из марсианских сладких клубней под названием оввра, – объяснил доктор. – Вино совсем не крепкое и вполне безобидное, оно смягчит горький вкус плутониума. Выпейте побыстрее и откиньтесь в кресле.

Бэлкот медлил, разглядывая бокал.

– А вы уверены, что это ненадолго? – спросил он. – Сейчас четверть десятого, а в десять мне нужно будет уйти: у меня назначена встреча в клубе «Бельведер» с одним из моих покровителей – миллиардером Клодом Вишхейвенотом: он хочет заказать мне барельеф из псевдонифрита и неояшмы для своего загородного поместья. Ему нужна по-настоящему футуристическая новаторская работа. Сегодня мы должны обговорить все детали: тему и прочее.

– Тогда у вас в распоряжении целых сорок пять минут, – кивнул доктор, – а самое большее через тридцать ваш мозг и все ваши чувства вернутся в норму. Насколько я знаю, дольше эффект никогда не длится. Останется еще четверть часа, чтобы рассказать мне подробно о ваших ощущениях.

Бэлкот одним глотком осушил старинный бокал и откинулся на мягкие подушки пневматического кресла. Он как будто невесомо соскальзывал вниз в бесконечный туман, которым с необъяснимой скоростью заволокло комнату; и сквозь этот туман скульптор кое-как различил, что Мэннерс забрал из его разжавшихся пальцев пустой бокал. Лицо доктора парило где-то в вышине, маленькое и размытое, словно Бэлкот смотрел снизу на вершину горы: доктор двигался и существовал словно в другом мире.

Сам Бэлкот продолжал плавно падать через бесконечный туман, растворяющий все вокруг в изначальном хаотическом море. По прошествии того, что нельзя было назвать временем, туман, поначалу однородный и серый, вспыхнул текучим радужным сиянием, которое беспрестанно переливалось разными цветами, каждое мгновение сменявшимися друг друга,

а иллюзия парящего падения сменилась головокружительным вращением, будто скульптор попал во все ускоряющийся водоворот.

И, угодив в эту сияющую радужную воронку, он испытал непередаваемую трансформацию чувств. Вращающиеся цвета постепенно и неуволимо затвердевали четкими формами, словно Бэлкот наблюдал акт творения из первозданного хаоса, и формы эти заняли свое место на таком же первозданном горизонте. Ощущение полета по спирали сменилось полной неподвижностью. Больше скульптор не чувствовал себя живым организмом: он превратился в абстрактное око, бестелесный центр визуального восприятия, зависший в пустоте, но тем не менее каким-то образом тесно связанный с застывшей перспективой, что разворачивалась перед неописуемой точкой обзора.

Не испытав ни малейшего удивления, Бэлкот обнаружил, что смотрит разом в двух направлениях. И в одну, и в другую сторону на довольно большое расстояние, полностью лишенное обычной перспективы, простирался необычайный пейзаж, который пересекала прямая, сплошная, украшенная фризом или барельефом стена, состоящая из человеческих фигур.

Поначалу Бэлкот не мог различить, что именно там изображено, и видел лишь гладкие, перетекающие друг в друга очертания на фоне повторяющихся пятен, сложных углов и фрагментов других человеческих фигур, которые приближались или удалялись, иногда очень резко, откуда-то снаружи. А потом зрение сфокусировалось, и он все понял.

Этот самый барельеф целиком состоял из повторяющихся фигур его самого: они накладывались друг на друга, будто волны в потоке, и, как поток, барельеф был целостным и единым. Непосредственно перед ним и на некотором расстоянии в обе стороны его собственная фигура сидела в кресле, которое точно так же волнообразно повторялось. Фон составляли фигуры доктора Мэннерса в другом кресле и многочисленные изображения медицинского шкафа и стенных панелей.

Проследив барельеф – за неимением лучшего термина назовем это «по левую руку», – Бэлкот увидел самого себя: вот он пьет жидкость из старинного бокала, а Мэннерс стоит рядом. Чуть подальше – более ранний момент: на заднем фоне Мэннерс подает ему бокал, сыплет в вино плутониум, подходит к шкафу за пузырьком, поднимается с пневматического кресла. Все события, все позы, которые принимали доктор и сам Бэлкот во время разговора, были отражены в обратном порядке, будто перед ним предстал ряд каменных скульптур, убегающий вдаль в этом диком и неизменном пейзаже. Фигуры самого Бэлкота шли непрерывно, а вот Мэннерс время от времени исчезал, будто скрываясь в четвертом измерении. Как позже припомнил скульптор, в такие моменты доктор, видимо, покидал его поле зрения. Восприятие оставалось чисто визуальным: Бэлкот видел, как меняется у фигур – и его собственной, и доктора Мэннерса – положение губ, но не слышал ни единого звука.

Вероятно, самым необыкновенным в этом зрелище было полное отсутствие ракурса и перспективы. Со своего неподвижного наблюдательного пункта Бэлкот как будто разом охватывал взглядом абсолютно всё, но странный пейзаж и пересекающий его барельеф не уменьшались с расстоянием, а оставались четко различимым первым планом даже через много, так сказать, миль.

Дальше влево на стене скульптор увидел, как заходит в номер Мэннерса, а потом стоит в лифте, который едет на девятый этаж стоэтажного отеля, где жил доктор. Затем на фоне появилась улица, где мельтешили, сменяясь, лица и формы: люди, машины, куски зданий, перетасованные между собой, будто на старинной футуристической картине. Какие-то детали были видны четко, какие-то оставались размытыми и непонятными, едва узнаваемыми. Каково бы ни было их положение в пространстве и взаимосвязь, в этом текущем, но неподвижном временном потоке все перемешалось.

Бэлкот проследил весь свой путь через три квартала от отеля Мэннерса до собственной студии; все его действия, независимо от их расположения в трехмерном пространстве, запечат-

лелись в виде одной прямой временной линии. И вот он уже в мастерской, где его собственные фигуры жутковатым образом терялись на фоне таких же барельефов с другими неподвижными фигурами – настоящими статуями. Бэлкот увидел, как наносит резцом последние штрихи, завершает символическую скульптуру в красных закатных отблесках, падающих через невидимое окно и расцвечивающих бледный мрамор. Постепенно сияние меркло, а лицо каменной женщины, которую он окрестил «Небытием», делалось все грубее и необработаннее. В конце концов барельеф, где фигура Бэлкота терялась среди едва видимых статуй, стал неразличимым и медленно растворился в хаотическом тумане. Бэлкот проследил свою жизнь в виде непрерывного застывшего потока – все плюс-минус пять часов ближайшего прошлого.

Он обратился вправо и увидел будущее. Сначала свою повторяющуюся фигуру в кресле, когда сам он пребывал под воздействием наркотика, а напротив – такую же неподвижную фигуру стоящего доктора Мэннерса, повторяющийся шкаф и стенную панель. После довольно продолжительного участка он увидел, как встает с кресла. Какое-то время он стоял и, по всей видимости, разговаривал (это было похоже на старинное немое кино), а доктор слушал. Вот он, Бэлкот, пожимает руку Мэннерсу, выходит из квартиры, спускается в лифте, шагает по ярко освещенной улице в клуб «Бельведер», где у него назначена встреча с Клодом Вишхейвенем.

Клуб располагался на другой улице всего в трех кварталах, и путь можно было удачно срезать после первого же квартала по узенькому переулочку между конторским зданием и складом. Именно по нему Бэлкот и собирался пойти, и в видении он увидел на барельефе, как его фигура перемещается по мостовой на фоне пустых дверных проемов и темных высоких стен, закрывающих ночное звездное небо.

Вокруг никого – ни одного прохожего, – лишь беззвучные, сияющие, бесконечно повторяющиеся углы стен с проемами и окнами в свете дуговых ламп, снова и снова, и его фигура. Бэлкот видел, как идет по переулку, и совокупность его образов напоминала застывший поток в глубоком ущелье; но вдруг странное видение неожиданно и необъяснимо закончилось, но не растворилось постепенно в бесформенном тумане, как это случилось с прошлым.

Барельеф на фоне застывшего переулочка просто оборвался, ровно и чисто, а дальше – необозримая черная пустота. Последняя волна повторяющихся фигур, смутный дверной проем, мерцающая мостовая – все это словно обрубили мечом, чернота вертикально отсекала стену, и дальше было... ничто.

В полном отстранении от самого себя, в отчужденности от временного потока и пространственных берегов, Бэлкот словно очутился в некоем абстрактном измерении. Это всеобъемлющее ощущение длилось, вероятно, только миг... или целую вечность. Без любопытства, без интереса, не рефлексировав, словно бесстрастное око из четвертого измерения, он смотрел и видел сразу оба неравнозначных отрезка собственного прошлого и будущего.

Когда этот бесконечный период абсолютного восприятия завершился, все обратилось вспять. Бэлкот – всевидящее око, отчужденно зависшее в сверхпространстве, – вдруг почувствовал движение, будто тонкая ниточка гравитации дернула его назад, в подземные владения времени и пространства, откуда он на мгновение воспарил. Скульптор пролетел вправо вдоль барельефа с фигурой самого себя, сидящего в кресле, смутно ощущая какой-то ритмичный стук или пульсацию, в такт которым повторялись его изображения. С чудесной четкостью он вдруг расслышал, что это биение его собственного сердца.

Все ускорилося, окаменевшие фигуры и пространство растворились, закрутившись вихрем многообразных цветов, и этот вихрь втянул его наверх. И Бэлкот пришел в себя: он сидел в пневматическом кресле напротив доктора Мэннерса. После недавних загадочных трансформаций комнату как будто немножечко штормило, а где-то на краю поля зрения крутились радужные паутинки. В остальном же действие наркотика закончилось, но скульптор очень ясно и ярко помнил свой почти неопишуемый опыт.

Доктор Мэннерс тут же приступил к расспросам, и Бэлкот описал все свои видения так четко и с такой художественной точностью, как только мог.

– Кое-чего я не понимаю, – сказал в конце концов Мэннерс, озадаченно хмурясь. – Судя по вашим словам, вы наблюдали свое прошлое часов на пять или шесть назад, и оно предстало в виде прямой пространственной линии, вполне непрерывной, а вот будущее закончилось внезапно после трех четвертей часа или даже меньше. Ни разу еще наркотик не срабатывал таким образом: у всех, кто его принимал, будущее и прошлое всегда простирались на более-менее равные расстояния.

– Да это вообще чудо, что я смог заглянуть в будущее, – заметил Бэлкот. – Я еще могу понять, откуда взялось видение прошлого. Оно явно было составлено из моих физических воспоминаний: там были все мои движения, а фоном служило то, что я воспринимал в тот или иной момент зрительными нервами. Но как можно увидеть события, которые еще не случились?

– Да, тут кроется большая загадка, – согласился Мэннерс. – Мне на ум приходит лишь одно-единственное объяснение, хоть как-то укладывающееся в рамки нашего ограниченного мировосприятия. А именно: все события, составляющие временной поток, уже произошли, происходят сейчас и будут происходить вечно. В обычном состоянии мы воспринимаем физическими органами чувств только тот миг, который называем настоящим. Под воздействием плутониума вы расширили этот миг в обоих направлениях и одновременно восприняли то, что обычно человек воспринять не в состоянии. И потому ваше изображение растянулось в пространстве в виде неподвижной череды образов.

Бэлкот, который слушал доктора уже стоя, поспешил раскланяться:

– Мне пора, или я опоздаю на встречу.

– Не буду вас дольше задерживать, – попрощался доктор, но затем после небольшой заминки добавил: – Я все равно не понимаю, почему ваше будущее так внезапно и резко оборвалось. Тот переулок, где это случилось, Фолмен-элли, – кратчайший путь отсюда в клуб «Бельведер». На вашем месте, Бэлкот, я бы пошел другой дорогой, даже если это займет на несколько минут дольше.

– Какое зловещее напутствие, – рассмеялся Бэлкот. – Полагаете, что в Фолмен-элли со мной может что-нибудь эдакое приключиться?

– Надеюсь, что нет... Но точно ничего сказать не могу. – Голос Мэннерса прозвучал на редкость сухо и сурово. – Лучше последуйте моему совету.

Выходя из отеля, Бэлкот почувствовал, как его на миг накрыло тенью – предчувствием, будто мимо неслышно порхнула ночная птица. Что же это значило – эта непроницаемая чернота, в которую неподвижным водопадом низвергался странный барельеф с его будущим? Грозил ли ему опасность в том конкретном месте в тот конкретный момент?

Шагая по улице, скульптор испытывал странное чувство, как будто все повторяется, как будто он раньше вот так вот уже ходил. Подойдя к повороту в Фолмен-элли, он взглянул на часы. Если сейчас свернуть и прибавить шагу, он успеет в «Бельведер» вовремя. А если пройти прямо еще один квартал, немного опоздает. Бэлкот знал, что Клод Вишхейвен отличался почти болезненной пунктуальностью и в том, что касалось его самого, и в отношении других людей. И потому свернул в переулок.

Как и в его видении, вокруг не было ни души. Где-то на середине переулочка Бэлкот поравнялся со смутно различимым в полумраке дверным проемом – то был вход в большой склад, и как раз здесь заканчивался барельеф его будущего. Дверной проем и стал последним, что увидел скульптор, поскольку именно в этот момент сзади ему на голову обрушилось что-то тяжелое, Бэлкот потерял сознание, и, как он и предвидел, нахлынула чернота. Ему беззвучно нанес ловкий удар обыкновенный грабитель двадцать первого века. Удар оказался смертельным, и время для Бэлкота закончилось.

Труп сверх плана

Нет, меня сводят с ума вовсе не угрызения совести, и вовсе не они стали причиной тому, что я решился обо всем рассказать откровенно в надежде найти хотя бы временное успокоение. Я нисколько не сожалею о преступлении, которое совершил во имя справедливости. Но при этом мне довелось столкнуться с ужасной, недоступной человеческому разумению тайной, и именно она привела меня на грань безумия.

Мои мотивы для убийства Джаспера Трилта не представляли собой ничего экстраординарного, несмотря на всю их настоятельность. За двенадцать лет нашего знакомства он причинил мне достаточно зла, чтобы вдвойне заслужить смерть. Он отнял у меня с мучительным трудом собранные плоды долгих лет тяжкого труда, посредством лживых обещаний похитил химические формулы, которые могли бы сделать меня богатым. По глупости я поверил ему, решив, что он поделится со мной прибылями от моих драгоценных знаний, которые принесли ему богатство и славу. Будучи бедным и никому не известным, я уже ничего не мог исправить.

Порой я удивляюсь тому, как долго терпел Трилта. Быть может, мысль о возможной мести побуждала меня закрывать глаза на его предательства, утаивать его низость. Я продолжал пользоваться лабораторией, которую он для меня оборудовал, я принимал жалкие гроши, которые он платил мне за труды. Я делал новые открытия – и позволял ему обманом узурпировать их плоды.

А ведь еще была Норма Грешэм, которую я всегда любил, нерешительно и бессловесно, и, похоже, я тоже ей нравился до того, как Трилт начал ухаживать за ней в своей лихой и оболстительной манере. Я притворялся, будто мне все равно, но забыть не мог... Как видите, мои обиды мало отличались от тех, что подталкивали к мести многих других; ничего необычного не было в них, как и в прочих сопутствовавших обстоятельствах, и самая их банальность чудовищно оттеняет аномальный и необъяснимый результат.

Не помню, когда мне впервые пришла в голову идея убить того, кто меня предал. Она столько лет меня преследовала, что порой мне кажется, будто я лелеял ее с незапамятных времен. Но окончательный план убийства, отточенный до идеального совершенства, полностью созрел не так давно.

Многие годы, помимо своей обычной работы, я экспериментировал с ядами. Я исследовал труднодоступные тайны и малоизученные области токсикологии, изучал все, что могла сообщить мне на эту тему химия, и не только она. Об этом направлении моих исследований Трилт не имел ни малейшего понятия, и в мои намерения вовсе не входило, чтобы он извлек прибыль из моих разработок. На самом деле насчет него я строил совершенно иные планы.

С самого начала я поставил себе задачу создать вещество с определенными свойствами, какими не обладал ни один известный науке яд. После многих проб и ошибок мне наконец удалось найти формулу смеси редких отравляющих веществ, которая производила желаемое действие на человеческий организм.

Для моей собственной безопасности требовалось, чтобы яд не оставлял следов и имитировал симптомы какой-нибудь хорошо известной болезни, исключая малейшие подозрения со стороны медиков. Кроме того, смерть жертвы не должна быть слишком быстрой и безболезненной. Я разработал смесь, которая при приеме внутрь полностью поглощалась нервной системой в течение часа, после чего ее невозможно было обнаружить никакими анализами. Она вызывала мгновенный паралич, сопровождавшийся всеми симптомами внезапного и смертельного апоплексического удара. Тем не менее отравленный, хоть и выглядел совершенно бесчувственным, оставался в сознании и умирал, лишь когда яд всасывался окончательно. Не в силах говорить или двигаться, человек мог видеть, слышать, понимать – и страдать.

Даже когда я довел это вещество до совершенства, полностью удовлетворившись его действенностью, я откладывал приведение приговора в исполнение. Не из страха, не от угрызений совести – нет, я желал продлить сладостное предвкушение, чувство власти при мысли о том, что в любой момент, когда мне захочется, я могу обречь того, кто меня предал, на смерть.

Лишь по прошествии многих месяцев – меньше двух недель назад – я решил больше не оттягивать свою месть. Я тщательно все спланировал и продумал, не оставив лазейки для случайности или неудачи. Никакая, даже самая тонкая ниточка не приведет полицию ко мне.

Чтобы разжечь алчность Трилта и гарантированно его заинтересовать, я отправился к нему и намекнул, что стою на пороге великого открытия, суть которого не уточнил, пообещав, что обо всем расскажу в надлежащее время, когда успех будет достигнут. Я не приглашал его посетить лабораторию. Я лишь хитрыми косвенными намеками возбуждал его любопытство; я знал, что он обязательно придет. Возможно, я слишком осторожничал, но ни у кого не должно было возникнуть даже мысли, что я заранее спланировал визит, который закончится для Трилта апоплексическим приступом и смертью. Вероятно, я бы нашел способ дать ему яд в его собственном доме, где я до сих пор был частым гостем. Но мне хотелось, чтоб он умер в моем присутствии, в лаборатории, где прошли долгие годы тяжких трудов, плодов которых он меня обманом лишил...

Некое предчувствие подсказало мне, в какой именно вечер он явится, жажда выведать мою новую тайну. Я смешал ядовитый раствор, подкрасив его гранатовым сиропом, и налил в химический стакан, который поставил наготове среди колб и пробирок, а затем принялся ждать.

Лаборатория – старый обветшавший особняк, переоборудованный Трилтом, – находилась на поросшей лесом окраине города, недалеко от роскошного дома моего работодателя. Трилт был гурманом, и я знал, что он придет не раньше, чем поужинает, то есть часам к девяти. Похоже, ему прямо не терпелось спереть мою якобы новую формулу, поскольку уже в половине девятого послышался тяжелый, наглый стук в дверь задней комнаты, где я ждал Трилта среди химической аппаратуры.

Грубый и ненавистный, он вошел в лабораторию. На его пухлых щеках играл сытый румянец. Явился он при лазурном галстуке и в тщательно подогнанном, плотно облегающем костюме цвета перца с солью, который лишь подчеркивал его до отвращения тучную фигуру.

– Ну, что там у тебя, Маргрейв? – спросил он. – Ты закончил свои эксперименты, на которые столь таинственно намекал? Надеюсь, на сей раз ты действительно заслужил свое жалованье.

– Я совершил невероятное открытие, – ответил я. – Настоящий эликсир алхимиков – источник вечной жизни и энергии.

Застигнутый врасплох, он бросил на меня недоверчивый взгляд.

– Лжешь, – сказал он, – или сам себя обманываешь. Всем известно еще со времен Темных веков, что с научной точки зрения подобное невозможно.

– Может, кто-то и лжет, – язвительно бросил я в ответ, – но мы еще посмотрим, лгу ли я. Вот этот мерный стакан на столе наполнен тем самым эликсиром.

Трилт уставился на указанный мною сосуд.

– Похоже на гренадин, – довольно проницательно заметил он.

– Да, сходство есть, даже цвет такой же, – кивнул я. – Но это снадобье означает бессмертие для любого, кто осмелится его выпить, а также неистощимое наслаждение и свободу от всяческой пресыщенности и усталости. Вечная жизнь и радость.

Он жадно слушал меня.

– Ты сам пробовал?

– Да, я с ним экспериментировал, – ответил я.

Он бросил на меня презрительный взгляд:

– То-то я смотрю, ты сегодня такой живчик – совсем на себя не похож: обычно ты нытик и постоянно куksiшься. Во всяком случае, снадобье тебя не прикончило. Пожалуй, я тоже попробую. Это может стать хорошим коммерческим предложением, если хотя бы десятая доля того, о чем ты говоришь, – правда. Назовем его «Эликсир Трилта».

– Да, – медленно повторил я. – «Эликсир Трилта».

Он взял стакан и поднес к губам.

– Гарантируешь результат? – спросил он.

– Результат будет таким, какого только можно пожелать, – пообещал я, глядя ему в глаза и улыбаясь с иронией, которой ему было не дано постичь.

Он одним глотком осушил стакан. Яд подействовал мгновенно, в точности как я и рассчитывал. Трилт пошатнулся, словно от внезапного сокрушительного удара; пустой сосуд выпал из его пальцев и разбился вдребезги; ноги у Трилта подогнулись, он свалился на пол между заставленными химической посудой лабораторными столами и застыл. Лицо его побагровело и исказилось, дыхание стало хриплым и тяжелым, как при болезни, симптомы которой я решил симулировать. Глаза его широко раскрылись – ужасающе распахнулись, – но веки даже не вздрагивали.

Ликуя в душе, я хладнокровно собрал осколки разбитого стакана и бросил их в маленькую нагревательную печь у стены. Затем, вернувшись к упавшему, беспомощному Трилту, я позволил себе роскошь позлорадствовать над невыразимым ужасом, читавшимся в его парализованном взгляде. Зная, что он все слышит и понимает, я рассказал ему, что я с ним сделал, и перечислил все не забытые мною обиды, которые, полагал он, я сносил столь безвольно.

Затем, желая добавить ему мучений, я подчеркнул, что яд невозможно обнаружить, и поиздевался над его глупостью, заставившей выпить мнимый эликсир. Незаметно прошел час – время, что я отвел на полное всасывание яда и смерть жертвы. Дыхание Трилта замедлялось, слабело, неровный пульс почти не прощупывался, и наконец он умер. Однако в его навсегда открытых глазах по-прежнему читался темный, застывший, безымянный ужас.

Переходя к следующему этапу тщательно разработанного плана, я направился к телефону. Я намеревался сделать два звонка: сообщить Норме, жене Трилта, что тот явился ко мне и с ним внезапно приключился смертельный приступ, и вызвать врача.

Неведомо почему, я сперва позвонил Норме, а разговор наш до того ошеломил меня и сбил с толку, что до второго звонка дело так и не дошло.

Как я и ожидал, к телефону подошла сама Норма. Не успел я вкратце известить ее о смерти Трилта, в трубке послышался ее взволнованный дрожащий голос:

– Я как раз собиралась тебе звонить, Фелтон. Джаспер умер несколько минут назад от апоплексического удара. Это все так ужасно, я просто не в себе! Он вошел в дом примерно час назад и молча свалился у моих ног... Он собирался навестить тебя, но вряд ли вернулся бы так быстро. Приходи немедленно, Фелтон!

Слова ее повергли меня в непередаваемое изумление. Кажется, я даже стал слегка заикаться.

– Ты уверена... точно уверена, что это Джаспер?

– Конечно, в это трудно поверить. Но он лежит здесь, на диване в библиотеке. Когда с ним случился удар, я вызвала доктора, и он все еще здесь. Однако помочь уже ничем нельзя.

Теперь я не мог сообщить ей, что Трилт пришел ко мне в лабораторию и его труп сейчас лежит рядом со мной в задней комнате. Не доверяя собственным чувствам, не доверяя даже мозгу, я повесил трубку. Либо я, либо Норма стали жертвой некоего странного и необъяснимого наваждения.

Отчасти ожидая, что жирный труп на полу исчез, подобно призраку, я отвел взгляд от телефона и тут же увидел его: он лежал на спине, тяжелый и неподвижный, с коченеющими конечностями и застывшими чертами лица. Подойдя, я наклонился над трупом и грубо ткнул

пальцами в обрюзгшую плоть, желая убедиться, что все это происходит на самом деле, что визит Трилта и прием яда не были просто галлюцинацией. Передо мной действительно лежал Трилт – его жирная туша, изнеженное лицо и губы невозможно было ни с чем спутать, даже несмотря на тронувший их смертный холод. Труп, до которого я дотрагивался, был очень плотным и вполне реальным.

Должно быть, Норма сошла с ума, или грезила наяву, или совершила некую невероятную ошибку. Надо немедленно пойти в дом Трилта и узнать, каково истинное положение дел. Объясниться сам я прекрасно смогу и после.

Вряд ли кто-то мог зайти в лабораторию в мое отсутствие. Меня там вообще редко навещали. Еще раз бросив взгляд на тело и убедившись в его материальности, я вышел в безлунный вечер и направился к особняку моего работодателя.

У меня почти не осталось отчетливых воспоминаний о короткой прогулке среди деревьев и кустов, а затем по плохо освещенным улицам с редкими домами. Мысли мои, как и мир вокруг, сплетались в какой-то загадочный, сомнительный и ирреальный лабиринт, что вел в глубины ночи.

Куда я и погрузился до самого дна, добравшись до дома Трилта. Норма встретила меня на пороге, бледная и ошеломленная, но не то чтобы убитая горем, – думаю, Трилта она давно уже не любила.

– Все случилось так внезапно, – сразу же заговорила она. – За ужином он прекрасно себя чувствовал, ел, как всегда, с аппетитом. Потом вышел, сказав, что прогуляется до лаборатории и заглянет к тебе. Должно быть, ему стало плохо и он вернулся с полпути. Я даже не слышала, как он вошел. Не понимаю, как он проник в дом так тихо. Я сидела в библиотеке и читала, потом случайно подняла взгляд и увидела, как он пересекает комнату и падает без чувств у моих ног. После он больше не шевелился и не произнес ни слова.

Я не нашелся, что ответить, пока она вела меня в библиотеку. Не знаю, что я ожидал там обнаружить, но наверняка ни одному человеку в здравом рассудке, ни одному современному ученому не могло даже пригрезиться то, что я увидел, – окоченевшее тело Джаспера Трилта на диване, бездвижное и безжизненное: по всем внешним признакам – тот же самый труп, который я оставил в лаборатории!

Доктор, семейный врач Трилта, которого вызвала Норма, уже собирался уходить. Меня он оделил коротким кивком и поверхностным, безразличным взглядом.

– Ничего не поделаешь, – сказал он. – Все кончено.

– Но... этого не может быть, – промямлил я. – Это действительно Джаспер Трилт? Нет ли тут какой-то ошибки?

Доктор, похоже, не услышал моего вопроса. Голова у меня шла кругом; не веря себе и всему происходящему, я подошел к дивану, внимательно осмотрел тело и несколько раз потрогал, чтобы удостовериться в его вещественности. Одутловато-багровое лицо, широко раскрытые, остекленевшие, полные ледяного ужаса глаза, крапчатый костюм, лазурный галстук – в точности то же самое, что я видел и осязал несколько минут назад в другом месте. Я больше не мог сомневаться в материальности второго трупа и не мог отрицать, что передо мной именно Джаспер Трилт. Его личность была подтверждена – и в этом подтверждении коренилось бесконечно чудовищное сомнение...

С тех пор прошла неделя – неделя нескончаемого кошмара и всепоглощающего ужаса.

Вернувшись в лабораторию, я нашел труп Джаспера Трилта на полу, там же, где он упал. Я лихорадочно подверг его всевозможным тестам: он был плотным, липким, массивным и материальным, как и тот, другой. Я затащил его в пыльную кладовку, куда редко кто заглядывал, накрыл мешковиной и оставил среди опутанных паутиной коробок, ящиков и бутылок.

По более чем очевидным причинам рассказать о нем я никому не осмелился. Никто, кроме меня, его не видел, и никто, даже Норма, не подозревает о невероятной правде...

Позднее я побывал на похоронах Трилта. Я видел его в гробу; я был одним из тех, кто нес гроб и опускал его в могилу. Могу поклясться, что в ней действительно покоится его тело. Ни гробовщики, ни прочие скорбящие не выдали ни тени сомнения относительно личности и реальности покойника. Но после, вернувшись домой, я поднял мешковину в кладовке и обнаружил, что лежащий под ней – труп или дух, двойник или фантом, не ведаю кто, – никуда не делся и нисколько не изменился.

Охваченный внезапным безумием, я какое-то время не отдавал себе отчета в том, что делаю. Немного придя в себя, я вылил в большую ванну несколько галлонов едких кислот, а затем поместил туда то, что когда-то было Джаспером Трилтом или в точности на него походило. Но кислота никак не подействовала ни на одежду, ни на тело. С тех пор оно так и не проявило признаков естественного разложения – необъяснимым образом оно вечно остается неизменным. Очень скоро, однажды ночью, я закопаю его в лесу за лабораторией, и земля примет Трилта во второй раз, после чего я буду вдвойне уверен, что мое преступление никто не раскроет – если я действительно совершил преступление, а не увидел его в грезах, оказавшись жертвой какого-то галлюцинаторного мозгового расстройства.

Я не в силах объяснить, что произошло, и не верю, что законы разумной вселенной такое допускают. Но доказано ли, что вселенная разумна и подчиняется рациональным законам?

Возможно, в самой химии таится невообразимое безумие, творя вещества, действие которых противоречит любой материальной логике. Яд, который я дал Трилту, – неизвестная величина; он наверняка обладал, помимо смертоносности, другими неизвестными свойствами, и я не могу уверенно сказать, как воздействует он на атомы человеческого тела – и атомы души. Воистину, я ни в чем теперь не уверен, за исключением того, что и я сам, подобно законам материи, должен вскоре, в самом ближайшем времени, окончательно сойти с ума.

Колосс из Илурни

1. Побег некроманта

Трижды бесчестный Натэр, алхимик, астролог и некромант, со своими десятью проклятыми учениками совершенно внезапно и под завесой строгой секретности покинул Вион. Все его соседи полагали, что столь поспешное бегство было продиктовано здоровым чувством самосохранения: вряд ли колдуна прельщала перспектива примерить испанский сапог или взойти на костер. Его собратья по ремеслу, пользовавшиеся куда менее дурной славой, уже были сожжены заживо в прошлом году, когда инквизиция начала вдруг проявлять необычайное рвение, а то, что немилость Святой церкви Натэр навлек на себя давным-давно, было отлично всем известно. Поэтому относительно причин его исчезновения сомневались немногие, а вот о способе бегства, равно как и о теперешнем местонахождении колдуна и его учеников, оставалось только гадать.

По округе циркулировали тысячи мрачных суеверных слухов, а прохожие крестились, приближаясь к высокому мрачному дому, который Натэр построил в святотатственной близости к главному собору и обставил с поистине дьявольской роскошью и эксцентричностью. Два дерзких вора, которые проникли в особняк колдуна после того, как стало очевидно, что жилище опустело, рассказывали, что большую часть мебели, а также книги и прочее имущество Натэр, по всей видимости, взял с собой. Это лишь усугубило зловещую таинственность происходящего, ибо совершенно невероятным казалось, чтобы Натэр и десяток его учеников с несколькими возами домашней утвари могли законным образом незамеченными просочиться сквозь тщательно охраняемые городские ворота.

Самые добропорядочные и благочестивые обыватели утверждали, будто сам Сатана с сонмом крылатых приспешников унес их прочь из города в безлунную полночь. Некоторые священники и почтенные бюргеры заявляли, что видели в небе черные тени, похожие на человеческие, вместе с такими, которые совершенно точно были не людьми, а также слышали завывания адской шайки, когда она зловещей тучей пролетала над крышами домов и городскими стенами.

Другие полагали, что колдуны перенеслись из Виона посредством дьявольских чар, удалившись в неведомые безлюдные дали, где Натэр, чье здоровье давно уже оставляло желать лучшего, мог бы надеяться умереть мирно и спокойно, насколько может на это рассчитывать человек, находящийся между пламенем аутодафе и огненной геенной. Говорили, что не так давно он впервые за свои пятьдесят с лишним лет составил собственный гороскоп и увидел в нем зловещее сочетание роковых планет, сулящее раннюю смерть.

Третьи же, в числе которых были соперничающие с ним астрологи и маги, были убеждены, что Натэр исчез из виду лишь для того, чтобы иметь возможность беспрепятственно вступать во взаимовыгодные сношения с разнообразными демонами и без помех плести черную паутину могущественных злых чар. Чары эти, туманно намекали они, в назначенный час падут на Вион, а не исключено, что и на всю Аверуань, и, несомненно, примут форму ужасающего мора или нашествия на всю страну суккубов и инкубов.

В бурлящей лавине диких слухов вновь всплывали полузабытые истории и буквально за день рождались новые легенды. Появление Натэра на свет и его подозрительные странствия до того, как шесть лет тому назад он поселился в Вионе, обросли многочисленными домыслами. Поговаривали, что он сын дьявольских сил, как и знаменитый Мерлин; отцом его называли ни много ни мало Аластора, духа мщения, а матерью – уродливую карлицу-колдунью. От первого он унаследовал злобный и мстительный нрав, от последней – приземистую шуплую фигуру.

Он путешествовал по восточным землям, где научился у сарацинов и египтян нечестивому искусству некромантии, в котором ему не было равных. Люди боязливо перешептывались о том, что Натэр использовал тела давно умерших людей и кости, на которых не оставалось ни клочка плоти, в своих гнусных целях и что он выжимал из своих мертвецов все силы, заставляя их служить себе, что было дозволено одному лишь ангелу смерти. Натэра в городе никогда не любили, хотя многие приходили к нему за советом и помощью в разного рода сомнительных делах. Однажды, на третьем году жизни в Вионе, его публично забросали камнями за то, что он, по слухам, занимался некромантией, и метко пущенный чьей-то рукой булыжник навеки сделал его хромым. Это увечье, полагали в городе, он так и не простил, и на враждебность духовенства отвечал дьявольской ненавистью Антихриста.

Помимо порчи и сглаза, в которых его обычно подозревали, он давно считался растлителем юношей. Несмотря на маленький рост, хромоту и уродливую внешность, он обладал исключительной властью над умами, поистине гипнотическим даром убеждения, и учениками его, которых он, как говорили, завлекал в бездонную пучину омерзительных пороков, были молодые люди, подававшие блестящие надежды. Словом, исчезновение его было воспринято в городе как счастливое избавление.

Среди горожан был один человек, который не принимал участия во всеобщем злословии и не прислушивался к мрачным сплетням. То был некий Гаспар дю Норд, который и сам изучал запретные науки и даже целый год ходил у Натэра в учениках, но предпочел втихомолку покинуть дом учителя, когда узнал, какие гнусности ожидают его на пути дальнейшего погружения в колдовское искусство. Однако же за этот год он успел получить немало редкостных и необычных знаний вкупе с некоторым пониманием пагубных способностей и темных, как ночь, помыслов некроманта.

В силу этих причин, узнав об отъезде Натэра, молодой человек счел за лучшее хранить молчание. Кроме того, ему не хотелось ворошить воспоминания о временах собственного ученичества. Затворившись наедине со своими книгами в скромно обставленной мансарде, он хмуро вглядывался в маленькое продолговатое зеркальце, обрамленное переплетающимися золотыми змеями, которое когда-то давно принадлежало самому Натэру.

Отнюдь не отражение его собственного привлекательного и молодого, хотя уже и слегка прорезанного ранними морщинами лица заставляло его хмуриться. Зеркало было не из тех, что отражают черты смотрящего. В глубинах его Гаспар увидел странную, зловещую сцену, участники которой были ему хорошо знакомы, однако определить место действия он не смог. Прежде чем он сумел разглядеть подробности, зеркало затуманилось, словно под воздействием алхимических паров, и больше ничего увидеть он не успел.

Это явление могло означать лишь одно: Натэр понял, что за ним наблюдают, и пустил в ход защитные чары, которые сделали вещь зеркало бесполезным. Именно осознание этого факта вкупе с открывшейся ему на мгновение зловещей картиной того, чем был занят Натэр, тревожило Гаспара и вселяло в его душу леденящий ужас – ужас, который не обрел еще четких очертаний и имени.

2. Воскрешение мертвых

Натэр с учениками исчезли из Виона на излете весны 1281 года, в темную пору междулуния. Потом новая луна народилась и выросла над цветущими лугами и покрытыми молодой зеленой листвой лесами и вновь истаяла в призрачном серебре. Мало-помалу люди заговорили о других волшебниках и новых загадках.

А потом безлунными ночами в начале лета произошло несколько исчезновений, куда более странных и необъяснимых, чем побег злобного коротышки-колдуна.

Однажды гробокопатели, ранним утром пришедшие на работу на расположенное за городскими стенами кладбище, обнаружили, что не менее полудюжины свежих могил почтенных граждан Виона разрыты, а тела их исчезли. После тщательного осмотра стало очевидно, что сделали это не грабители. Гробы, лежавшие поперек или вертикально торчавшие из ям, выглядели так, словно какая-то сверхъестественная сила разнесла их изнутри, да и сама свежая земля бугрилась, будто мертвецы, каким-то непостижимым образом воскреснув прежде срока, самостоятельно разрыли ее и *выбрались* на поверхность.

Трупы бесследно исчезли, точно ад поглотил их, и не нашлось ни одного очевидца, который хоть что-то знал бы об их судьбе. В те недобрые времена возможным виделось лишь одно объяснение всему произошедшему: в могилы проникли демоны и, вселившись в мертвые тела, заставили их подняться и выйти наружу.

К смятению и ужасу всей Аверуани, за этим странным исчезновением с обескураживающей скоростью последовало еще множество подобных. Казалось, какое-то непостижимое и необоримое заклятие легло на мертвых. На протяжении двух недель кладбища Виона и прочих городов, сел и деревушек каждую ночь лишались части своих обитателей. Из-под заколоченных медными гвоздями надгробий, из общих склепов, из неглубоких неосвященных канав, из мраморных некрополей в церквях и соборах безостановочно продолжался зловещий исход.

Но еще хуже (хотя куда уж хуже?) было то, что тела недавно умерших вскакивали прямо с похоронных дрог и катафалков и, не обращая никакого внимания на перепуганных зрителей, огромными скачками, как безумные, убегали в ночь, и больше безутешные друзья и родственники их не видели.

Во всех этих случаях пропавшие тела принадлежали молодым крепким мужчинам, которые были убиты или стали жертвой несчастного случая, а не умерли от изнурительной болезни. Некоторые были преступниками, казненными за свои гнусные деяния, другие – солдатами или стражниками, которые погибли при исполнении своих обязанностей. Немало в их числе было и рыцарей, сложивших головы на турнире или поединке, а также тех, кто стал жертвой грабителей, шайки которых наводняли в ту пору Аверуань. Были среди исчезнувших мертвецов и монахи, и торговцы, и дворяне, и фермеры, и священники, но объединяло их то, что все до одного находились в самом расцвете лет. Старые и немощные, судя по всему, демонов воскрешения не привлекали.

Наиболее суеверные видели в происходящем предзнаменование надвигающегося конца света. Сатана со своими присными пошел войной на крещеный мир и захватывал тела христианских мертвецов в адский плен. Смятение стократ усилилось, когда очевидно стало, что даже обильное кропление святой водой и самые грозные и действенные экзорцистские обряды никоим образом не в состоянии положить конец этим дьявольским набегам. Церковь признала себя бессильной справиться со странным злом, а светские власти не могли ничего сделать, чтобы привлечь к суду или наказать эти неуловимые силы.

Из-за охватившего всех страха никто даже не пытался разыскивать пропавшие трупы. Однако запоздалые путники рассказывали леденящие душу истории о встреченных ими покойниках, которые в одиночестве или группами шагали куда-то по дорогам Аверуани. Мертвецы

казались глухими, немymi и начисто лишенными всех чувств, но при этом с ужасающей скоростью и целеустремленностью двигались к какой-то далекой цели. Все они направлялись на восток, но лишь с прекращением исхода, когда исчезло несколько сотен мертвецов, зародились подозрения относительно истинного места их назначения.

Ходили слухи, что место это – развалины замка Илурнь за населенным оборотнями лесом, на гористых плато на окраинах Аверуани.

Илурнь, мрачная каменная громада, возведенная пресекшимся ныне родом жестоких воинственных баронов, наводила на местных жителей такой страх, что даже пастухи со своими стадами предпочитали обходить ее стороной. Поговаривали, будто разгневанные призраки кровожадных владельцев в неистовстве бродят по полуразрушенным залам, а хозяйничает в них теперь нежить. Никто не осмеливался селиться в тени этих прилепившихся к скалам стен, и ближайшим человеческим жильем в округе был маленький цистерцианский монастырь, расположенный более чем в миле от замка, на противоположном конце долины.

Монахи этого сурового братства практически не поддерживали сношений с миром за холмами, и желающих вступить под его высокие своды было не много. Однако в то чудовищное лето после исчезновения мертвецов странная и пугающая история просочилась в Аверуань из монастырских ворот.

На исходе весны цистерцианцы стали замечать, что на давным-давно заброшенных развалинах Илурни, которые виднелись из монастырских окон, творятся весьма странные вещи. Монахи видели огни там, где никаких огней быть не могло: зловеще-голубые и кроваво-красные, они мерцали в заросших бурьяном осыпавшихся бойницах или вспыхивали над зубчатыми стенами. По ночам вместе с огнями с развалин доносились страшные шумы, лязг, напоминавший не то грохот дьявольских молотов о наковальни, не то звон гигантских доспехов и булав, и монахи решили, что Илурнь стала местом сборища чертей. Удушливое зловоние, похожее на запах серы и горячей человеческой плоти, распространилось по долине, и даже днем, когда шум смолкал, а огни потухали, легкая голубоватая дымка оставалась висеть над зубчатыми стенами замка.

Очевидно, решили монахи, развалины заняли подземные обитатели, пробравшись туда снизу, ибо никто не видел, чтобы кто-нибудь приближался к руинам замка по пустынным склонам и скалам, открытым всем взглядам. Видя все признаки поселившегося по соседству Сатаны, они с удвоенной частотой и рвением крестились и беспрестанно бормотали «Отче наш» и «Аве Мария», ибо надеяться приходилось лишь на заступничество свыше. Их трудолюбие и аскетизм тоже удвоились. Более никаких мер предпринято не было, ибо, зная, что замок давно покинут людьми, святые братья сочли за лучшее заниматься своими делами, коль скоро сатанинские силы не проявляют открытой враждебности.

Монахи пристально наблюдали за развалинами, однако за несколько недель так и не заметили, чтобы кто-то входил в Илурнь или выходил оттуда. Если не считать ночных огней и шума, а также курящихся над стенами в дневное время дымков, никаких признаков того, что замок обитаем хоть людьми, хоть нежитью, не было.

А потом однажды утром два монаха, занятые прополкой морковных грядок, заметили в долине под террасами, на которых были разбиты монастырские сады, странную процессию, двигавшуюся со стороны Аверуанского леса по изрезанному ущельями крутому склону вверх, в направлении развалин Илурни.

Люди эти, утверждали монахи, шли с великой поспешностью, на негнущихся ногах, но быстрыми шагами, лица их поражали неестественной бледностью, а сами они были облачены в погребальные одежды. На некоторых саваны висели ключьями, и все были покрыты дорожной пылью или пятнами могильной плесени. Было их около дюжины или даже больше, а следом в некотором отдалении друг от друга показались еще несколько, одетых точно так же, как и их

предшественники. С изумительным проворством и быстротой они поднялись по склону холма и скрылись в мрачных стенах Илурни.

В ту пору вести о разоренных могилах и склепах не достигли еще ушей цистерцианцев. История эта дошла до них позднее, уже после того, как они стали ежеутренне видеть мертвецов, стекавшихся к облюбованному дьяволом замку. Сотни трупов, клялись монахи, успели проществовать мимо монастыря, и, несомненно, еще множество проскользнуло незамеченными под покровом темноты. Однако ни один из них не вышел обратно из Илурни, поглотившей их, точно ненасытная утроба преисподней.

Святые братья, хотя и были изрядно напуганы и донельзя скандализированы, все еще считали за лучшее ничего не предпринимать. Некоторые, наиболее отважные, возмущенные этими вопиющими признаками зла, выражали намерение отправиться на развалины со святой водой и распятиями, но настоятель в своей мудрости приказал им подождать. Ночные огни тем временем становились все ярче, а шум все громче.

И тут, пока монахи в своем маленьком монастыре возносили нескончаемые молитвы, произошло нечто чудовищное. Один из братьев, крепкий малый по имени Теофиль, в нарушение строжайшего устава зачастил в винный погреб. Несомненно, в вине он пытался утопить свой праведный ужас перед всеми этими неподобающими событиями. Как бы то ни было, в одну из таких вылазок он имел несчастье с пьяных глаз заплутать у края обрыва и свернул себе шею.

Оплакивая его гибель и грех, святые братья уложили Теофиля в часовне и стали служить заупокойные мессы по его душе. Мессы эти перед самым рассветом были прерваны неожиданным воскрешением мертвого монаха, который с болтающейся на сломанной шее головой выскочил из часовни с такой скоростью, словно за ним гнались черти, и помчался по склону холма к дьявольским огням и грохоту, доносившимся из Илурни.

3. Свидетельство монахов

После вышеупомянутого происшествия двое из тех братьев, которые рвались отправиться в населенный мертвецами замок, вновь обратились к настоятелю за разрешением, заявив, что Бог всенепременно поможет им отомстить за похищение тела Теофиля, равно как и за остальных восставших из своих освященных могил. Восхищенный мужеством отважных монахов, вознамерившихся бросить вызов Сатане в его логовище, настоятель благословил поход.

Монахи, которых звали Бернар и Стефан, спозаранку пустились в путь к обители зла, вооруженные кропилами, флягами со святой водой и большими крестами из граба, которые, если воспользоваться ими как палицами, вполне способны были разmozжить голову рыцарю в латах. Подниматься по склону меж нависающих валунов и вдоль опасных обрывов было нелегко, но оба монаха были отважны, сильны и, более того, привычны к подобным восхождениям. День выдался жарким и душным, и белые рясы святых братьев очень скоро пропитались потом, но, ненадолго останавливаясь лишь для того, чтобы помолиться, храбрецы упрямо шли вперед и в скором времени приблизились к замку, за серыми, разрушенными от времени бастионами которого не было видно следов ничьего пребывания или деятельности.

Глубокий ров, некогда окружавший замок, пересох, и его наполовину завалило комьями земли и обломками крепостных стен. Перекидной мост сгнил, но камни одной из башен, рухнувшей прямо в ров, образовали подобие грубых мостков, по которым можно было попасть в замок. Не без колебаний, вскинув свои распятия, как воин вскидывает оружие, готовясь штурмовать осажденную крепость, святые братья по обломкам башни перебрались во внутренний двор.

Он тоже, как и стены, казался заброшенным. Буйная поросль крапивы и бурьяна и молодые деревца пробивались между каменными плитами двора. Массивный донжон, часовня и часть зубчатой постройки, где располагался огромный зал, сохранили свои очертания даже спустя многие столетия упадка. Слева от широкого двора, в стене громадного каменного здания зиял дверной проем, похожий на темную пещеру, а из проема курился жидкий голубоватый дымок, призрачными кольцами поднимавшийся к безоблачному небу.

Подойдя к двери, братья заметили внутри красные огни, мерцавшие, точно глаза дракона во мраке преисподней. Это окончательно утвердило их в убеждении, что они отыскиали форпост Эреба, преддверье ада, и тем не менее они отважно вступили внутрь, распевая изгоняющие нечистую силу заклинания и выставив вперед массивные распятия из граба.

Миновав зияющую пасть входа, монахи почти ничего поначалу не смогли различить во тьме, которой внезапно сменился солнечный свет. Потом, когда глаза понемногу привыкли к темноте, их взорам предстала чудовищная в своей ужасающей абсурдности сцена. Некоторые детали происходящего были загадочными и пугающе непонятными, другие же, до предела очевидные, неизгладимо запечатлелись в памяти братьев, точно выжженные внезапной вспышкой адского пламени.

Они стояли на пороге громадной каверны, – судя по всему, перекрытия верхних этажей и стены смежных комнат здесь снесли, расширив замковый зал, который был весьма внушителен и сам по себе. Стены тонули во мраке – редкие солнечные лучи, хотя и проникавшие сквозь бреши в руинах, все же бессильны были рассеять адскую тьму и пролить свет на происходившие загадочные события.

Впоследствии монахи утверждали, что видели множество людей, озабоченно сновавших по залу вместе с разного рода демонами, причем одни напоминали громадные тени, другие же почти ничем не отличались от людей. Эти люди, как и их фамильяры, наблюдали за плавильными горнами и бесчисленными сосудами в форме груш и тыкв, какие обычно используют

алхимики. Некоторые склонялись над гигантскими котлами, где klokотало какое-то варево, — ни дать ни взять колдуны, занятые приготовлением адских зелий. У дальней стены высились два громадных чана, округлые стенки которых, сложенные из скрепленных известкой камней, превышали человеческий рост, так что содержимого их Бернару со Стефаном видно не было. Один из чанов мерцал белесым светом, от другого же исходило яркое кроваво-красное сияние.

Рядом с чанами, почти посередине между ними, виднелось нечто вроде приземистого дивана или паланкина, обитого блестящим, с причудливым узором, материалом вроде тех, что ткнут сарацины. Монахи разглядели лежащего на нем карлика, бледного и иссохшего, с глазами, горевшими во мраке холодным пламенем, точно зловещие бериллы. Карлик, который выглядел так, будто был при смерти, распоряжался работой людей и их фамильяров.

Изумленные глаза братьев понемногу начали различать и другие подробности. Они поняли, что на полу в центре лежат несколько трупов, среди которых оказалось и тело несчастного брата Теофиля, рядом возвышается груда человеческих костей, безжалостно выдранных из суставов, а чуть поодаль, точно ломти мяса на витрине в лавке, навалены кучами огромные куски плоти. Какой-то человек брал кости и бросал их в котел, под которым пылало рубиновое пламя; еще один кидал куски мяса в бочку, наполненную прозрачной жидкостью, издававшей зловещее шипение тысячеглавой змеи.

Другие, сняв погребальные одежды с одного из трупов, длинными ножами разделявали его на части. Третьи взбирались по грубо обтесанным каменным лестницам на стены необъятных чанов, держа в руках сосуды с полужидким содержимым, которое выливали в чаны.

Пораженные этой гнусной картиной и охваченные праведным возмущением, монахи с изгоняющими нечисть молитвами на устах устремились вперед. Толпа колдунов и демонов, полностью поглощенных своими мерзостями, казалось, не заметила их вторжения.

В пылу благочестивого гнева Бернар со Стефаном чуть было не накинулись на мясников, разделявавших мертвое тело. Труп они узнали — то был известный разбойник по имени Жак ле Вурдалак, который был убит несколькими днями ранее в схватке со стражниками. Ле Вурдалак, известный своей силой, коварством и жестокостью, долгое время был грозой лесов и больших дорог Аверуани. Его огромное тело было наполовину выпотрошено мечами стражников, а борода слиплась и стала пурпурной от засохшей крови из страшной раны, разворотившей его лицо от виска до рта. Он умер без отпущения грехов, но монахи все же не могли смотреть на то, как его беспомощное тело используют в несправедных целях, о которых благочестивые христиане не могли даже догадываться.

Внезапно бледный изможденный карлик заметил незваных гостей. Монахи услышали, как он пронзительно крикнул что-то повелительным тоном, перекрывая зловещее шипение котлов и хриплое бормотание людей и демонов.

Святые братья не смогли разобрать слов, произнесенных на чужом языке и похожих на заклинание. Мгновенно повиновавшись приказу, два человека оторвались от своих гнусных манипуляций и, подняв медные тазы, наполненные неведомым зловонным варевом, выплеснули их содержимое в лицо Бернару и Стефану.

Жгучая жидкость ослепила братьев; кожу у них защипало, точно от укусов ядовитых жал многочисленных змей; ядовитые испарения окутали их, массивные распятия выпали из рук, и оба без сознания рухнули на пол.

Вновь придя в чувство, монахи обнаружили, что руки у обоих связаны прочными ремнями, сделанными из кишок, и они не могут воспользоваться ни распятиями, ни кропилами.

В этом жалком состоянии они услышали голос злого карлика, который приказывал им подняться. Монахи подчинились, хотя медленно и неуклюже, поскольку не могли опереться на руки. Бернар, надыхавшийся ядовитым паром и все еще одурманенный, дважды валился на пол, прежде чем ему удалось встать, и это новое унижение собравшиеся колдуны встретили раскатами омерзительного, непристойного хохота.

Карлик стал насмехаться над братьями и осыпать их бранью, богохульствуя, как верный слуга дьявола. Наконец, как впоследствии под присягой поведали монахи, он велел им:

– Возвращайтесь в свою конуру, вы, отродья Ялдабаота, и расскажите всем: *пришедшие сюда порознь уйдут одним целым.*

Затем, повинувшись пугающему заклинанию, которое произнес карлик, два фамильяра, обликом подобных огромным призрачным зверям, подошли к телам ле Вурдалака и брата Теофиля. Один омерзительный демон, точно пар, погружающийся в трясины, проник в ноздри ле Вурдалака, мало-помалу исчезая, пока его страшная рогатая голова не скрылась из виду. Другой таким же образом пробрался в ноздри брата Теофиля, чья голова неестественно свисала на плечо со сломанной шеи.

Когда демоны завершили переселение, тела поднялись с каменного пола: одно – с вывалившимися внутренностями, свисавшими из зияющих ран, другое – с головой, безжизненно болтавшейся на груди. Потом, приводимые в движение вселившимися в них демонами, трупы подняли грабовые кресты, что выпали из ослабевших рук Стефана и Бернара, и, орудуя ими как дубинками, самым унижительным образом погнали монахов из замка под громкие раскаты дьявольского хохота гнома и его мерзких товарищей. А обнаженное тело ле Вурдалака и облаченный в рясу труп брата Теофиля преследовали монахов по изрезанным ущельями склонам Илурни, дубася крестами, так что спины двух цистерцианцев превратились в сплошное кровавое месиво.

После столь явного и сокрушительного поражения больше ни один монах не отважился подняться в Илурнь. Весь монастырь с утроенным пылом предавался молитвам и умерщвлению плоти в ожидании неведомой Божьей воли и новых, столь же непостижимых дьявольских козней, всецело полагаясь на свою веру, которую все же слегка подтачивало беспокойство.

Со временем пастухи, изредка навещавшие монахов, разнесли историю Стефана и Бернара по всей Аверуани, отчего всеобщая тревога, вызванная повальным исчезновением мертвецов, только усилилась. Никто не знал, что на самом деле происходит в замке и что случилось с сотнями кочующих трупов, ибо свет, пролитый на их судьбу рассказом двух монахов, хотя мрачный и пугающий, все же был слишком неопределенным, а слова карлика, пересказанные ими, звучали несколько загадочно.

Однако каждый житель Аверуани ощущал, что в разрушенных стенах замка затаилась какая-то чудовищная угроза и затевается какое-то мрачное адское колдовство. Злобный умирающий карлик был слишком очевидно похож на сбежавшего колдуна Натэра, а его приспешники, несомненно, были теми самыми десятью учениками.

4. Поход Гаспара дю Норда

Один в своей комнатухе под крышей, Гаспар дю Норд, начинающий алхимик и колдун, бывший ученик Натэра, неоднократно, хотя и безуспешно, пытался заглянуть в вещее зеркало, обрамленное сплетшимися золотыми змеями. Стекло оставалось мутным и туманным, точно запотело подле дьявольских перегонных кубов или зловещих колдовских жаровен. Осунувшийся и измученный долгими ночами бесплодных попыток, Гаспар понял, что Натэр еще ближе, чем он сам.

С беспокойством вглядываясь в расположение звезд на небе, Гаспар обнаружил грозное предзнаменование, сулившее страшное бедствие, которое неотвратимо надвигалось на Аверуань. Но что именно это за беда, звезды поведать ему отказывались.

Тем временем омерзительное воскресение и исход мертвецов из могил продолжались. Вся Аверуань содрогалась при виде этой нескончаемой гнусности. Темный, будто ночь нашествия египетской чумы, ужас воцарился повсюду, и люди возмущенным шепотом обсуждали каждое новое злодеяние, не осмеливаясь говорить о подобных вещах вслух. До Гаспара, как и до всех остальных, тоже доходили чудовищные слухи, и, когда ближе к середине лета пугающие происшествия внезапно прекратились, его, как и остальных, тоже точно громом поразил рассказ цистерцианских монахов.

Теперь наконец-то он получил ответ на часть вопросов, которые не давали ему покоя все то время, что он напряженно вглядывался в вещее зеркало. Хотя бы убежище беглого колдуна и его подручных было обнаружено, и именно туда вели следы исчезнувших мертвецов. Но что это было за отвратительное зелье и какое именно адское колдовство затевал Натэр в своем укромном убежище, оставалось загадкой даже для проницательного Гаспара. Уверен он был лишь в одном: умирающий сварливый карлик, понимая, что дни его сочтены, и питая безграничную ненависть к жителям Аверуани, готовит нечеловечески чудовищное колдовство, подобного которому никогда еще не было.

Даже зная наклонности Натэра и будучи осведомлен о поистине неисчерпаемых источниках тайного знания и низменных колдовских сил, которыми обладал карлик, Гаспар мог строить лишь неясные, но от этого ничуть не менее пугающие догадки о надвигающемся бедствии. Однако чем дальше, тем отчетливее ощущал он растущее напряжение, предчувствие чудовищной угрозы, что подбирается с темного края мира. Он не мог отделаться от беспокойства и наконец решился, несмотря на несомненное безрассудство подобной затеи, нанести тайный визит в окрестности Илурни.

Хотя Гаспар происходил из зажиточной семьи, в то время он был крайне стеснен в средствах, ибо отец его не одобрял склонности сына к сомнительным наукам. Единственным источником средств к существованию были те жалкие гроши, которые украдкой от отца передавали Гаспару мать и сестра. Этого хватало на скудную еду, оплату комнаты, покупку некоторого количества книг, инструментов и химикалий, но было явно недостаточно, чтобы приобрести лошадь или на худой конец хотя бы мула для задуманного путешествия более чем за сорок миль.

Нимало не обескураженный этим обстоятельством, юноша пустился в дорогу пешком, захватив с собой лишь кинжал и котомку с запасом еды. Вышел он с таким расчетом, чтобы подойти к Илурни в сумерках, когда на небо выйдет полная луна. Часть его пути пролегла через бескрайний темный лес, подступавший практически вплотную к стенам Виона с востока и темной дугой протянувшийся через Аверуань до самого выхода на скалистое плато у Илурни. Пройдя несколько миль лесом, Гаспар вынырнул из зарослей сосен, дубов и лиственниц и остаток дня шел вдоль реки Исуаль по открытой густонаселенной равнине. Наступившая ночь была теплой, и он провел ее под раскидистым буком, неподалеку от маленькой деревушки, без

сна, опасаясь грабителей, волков и еще более страшных созданий, которые, по слухам, обитали в безлюдных лесах.

К вечеру следующего дня, преодолев самую старую и дикую область векового леса, он вышел к круто понижавшейся каменистой лощине, что вела к месту его назначения. На этом склоне брала свое начало река Исуаль, которая здесь была всего лишь небольшим ручейком. В коричневых сумерках между заходом солнца и восходом луны Гаспар увидел огни цистерцианского монастыря, а напротив, над нависавшими неприступными обрывами, – мрачную массивную громаду разрушенной цитадели Илурни с мерцавшими над высокими бойницами бледными колдовскими огнями. Кроме этих огней, ничто не навело на мысль о том, что замок обитаем, и Гаспар пока не уловил того зловещего шума, о котором рассказывали монахи.

Он подождал, пока круглая луна, желтая, точно глаз великанской ночной птицы, не показалась над темнеющей лощиной. Тогда с великой осторожностью, ибо местность эта была совершенно ему незнакома, юноша двинулся к темной громаде замка.

Подъем при свете луны таил в себе немало трудностей и опасностей даже для человека, привычного к подобным восхождениям. Несколько раз очутившись у подножия отвесной скалы, Гаспар был принужден начинать свой нелегкий путь заново, и зачастую его спасали от падения только чахлые кусты, неизвестно как укоренившиеся в этой каменистой почве. Задыхаясь, с изорванной в клочья одеждой и израненными до крови руками, он выбрался наконец на уступ скалистой вершины, к подножию замковых стен.

Гаспар постоял, переводя дух и восстанавливая иссякшие силы. Отсюда виднелись бледные отражения скрытых огней, пробивавшихся из-за внутренних стен высокой главной башни. Юноша слышал многоголосый приглушенный шум, но не мог определить, с какой стороны и на каком расстоянии он раздавался.

За исключением этого далекого непонятного гула, ни один звук не нарушал мертвую тишину ночи. Даже ветер словно бы избегал приближаться к зловещему замку. Незримое тягучее облако парализующего зла неотступно нависало надо всем; и бледная распухшая луна, покровительница ведьм и колдунов, струила зеленоватый яд над осыпавшимися башнями, и царившее безмолвие было древнее, чем само время.

Передохнув, Гаспар двинулся дальше и практически сразу же ощутил, что его прижимает к земле свинцовая тяжесть, куда более зловещая, чем простое утомление. Незримая паутина зла, что набирало силу и ждало своего часа, как будто опутывала его по рукам и ногам, не давая идти вперед. Медленное омерзительное хлопанье неосязаемых крыл раздавалось перед его лицом. Он точно вдыхал ветер, порывами налетающий из бездонных склепов и несших с собой запах тлена. Неслышные завывания, насмешливые или угрожающие, звучали в его ушах, и словно чьи-то отвратительные руки тянули его назад. Но, упрямо нагнув голову, точно сражаясь со встречным ветром, он шел по осыпавшимся развалинам башни дальше, к заросшему бурьяном внутреннему двору.

Двор, по всей видимости, пустовал, а большая его часть утопала в тени оружейных башен и стен. Рядом, в темном здании, Гаспар увидел зияющую пасть проема, который описали монахи. Изнутри исходило бледное сияние, тусклое и зловещее, как болотные огни. Оттуда слышался рокот, в котором уже различалось сплетение множества невнятных голосов, и Гаспару показалось, что он видит мрачные, темные, как сажа, фигуры, снующие туда-сюда по освещенному залу.

Стараясь держаться в тени, он крадучись двинулся по кругу вдоль внутренних стен. В открытую дверь он войти не решился из страха быть замеченным, хотя, насколько он успел разглядеть, вход никто не охранял.

Он подошел к донжону, на стене которого сверху дрожал бледный отсвет, пробивавшийся сквозь разлом в примыкающем к башне длинном здании. Эта брешь находилась на некотором расстоянии от земли, и Гаспар увидел, что раньше на ее месте была дверь на большой каменный

балкон. Марш разрушенных ступеней вел по стене вверх, к полуосыпавшемуся остову, и юноша рассудил, что можно взобраться по ступеням и заглянуть внутрь, оставшись незамеченным.

Части ступеней не доставало, и вся лестница утопала в густом мраке. Тщательно выбирая, куда ступить, Гаспар двинулся наверх и лишь однажды застыл в тревоге, когда обветшавшая ступенька раскололась под его подошвой и обломок камня с громким стуком упал вниз, на вымощенный плитами двор. Очевидно, обитатели замка ничего не слышали, и некоторое время спустя юноша продолжил свой подъем.

Он осторожно приблизился к большому неровному пролому, сквозь который был виден свет и, скорчившись на узком карнизе, оставшемся от балкона, вгляделся в разворачивающееся перед ним поразительное и ужасающее действо. Детали были столь ошеломляющими, что подлинный их смысл дошел до него далеко не сразу.

Совершенно очевидно было, что все рассказанное монахами – со скидкой на их набожность – отнюдь не было преувеличением. Почти все внутренние стены и перекрытия огромного полуразрушенного здания были разломаны и разобраны, чтобы приспособить его под нужды Натэра, – задача сама по себе сверхчеловеческая, для выполнения которой колдун, должно быть, вдобавок к десятку своих помощников, привлек целый сонм фамильяров.

Огромный зал там и сям освещали огни горнов и жаровен, а от гигантских каменных чанов исходило зловещее мерцание. Даже со своего высокого карниза юноша не видел их содержимого, но над краем одного разливалось белое сияние, а над другим – блеск цвета сырого мяса.

Гаспару доводилось наблюдать некоторые опыты Натэра с воскрешениями, и все эти принадлежности мрачного искусства некромантии были ему более чем знакомы. В определенных пределах он был не слишком впечатлителен, и нельзя сказать, чтобы его сильно напугали неуклюжие призрачные силуэты демонов, трудившихся далеко внизу бок о бок с облаченными в черные одежды учениками колдуна. И тем не менее леденящий ужас сжал сердце Гаспара при виде невероятного, чудовищного создания, растянувшегося по центру зала, – то был гигантский человеческий скелет ста футов длиной, такой огромный, что не поместился бы даже в старый зал замка. А группа людей и демонов, судя по всему, была занята тем, что усердно обтягивала костяную ногу скелета человеческой плотью!

Этот невероятный кошмарный костяк, полностью заверченный, с ребрами, напоминающими своды некоего сатанинского храма, блестел, словно все еще подогреваемый в адской плавильне. Благодаря зыбкой игре света и тени создавалось впечатление, будто скелет, мерцающая и переливаясь, живет потусторонней жизнью, трепещет в недобром волнении. Огромные кости пальцев, клешнями скрюченных на полу, казалось, вот-вот сомкнутся вокруг какой-то беспомощной жертвы. Гигантские зубы скалились в застывшей навечно ухмылке сардонической жестокости и злобы. Бездонные провалы пустых глазниц кишели мириадами насмешливых огней, похожих на глаза элементариев, копошащихся в зловещем сумраке.

Эта ошеломляющая и отвратительная фантасмагория, подобная сцене из жизни разверзшегося ада, потрясла Гаспара. Впоследствии он так и не смог решить, в самом ли деле видел некоторые вещи, и мог восстановить по памяти лишь немного из того, что и каким образом делали люди и их помощники. Смутные, сумеречные, похожие на летучих мышей силуэты летали туда-сюда между одним из каменных чанов и группой людей, одевавших, подобно скульпторам, костяную ногу колосса красноватой плазмой, которую они наносили и формировали, будто простую глину. Гаспару показалось – впрочем, позже он не был до конца уверен, – что плазму эту, блестящую, как перемешанная с пламенем кровь, в сосудах из светящегося розовым чана призрачные летучие твари переносили в когтях. Ни одна из них, однако, даже не приближалась к другому чану, чье бледное сияние с каждой минутой становилось все слабее и слабее, точно постепенно угасало.

Юноша взглядом поискал шуплую фигуру Натэра, которого не обнаружил в собравшейся толпе. Без сомнения, больной некромант – если, конечно, не умер еще от неведомого недуга, который долго подтачивал его силы, словно выжигая изнутри, – был скрыт из виду великанским скелетом и, должно быть, руководил работой людей и демонов со своего ложа.

Совершенно зачарованный всей этой картиной, Гаспар на своем узком карнизе не услышал крадущиеся по-кошачьи шаги того, кто взбирался за ним по полуразрушенной лестнице. Слишком поздно донесся до него стук упавшего каменного обломка, потревоженного ногами преследователя; Гаспар испуганно обернулся и в тот же миг лишился чувств, оглушенный ударом чудовищной силы, не успев даже понять, что, не подхвати его вовремя нападавший, он неминуемо рухнул бы на каменные плиты двора.

5. Ужас Илурни

Вынырнув после долгого погружения в бездны Леты, Гаспар обнаружил, что смотрит в глаза Натэра, непроницаемо-черные, как жидкая ночь, в которой плескались зловещие ледяные огни безвозвратно угасших звезд. В смятении чувств он некоторое время не видел больше ничего, кроме этих ужасных глаз, которые, точно смертоносные магниты, вытягивали его из глубин беспамятства. То ли бесплотные, то ли находящиеся на непостижимо огромном лице, они горели в клубящемся мраке. Затем из этого мрака мало-помалу проступили и остальные черты колдуна, и лишь тогда пленник смог рассмотреть подробности ужасной сцены и осознать, в каком положении очутился.

Попытавшись поднять руки, чтобы ощупать мучительно ноющую голову, Гаспар обнаружил, что они крепко связаны в запястьях. Он полулежал, прислонившись к чему-то твердому, с жесткими гранями и кромками, впивавшимися ему в спину. Ему показалось, что это какой-то алхимический сосуд или горн, некое приспособление из тех, что он видел ранее на полу замка. Пробирные чашки, алудели, реторты, точно гигантские тыквы и шары, в странном беспорядке мешались со сваленными в кучу фолиантами в переплетах с железными пряжками, закопченными котлами, жаровнями и прочими принадлежностями гнусного ремесла.

Натэр, возлежавший на сарацинских подушках с переплетающимся золотым и ярко-алым узором, пристально смотрел на Гаспара со своего ложа, сооруженного из груды персидских ковров и гобеленов, чья роскошь причудливо контрастировала с грубыми стенами замка, покрытыми пятнами плесени и гнилыми грибами. По комнате метались тусклые огни и дрожащие тени, и до Гаспара доносился хор гортанных голосов, раздававшихся где-то позади него. Слегка повернув голову, он увидел один из каменных чанов, чье розовое сияние заслоняли крылья вампиров, сновавших туда-сюда.

Гаспар и Натэр, похоже, были одни. Нападавшие, кем бы или чем бы они ни были, сгрузив бесчувственного и беспомощного пленника перед колдуном, видимо, вернулись обратно к своим нечестивым делам.

– Добро пожаловать, – произнес Натэр после непродолжительного молчания, за время которого его бывший ученик успел заметить признаки неумолимого развития недуга, наложившего страшный отпечаток на искаженные болью черты карлика. – Значит, Гаспар дю Норд пришел повидаться со своим бывшим учителем?

Демоническая громкость этого резкого повелительного голоса совершенно не вязалась с хрупким иссохшим телом, из которого он исходил.

– Пришел, – кратким эхом отозвался Гаспар. – Расскажите мне, что за дьявольским делом вы заняты? И что вы сделали с трупами, которые украли ваши проклятые фамильяры?

Дряхлое умирающее тело Натэра, точно одержимое каким-то сардоническим демоном, содрогнулось на роскошном ложе в долгом, неистовом взрыве смеха – и это был единственный ответ.

– Судя по вашему виду, – продолжил Гаспар, когда зловещий смех наконец стих, – вы смертельно больны, и вам надо спешить, если вы хотите искупить свои гнусные деяния и примириться с Богом, – хотя, конечно, не уверен, что это примирение все еще возможно. Что за гнусное и чудовищное варево вы готовите, чтобы окончательно и бесповоротно погубить свою душу?

Карлика вновь охватил приступ дьявольского веселья.

– Ну уж нет, милый мой Гаспар, – снизошел он наконец до ответа. – Я заключил совершенно иную сделку, нежели та, при помощи которой хнычущие трусы надеются приобрести благорасположение и прощение небесного тирана. Пускай я попаду в ад, коли на то будет его воля, но ад заплатил и будет платить щедрую цену. Я скоро умру, это правда, ибо гибель

моя предопределена звездами, но в своей смерти, благодаря милости Сатаны, я снова оживу и отправлюсь, наделенный непобедимым могуществом исполинских Енакимов, воздать по заслугам аверуанцам, которые всегда ненавидели меня за колдовское знание и насмехались над моей внешностью.

– Как можно мечтать о подобном безумии? – вскричал юноша, пораженный нечеловеческим неистовством и злобой, от которой сморщенное тело Натэра как будто на глазах раздулось и стало больше, а глаза запылали адским блеском.

– Это вовсе не безумие, а нечто поистине существующее; возможно, это чудо, но ведь жизнь и сама чудо... Из тел недавно умерших людей, которые все равно сгинули бы в могильной тьме, ученики и фамильяры под моим руководством создают гиганта, чей скелет ты видел. После того как я умру, душа моя переселится из тела в эту великанскую обитель при помощи определенных заклинаний метемпсихоза, относительно которых я дал моим верным помощникам самые подробные указания... Если бы ты остался со мной, Гаспар, а не отступился в своем мелочном чистоплутстве от всех тех чудес и бездн знания, которые я намеревался тебе открыть, сейчас и ты тоже удостоился бы чести быть в числе тех, кто творит это чудо. А явись ты в своем дерзком любопытстве в Илурнь чуть раньше, я мог бы найти достойное применение твоим крепким костям и мышцам... Такое же применение, какое я нашел всем этим молодым мужчинам, погибшим по несчастливой случайности или лишившимся жизни насильственным образом. Но теперь уже слишком поздно, ибо сооружение скелета позади, осталось только покрыть его человеческой плотью. Мой милый Гаспар, мне нечего с тобой делать – разве что в целях безопасности убрать тебя с дороги. К счастью, для этого внизу под замком есть темница – жилище, без сомнения, несколько мрачноватое, зато, спасибо угрюмым хозяевам Илурни, достаточно прочное и глубокое.

Гаспар был не в состоянии говорить, не то что отвечать на эти странные зловещие речи. Лихорадочно напрягая скованный леденящим ужасом разум в поисках достойного ответа, он ощутил, как спины его коснулись руки незримых существ, явившихся, очевидно, по хозяйскому жесту, которого пленник не уловил. Юноше завязали глаза какой-то плотной тканью, сырой и слизкой, точно саван, и повели сквозь нагромождение странных приспособлений вниз по разрушенным узким ступеням винтовой лестницы, где в ноздри ему ударил зловонный запах застоявшейся воды, едва уловимо отдававший змеиным мускусом.

Вниз Гаспару пришлось идти так долго, что возвращение невозможно было даже вообразить. Зловоние постепенно становилось все сильнее и невыносимее; ступени кончились, приглушенно заскрипели ржавые дверные петли, и Гаспара толкнули на сырой неровный пол, который, казалось, был вытоптан до него мириадами ног таких же несчастных узников.

Он услышал скрежет массивной каменной плиты. Ему развязали руки и сняли повязку с глаз, и в свете трепещущих факельных огней пленник увидел круглую дыру, зияющую во влажном полу у него под ногами. Рядом лежала поднятая плита, служившая крышкой. Прежде чем узник успел повернуться и взглянуть на лица своих тюремщиков, чтобы узнать, люди то или демоны, его грубо схватили и швырнули в разверстую дыру. Он летел словно бы целую вечность в темноте чернее, чем мрак преисподней, пока не ударился об пол. Лежа в неглубокой зловонной луже, полуоглушенный, он услышал похоронный стук тяжелой каменной плиты, которая неумолимо вернулась на свое место где-то в вышине над его головой.

6. Подземелья Илурни

Холодная вода, в которой лежал Гаспар, в скором времени привела его в себя. Одежда на нем промокла почти насквозь, а склизкая зловонная лужа, как выяснилось после первого же его движения, находилась всего в дюйме от его рта. Где-то во тьме подземелья, сквозь которую не пробивался ни один луч света, равномерно и монотонно капала вода. Шатаясь, Гаспар поднялся на ноги, обнаружил, к радости своей, что все кости целы, и принялся методично исследовать свою темницу. Едва он сделал первый шаг, зловонные капли упали ему на волосы и запрокинутое лицо; ноги заскользили, поднимая брызги затхлой воды; раздалось неистовое злобное шипение, и щиколоток коснулись холодные кольца змеи.

Практически сразу же он уткнулся в шершавую каменную стену и, касаясь грубой кладки кончиками пальцев, попытался определить размеры своего узилища. Оно было более или менее округлым, без углов, и узник не мог даже приблизительно представить себе его очертания. В своих блужданиях он наткнулся на груды камней у стены, возвышавшуюся над водой, где и устроился в относительной сухости и удобстве, вспугнув с насиженного места стайку рассерженных рептилий. Эти создания были, судя по всему, безобидными и, вероятно, представляли собой какую-то разновидность водяных змей, но одно прикосновение к их липкой чешуе вызывало у него дрожь.

Сидя на куче камней, Гаспар мысленно перебирал все ужасы своего положения, бесконечно удручающего и отчаянного. Он узнал невероятный, ошеломляющий секрет Илурни, раскрыл невообразимо чудовищный святотатственный замысел Натэра, но теперь, замурованный в этой омерзительной дыре, точно в подземной могиле, в недрах населенного демонами замка, не мог даже предупредить мир о неизмеримой угрозе.

Котомка с провизией, опустевшая уже более чем наполовину, так и осталась висеть у него за спиной, и, обнаружив, что тюремщики не озаботились отобрать у него кинжал, он заметно приободрился. Грызая в темноте черствую хлебную корку и поглаживая рукоять бесценного клинка, юноша лихорадочно искал хоть какой-нибудь просвет в охватившем его отчаянии.

Он не мог измерить мрачные часы, тянувшиеся с медлительностью илистой реки, в мертвой тишине текущей в подземное море. Лишь нескончаемый звон капель воды – возможно, от скрытых родников, питавших замок в былые времена, – нарушал безмолвие. Но и этот звук в своем унылом однообразии очень скоро стал казаться пребывавшему в полубреду пленнику безрадостным и неумолчным смехом незримых бесов. Наконец, до предела обессиленный, он впал в наполненное кошмарами забытие.

Проснувшись, он не смог определить, какое наверху время суток, ибо в его подземелье царила все та же вечная тьма, не нарушаемая ни единым лучом света, ни даже слабым отблеском. Дрожа, он ощутил дуновение сквозняка, струю сырого нездорового воздуха, которым повеяло на него, словно дыханием мрачных склепов, пробудившихся к тайной жизни, пока он спал. Прежде узник ничего подобного не замечал, и его оцепенелый разум воспринял во внезапной надежде, принесенной этим слабеньким ветерком. Очевидно, где-то была подземная щель или сточная канава, сквозь которую проходил воздух, и, возможно, через нее можно было каким-то образом выбраться из темницы.

Неуверенно поднявшись на ноги, Гаспар принялся на ощупь пробираться туда, откуда тянуло ветром. Что-то неожиданно хрустнуло и сломалось под его каблуками, он потерял равновесие и едва не упал лицом прямо в склизкую лужу с водяными змеями. Прежде чем он успел исследовать препятствие или возобновить свое продвижение, сверху послышался неприятный скрежет, и сквозь открывшуюся щелку в темницу проник луч дрожащего желтого света. Слепленный, пленник поднял глаза и увидел футах в десяти или двенадцати над головой

круглое отверстие, сквозь которое просунулась смуглая рука с горящим факелом. На веревке ему спустили маленькую корзинку, в которой оказались коврига хлеба и бутылка вина.

Гаспар забрал хлеб и вино, и корзинку подняли обратно. Прежде чем факел был убран, а каменная крышка водружена на свое место, он попытался быстро оглядеть свою темницу.

Камера, как он и предполагал, была приблизительно круглой, футов около пятнадцати в диаметре. Помеха, о которую он споткнулся, оказалась человеческим скелетом, наполовину сползшим с кучи камней в грязную воду. Скелет был коричневым и совершенно сгнил, а одежда на нем истлела и покрылась влажной плесенью.

Стену избороздили сочившиеся по ней на протяжении многих столетий ручейки воды, и самые камни, казалось, медленно гнили и разрушались. На противоположной стороне, в самом низу, Гаспар увидел брешь, которую ожидал увидеть: узкое отверстие немногим больше лисьей норы, куда медленно вытекала застоявшаяся вода. При виде этой картины сердце у него оборвалось, ибо, даже если вода была глубже, чем представлялось, дыра все равно выглядела слишком узкой для человеческого тела. Утратив надежду, он побрел назад на кучу камней, и тут подземелье вновь погрузилось во тьму.

Он по-прежнему держал в руках хлеб и вино. У него засосало под ложечкой, и он принялся механически жевать хлеб, запивая его вином. Еда придавала ему сил, а дрянное кислое вино обогрело и заронило в голову мысль, которую Гаспар начал усиленно обдумывать.

Осушив бутылку, он пробрался к норе над полом. Входящий поток воздуха усилился, и узник счел это хорошим предзнаменованием. Он вытащил кинжал и принялся ковырять острием полуразрушенную осыпающуюся стену, пытаясь расширить отверстие. Ему пришлось опуститься на колени прямо в омерзительный ил, и все время, пока он копал, вокруг его ног, извиваясь, плавали водяные змеи. Через лаз они, по всей видимости, проникали в темницу и обратно.

Камень легко крошился под острым кинжалом, и Гаспар, воодушевленный забрезжившей надеждой, позабыл ужас своего положения. Он не знал ни толщины кладки, ни характера и размеров подземелий, которые находились за этой стеной, но был совершенно уверен, что они должны как-то сообщаться с внешним миром.

Томительно долгие часы, если не дни, орудовал он своим кинжалом, вслепую расковыривая податливую стену и выгребая мусор, который кидал в воду за спиной. Через некоторое время, распластавшись на животе, он смог протиснуться в лаз и, продолжая рыть, точно трудолюбивый крот, дюйм за дюймом пополз вперед.

Наконец, к огромному его облегчению, острие кинжала встретило пустоту. Гаспар руками проломил тонкую скорлупу преграждавшего ему дорогу камня и, выбравшись из дыры, обнаружил, что очутился на пологой поверхности и даже может встать в полный рост.

Распрямив затекшие члены, узник с величайшей осторожностью двинулся вперед. Он находился то ли в узком склепе, то ли в туннеле, и, вытянув руки, мог одновременно дотронуться до противоположных стен. Пол плавно понижался, а вода становилась глубже и малопомалу дошла ему сначала до колен, а потом и до пояса. Возможно, этот туннель когда-то служил подземным ходом из замка, но крыша, обрушившись, запрудила здесь воду.

Не на шутку перепугавшись, Гаспар уже раздумывал, не променял ли свою грязную темницу, которую делил со скелетом, на участь еще страшнее. В окружавшей его тьме по-прежнему не было ни проблеска света, а струя воздуха, хотя и сильная, несла в себе запах сырости и плесени, точно из склепа.

Вода между тем становилась все выше и выше. Время от времени касаясь стенок подземного хода, юноша нащупал ответвление, резко уходящее вправо, в пустоту. Выглядело это как вход в перпендикулярную галерею, чей затопленный пол был, по крайней мере, ровным и не уводил вниз, в омерзительную стоячую воду. Исследуя его, Гаспар споткнулся о первую

ступеньку ведущей наверх лестницы. Он двинулся по ступеням, отмечая, что с каждым шагом уровень воды понижается, и вскоре очутился на сухой каменной плите.

Узкие разбитые ступеньки, многие из которых, как и лестничные площадки, отсутствовали, бесконечно закручивающейся спиралью уходили в темное чрево Илурни. Воздух здесь был спертым и затхлым, как в могиле, и, надо полагать, воздушный поток, что вывел Гаспара из камеры, брал начало не здесь. Беглец не знал, куда его приведет лестница, как не мог сказать, по ней ли он спускался в свою темницу. Однако же он настойчиво взбирался, делая лишь редкие остановки, чтобы отдышаться, насколько это было возможно в мертвом зловонном воздухе.

Наконец в полной темноте он уловил где-то далеко над головой загадочный приглушенный звук – слабый, но повторяющийся грохот, как будто валились огромные глыбы или неслась лавина падающих камней. Звук был неимоверно грозным и пугающим; он сотрясал окружающие Гаспара невероятно высокие стены и зловещей дрожью отдавался в ступенях, по которым он поднимался.

Теперь беглец двигался с удвоенной осторожностью и проворством, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться. Ритмичный грохот стал громче и грознее, точно раздавался непосредственно сверху, и юноша припал к темным ступеням, потеряв счет минутам и не решаясь продолжить путь. Наконец звук с ошеломляющей внезапностью прекратился, сменившись напряженной пугающей тишиной.

Не зная, что поджидает его на пути, и терзаясь множеством зловещих догадок, Гаспар осмелился возобновить подъем. И снова в полной тишине раздался звук – отдающееся эхом неясное пение хора голосов, точно исполнявших какую-то дьявольскую мессу или литургию, чьи замогильные тона переросли в нестерпимо высокие трели злобного триумфа. Задолго до того, как юноша узнал слова, его заставил содрогнуться зловещий размеренный грохот, то затихавший, то вновь усиливавшийся, подобно биению сердца гигантского демона.

Лестница вновь повернула, уже в сотый раз на этом мучительном подъеме, и, неожиданно вынырнув из темноты, беглец заморгал в лучах тусклого света, сочившегося откуда-то сверху. Мрачный хор встретил его еще более оглушительным взрывом дьявольского звука, и он узнал слова редкого и могущественного заклинания, которое колдуны использовали лишь для самых жутких и чудовищных целей. Превозмогая страх, Гаспар сделал несколько последних шагов – и понял, что за действие происходит на развалинах Илурни.

Очень осторожно выглянув из люка в замковом полу, он обнаружил, что лестница вывела его в дальний угол того огромного зала, где он видел безумное творение Натэра. Все пространство разрушенного изнутри здания открылось его взгляду, окутанное таинственной дымкой, в которой свет горбатой луны мешался с красноватыми отблесками пламени затухающих горнов и извивающимися разноцветными языками огня, что вырывались из колдовских жаровен.

Поначалу поток яркого лунного света, заливавший развалины, озадачил Гаспара. Потом он увидел, что внутренняя стена, выходившая на замковый двор, почти целиком снесена. Обвал чудовищных глыб, произведенный, вне всякого сомнения, при помощи колдовских чар, и был тем ритмичным грохотом, который юноша слышал, когда выбирался из подземного склепа. Когда бывший ученик колдуна понял, с какой целью разрушили стену, кровь застыла у него в жилах, а по спине пробежал холодок.

Совершенно очевидно было, что с начала его заточения прошел целый день и еще часть ночи, ибо луна стояла высоко на сапфировом небосводе. Омываемые ее холодным блеском, огромные чаны не излучали больше свое странное искрящееся сияние. Ложе из сарацинских материй, на котором в прошлый раз Гаспар видел умирающего карлика, скрывал от глаз клубящийся дым жаровен и кадильниц, в котором десять учеников колдуна, облаченные в алые и черные одежды, творили омерзительный, жуткий обряд, сопровождая его зловещими заунывными песнопениями.

Перепуганный, как человек, увидевший воочию исчадие самого мрачного надира ада, Гаспар смотрел на колосса, который неподвижно лежал на плитах пола, словно объятый колдовским сном. Это дьявольское творение не было больше скелетом – члены его бугрились огромными мышцами, точно члены библейских великанов, бока напоминали несокрушимые стены, грудь была необозримо широка, а кулачищи, похожие на чудовищные жернова, могли бы с легкостью превратить человеческое тело в лепешку. *Но лицо громадного чудовища, повернутое в профиль к Гаспару, было лицом дьявольского карлика Натэра, чья мощь тысячекратно возросла – а вместе с нею и неукротимая злоба и ярость!*

Исполинская грудь как будто вздымалась и опадала, и во время перерыва в магическом ритуале воскрешения Гаспар явственно расслышал могучее дыхание. Глаза великана были закрыты, но огромные занавеси век дрожали, словно чудовище вот-вот должно было пробудиться, а распростертая рука с бледными до синевы пальцами, похожими на шеренгу трупов, беспокойно подергивалась на каменном полу.

Юношу охватил невыразимый ужас, но даже этот ужас не заставил бы его вернуться в жуткое подземелье, откуда он бежал. Дрожа, он выбрался из угла, стараясь держаться в полосе непроглядной тени, которую отбрасывала стена замка.

На ходу он в просвет между густыми клубами пара на миг увидел ложе, где неподвижно покоилось бледное и сморщенное тело Натэра. Казалось, карлик то ли умер, то ли впал в оцепенение, предшествующее смерти. Хор голосов, поющих зловещее заклинание, взвился в дьявольском ликовании, пары за клубились, точно адское облако, окружив волшебника змеиными кольцами, и вновь скрыли из виду сарацинское ложе и распростертый на нем труп.

Гнетущее ощущение безграничного зла пронизывало все пространство. Гаспар чувствовал, что отвратительное переселение души, пробужденной к жизни святотатственной литургией, должно вот-вот свершиться, а возможно, уже произошло. Ему померещилось, что дышащий великан шевельнулся, точно ворочаясь в полудреме.

Вскоре исполинская распростертая туша заслонила от Гаспара поющих колдунов. Они его так и не заметили, и теперь он поспешно бросился бежать и вскоре, никем не видимый и не преследуемый, очутился во дворе. Оттуда он помчался без оглядки, как будто за ним гнались черти, по изрезанному ущельями крутому склону под замком Илурнь.

7. Пришествие колосса

Несмотря на то что исход мертвых из могил наконец прекратился, ужас все еще царил повсюду; широко раскинувшаяся тень дурного предчувствия, мрачная и зловещая, накрыла своими крыльями всю Аверуань. Небеса посылали странные пугающие знамения одно за другим: поговаривали, что за восточными холмами падают метеоры с огненными хвостами, далеко на юге сверкающая комета на несколько ночей затмила звезды, а затем погасла, оставшись в памяти людей пророчеством грядущих неслыханных бедствий. Днем воздух был душным и спертым, а голубые небеса будто подогревались странными белесыми огнями. Грозовые облака, сизые и одинокие, метали блестящие копья на далеких горизонтах, словно Аверуань осадила армия титанов. Скот поразила какая-то странная хворь, которую невозможно было объяснить ничем иным, кроме как колдовскими чарами. Все эти знаки и предвестия еще более тяжким грузом ложились на души людей, которых и без того терзал неотступный страх перед зреющими дьявольскими кознями.

Но до тех пор, пока тщательно подготавливаемая угроза не обрушилась на город, никто, кроме Гаспара дю Норда, не подозревал, в чем она заключается. Гаспар же, который в свете горбатой луны без оглядки спешил в направлении Виона, ожидая в любой миг услышать за спиной тяжелую поступь гигантского преследователя, считал совершенно бесполезным предупредить жителей деревень и городков, лежавших на его пути. В самом деле, где, даже если их предупредить, люди могли укрыться от ужасного, самым адом порожденного создания, которое, подобно исполинским Енакимам, намеревалось покарать мир, излив на него свою клоко-чушую ярость?

Поэтому всю ночь и весь следующий день Гаспар дю Норд в изорванной в клочья одежде, облепленной высохшим илом из подземелья, как сумасшедший мчался по лесу, где, по слухам, на каждом шагу подстерегали разбойники и оборотни. Клонившаяся к западному краю небосвода луна светила в глаза, выглядывая из-за сучковатых стволов, и наконец беглеца обогнали бледные лучи раннего рассвета. Наступивший день окутал его белесой духотой, точно расплавленный металл, обернувшийся солнечным светом, и засохшая грязь, покрывавшая его лохмотья, вновь превратилась в ил, смешавшись с потом. Но Гаспар не останавливался, точно пытался убежать от нависшего над ним кошмара, а в голове у него начал зарождаться смутный, почти безнадежный план.

Тем временем несколько монахов цистерцианского братства, по обыкновению бдительно наблюдавшие на рассвете за серыми стенами Илурни, стали первыми после Гаспара, кто увидел ужасное чудовище, созданное некромантами. Возможно, охваченные благочестивым ужасом святые братья кое-что преувеличили в своем рассказе, но они клялись, что гигант внезапно поднялся, причем руины замка не доставали ему даже до пояса, а вокруг него взвились к небу огромные языки пламени и за клубился, точно вырываясь из Злых Щелей, черный дым. Голова гиганта была вровень с вершиной донжона, а вытянутая правая рука простиралась, как цепь грозных облаков, заслоняя только что вставшее солнце.

Монахи пали на колени, решив, что сам Сатана вышел из ада, используя Илурнь как врата. С той стороны обширной равнины до них донеслись раскаты дьявольского хохота, и великан, в мгновение ока перемахнув через полуразрушенный барбакан, зашагал вниз по отвесному скалистому холму.

Когда он, скачками перемещаясь от склона к склону, приблизился, монахи ясно разглядели черты его огромного отталкивающего лица, искаженного злобой и яростью на весь человеческий род. Его нечесанные космы развевались на ветру, точно клубок черных питонов, обнаженная кожа пугала мертвенной бледностью, но под ней бугрились и перекатывались

огромные, как у Титана, мускулы. Выпученные глаза горели неистовым пламенем – ни дать ни взять два котла, бурлящие на огнях самой преисподней.

Весть о пришествии колосса вихрем леденящего ужаса молниеносно облетела монастырь. Многие братья, считавшие, что уповать не только на одного Господа будет надежнее, укрылись в каменных подвалах и склепах. Другие затаились в своих кельях, вознося бессвязные молитвы всем святым сразу. Третьи же, самые мужественные, все вместе собрались в часовне и преклонили колени в священной молитве перед деревянной фигурой Христа на огромном распятии.

Лишь Бернар со Стефаном, кое-как оправившиеся от тяжких побоев, отважились смотреть на передвижение гиганта. Каков же был их ужас, когда они обнаружили в грубых чертах его исполинского лица несомненное сходство с лицом злобного карлика, руководившего мрачным святотатственным действием в руинах Илурни, а в смехе великана, спускавшегося в долину, слышали грозовой отголосок гнусного хохота, который сопровождал их позорное изгнание из обители зла. Однако перепуганные монахи, полагавшие, что мерзкий гном на самом деле был демоном, решили, что он всего лишь принял свой истинный вид.

Колосс остановился в долине и устремил безумный взгляд горящих огнем глаз прямо в окна монастыря, сквозь которые Бернар и Стефан наблюдали за происходящим. Он вновь расхохотался, и смех его прозвучал подобно раздающемуся из-под земли грохоту; затем колосс наклонился, сгреб в пригоршню громадные валуны, словно обычную гальку, и принялся забрасывать ими монастырь. Валуны с грохотом обрушивались на каменные стены, точно выпущенные из гигантских боевых катапульт или баллист, но здание, выстроенное на совесть, устояло, хотя и содрогалось при каждом ударе.

Тогда колосс обеими руками расшатал исполинский валун, сидевший глубоко в земле на склоне холма, и, вскинув его над головой, швырнул в непокорное строение. Громадная глыба целиком разнесла стену часовни, и от тех, кто собрался внутри, осталось лишь кровавое месиво, усыпанное обломками расколотого распятия.

Затем, как будто считал ниже своего достоинства охотиться за столь незначительной добычей, колосс отвернулся от монастыря и дьявольским Голиафом с ревом двинулся по долине вглубь Аверуани.

Бернар и Стефан, все это время смотревшие в окно, увидели нечто такое, чего прежде не замечали: за плечами великана была привешена на веревке гигантская дощатая корзина, в которой, точно куклы в сумке коробейника, сидели десять человек – ученики и помощники Натэра.

О последующих блужданиях и бесчинствах колосса в Аверуани долго еще ходили бесчисленные легенды, беспримерно омерзительные истории сатанинского разгула, подобного которому не случалось на этой кишашей демонами земле на протяжении всей ее истории.

Пастухи, что стерегли свои стада на холмах у Илурни, видели его приближение и вместе со своими быстроногими питомцами бежали в поисках спасения на самые высокие хребты. На таких он обращал не слишком много внимания и попросту давил, как букашек, если они не успевали убраться с его пути. Двигаясь по течению горного ручья, дававшего начало реке Исуй, он вышел к границе леса; здесь, как рассказывают, он выдрал с корнем огромную вековую сосну и, голыми руками отломав толстые сучья, соорудил из нее дубину, с которой больше не расставался. Дубиной этой, что была тяжелее тарана, он разнес в щепы придорожную церквушку на краю леса. На пути ему попала небольшая деревенька, и он дьявольским ураганом промчался по ней, сбивая крыши домов, круша стены и топча беспомощных жителей.

Так он бродил весь день, охваченный безумным неистовством разрушения, точно мертвецки пьяный Циклоп. Волки в самом разгаре охоты бросали добычу и с жалобным воем скрывались в своих скальных убежищах. Охотничьи псы местных баронов не отваживались напасть на колосса и, скуля, забивались в свои конуры.

Люди слышали его громовой хохот и оглушительный рев за много лиг и при его приближении в страхе разбегались и прятались кто куда. Хозяева укрепленных замков сзывали под знамена своих вассалов, поднимали подвесные мосты и готовились к осаде. Крестьяне прятались в пещерах, подполах, в высохших колодцах и даже в стогах сена, надеясь, что страшный великан не заметит их и пройдет мимо. Церкви были переполнены беженцами, убежденными в том, что если не сам Сатана, то один из его ближайших приспешников вознамерился разграбить и опустошить страну, и уповавшими на божественную защиту святого креста.

Оглушительным, точно летний гром, голосом впавший в неистовство колосс изрыгал безумные проклятия, непристойную брань и чудовищные богохульства. Люди слышали, как он обращался к группке одетых в черное людей, которых нес в корзине за спиной, наставительным и поучительным тоном, – так учитель разговаривает с учениками. Те, кто помнил Натэра, улавливали невероятное сходство черт громадного лица и громоподобного голоса с чертами и голосом сбежавшего колдуна. По округе пошел слух, что отвратительный карлик, заключив нечестивую сделку с дьяволом, получил разрешение переселить свою черную душу в это великанское тело и в сопровождении учеников вернулся, дабы излить неукротимую ярость и безграничную злобу на мир, насмеявшийся над ним из-за непривлекательной внешности и порицавший его за колдовство. Немало было толков и касательно того, каким образом появилось на свет дьявольское воплощение Натэра, и, говорят, колосс во всеуслышанье объявлял, кто он такой.

Было бы слишком утомительно перечислять здесь все подробности его омерзительных деяний, все те изуверства, что приписывают разошедшемуся великану... Говорят, были люди, большей частью священники и женщины, которых он ловил, когда они пытались убежать, и отрывал им руки и ноги, как дети отрывают крылья мухам. Но были и еще более чудовищные вещи, о которых не стоит даже упоминать...

Многие очевидцы рассказывали о том, как злобный гигант расправился с Пьером, владельцем замка Френэ, который со своими людьми и собаками выехал в близлежащую рощу поохотиться на благородного оленя. Настигнув всадника, великан одной рукой сгреб его вместе с лошадью, поднял и, в несколько огромных скачков преодолев расстояние, отделявшее его от замка, шваркнул обоих о гранитные стены. Затем, поймав оленя, за которым гнался несчастный Пьер, гигант швырнул его вслед за ними, и долго еще на камнях багровели огромные кровавые пятна, и ни осенние дожди, ни зимние снега так и не смогли полностью их смыть.

Ходили также и бесчисленные истории о немислимых кошунствах и надругательствах, совершенных колоссом: о деревянной статуе Святой Девы, которую он сбросил в воды Иссуали у Ксима, привязав ее предварительно человеческими кишками к мертвому телу бесчестного преступника; о кишках червями трупах, которых он голыми руками выкопал из неосвященных могил и закинул во двор Перигонского монастыря бенедиктинцев; о церкви Святой Зиновии, которую он утопил вместе со священниками и прихожанами в нечистотах, собрав с окрестных ферм все навозные кучи.

8. Падение колосса

Туда-сюда, без какой-либо логики, передвигаясь зигзагами, точно пьяный, гигант без усталости шагнул по разоренной стране из конца в конец, из стороны в сторону, будто одержимый духом грабежа и убийства, оставляя за собой, точно жнец с каким-то ужасным серпом, бесконечный след разрушений, резни, ограблений. А когда кроваво-красное солнце, словно закопченное в дыму горящих деревень, опустилось за лес, он продолжил свои гнусные деяния в сумерках, и до людей по-прежнему доносились леденящие душу раскаты его безумного оглушительного смеха.

Гаспар дю Норд, подошедший к воротам Виона на закате, сквозь просветы в чаще древнего леса увидел далеко позади голову и плечи кошмарного великана, который двигался по течению Исуали, время от времени нагибаясь – по всей видимости, для того, чтобы совершить очередное злодеяние.

Гаспар, хотя и устал до полного изнеможения, ускорил шаг. Однако он не думал, что чудовище войдет в Вион, предмет особой ненависти и злобы Натэра, ранее следующего утра. Низкая душа злобного карлика, торжествующая в своей безграничной склонности к разрушению, наверняка должна отложить завершающий акт возмездия, дабы насладиться им в полной мере, а ночью продолжит терроризировать окрестные села и деревни.

Несмотря на отвратительные грязные лохмотья, в которых Гаспар стал практически неузнаваемым и приобрел исключительно непрезентабельный вид, стражники без лишних вопросов впустили его в городские ворота. Вион был уже наводнен обитателями близлежащих окрестностей, искавших защиты внутри спасительных городских стен, и ни одной даже самой сомнительной личности не отказывали в приюте. Вокруг стен выстроились солдаты с луками и копьями, готовые преградить вход великану. Арбалетчики заняли позиции над воротами, а вокруг бастионов плотно расставили баллисты. Город бурлил и гудел, как растревоженный улей.

Паника и полнейшая неразбериха царили в Вионе. Бледные перепуганные люди бестолково кружили по улицам. Скрученные наспех факелы мрачно горели в сумерках, которые зловеще сгустились, будто город накрыла тень крыльев приближающихся дьявольских птиц. Казалось, тьма буквально пропитана неосызаемым страхом и опутана паутиной удушающего ужаса. С трудом прокладывая себе дорогу в этом бушующем море безумия, Гаспар, подобно обессиленному, но упорному пловцу, что борется с волной первобытного липкого кошмара, медленно продвигался к своей мансарде.

Механически, не осознавая, что делает, он поужинал. Все его духовные и физические силы были истощены до предела, и он рухнул на свое узкое ложе, не сняв даже лохмотьев, пропитанных засохшей грязью, и заснул как убитый.

Разбудил его мертвенно-бледный лунный свет, лившийся сквозь занавешенное окно. Гаспар встал и остаток ночи занимался некими таинственными приготовлениями, которые были единственной надеждой одолеть дьявольское чудовище, созданное и оживленное злой волей Натэра.

Лихорадочно работая в свете заходящей луны и бледного огонька единственной свечи, юноша собрал различные алхимические вещества, которые у него имелись, и смешал из них темно-серый порошок, который на его глазах нередко применял Натэр. Бывший ученик колдуна рассудил, что колосс, созданный из костей и плоти мертвых, незаконно поднятых из своих могил, и движимый лишь душой мертвого волшебника, должен поддаться действию этого порошка, который Натэр использовал, чтобы возвращать в небытие воскрешенных им мертвецов. Если всыпать порошок в ноздри таких созданий, те мирно возвращались в свои могилы и вновь засыпали вечным сном.

Гаспар приготовил внушительное количество порошка, полагая, что одной щепотки, для того чтобы справиться с исполинским порождением склепа, будет недостаточно. Когда он закончил латинскую формулу страшного словесного заклинания, которая усиливала действие порошка, уже занимался бледный рассвет, и слабый огонек оплывшей свечи был практически неразличим. К формуле этой, вызывавшей к помощи Аластора и других злых духов, Гаспар прибегнул с большой неохотой, но иного выхода не было, ибо с колдовством можно бороться лишь колдовством еще более могущественным.

Новый день принес в Вион новые ужасы. Гаспар интуитивно чувствовал, что мстительный великан, который, по слухам, с нечеловеческой неутомимостью и неистощимой энергией всю ночь бродил по Аверуани, рано утром двинется в ненавистный город. Предчувствие его не обмануло, ибо едва он закончил свой труд, как снаружи донесся нарастающий гул и далекий рев гиганта, перекрывающий пронзительные крики насмерть перепуганной толпы.

Гаспар знал, что, если он хочет найти удобное место, откуда удастся всыпать порошок в ноздри стофутowego колосса, нельзя терять ни минуты. Городские стены и даже большинство церковных шпилей были недостаточно высоки, и после непродолжительных размышлений он решил, что главный собор, расположенный в самом центре Виона, – единственное подходящее здание, с крыши которого можно бросить вызов колдуну. Юноша был уверен, что солдаты вряд ли окажут чудовищу хоть сколько-нибудь серьезное сопротивление. Ни одно земное оружие не в силах было бы поразить столь громадное существо, к тому же воскрешенное по воле ада, ибо и продвижение ожившего мертвеца обычного размера невозможно остановить, даже с головы до ног утыкав его стрелами или пронзив дюжиной пик.

Юноша торопливо наполнил порошком вместительный кожаный кисет и, прицепив его к поясу, присоединился к взволнованной толпе на улицах. Многие спешили к собору, надеясь найти убежище в его священных стенах, и Гаспару оставалось лишь плыть по воле неистовствующего людского потока.

Неф был заполнен верующими, и священники, чьи голоса время от времени срывались от тщательно скрываемого страха, служили торжественные мессы. Не замеченный отчаявшейся толпой, Гаспар отыскал головокруглительно крутую винтовую лестницу, что вела на охраняемую горгульями крышу высокой башни собора.

Здесь он и устроился, затаившись за каменной фигурой грифона с головой кота. Из своей засады ему сквозь скученные шпили и фронтоны было хорошо видно приближающегося великана, чья голова и туловище маячили над городской стеной. Тучи стрел, различимые даже на таком расстоянии, взвились навстречу чудовищу, которое даже не остановилось, чтобы от них отмахнуться. Огромные валуны, полетевшие в него из баллист, очевидно, произвели на него не больше впечатления, чем галька, которой мальчишки швыряются в прохожих, а тяжелые стрелы арбалетов, застрявшие в его плоти, были всего лишь занозами.

Ничто не могло его остановить. Крошечные фигурки копьеносцев, пытавшихся противостать ему с оружием наперевес, снесло со стены над восточными воротами одним ударом семидесятифутовой сосны, которой он орудовал как дубинкой. Затем, очистив стену, великан перемахнул через нее и очутился в Вионе.

Рыча и заливаясь ликующим хохотом, точно обезумевший Циклоп, он зашагал по узким улочкам между домами, не достававшими ему даже до пояса, безжалостно топча всех, кто вовремя не скрылся с его пути, и молотя по крышам своей дубинкой. Одним взмахом левой руки он сносил щипцы, переворачивал церковные колокольни, и колокола, падая, звенели в жалобной тревоге. Хор горестных криков и безумных стенаний отмечал его путь.

Он шел прямо к собору, как и рассчитывал Гаспар: бывший ученик колдуна предвидел, что величественное здание навлечет на себя особенную злость колосса.

Улицы в мгновение ока опустели, но великан, точно желая выгнать людей из убежищ или сокрушить их прямо там, на ходу разбивал своей дубиной, словно тараном, стены, окна и

крыши домов. Разорение и опустошение, которые он оставлял за собой, не поддавались никакому описанию.

Вскоре он очутился перед соборной башней, где, спрятавшись за горгульей, поджидал его Гаспар. Голова великана оказалась вровень с вершиной башни, а глаза, когда он подошел ближе, яростно засверкали – точь-в-точь два колодца с горячей серой. Раскрытые губы, изогнувшиеся в злобной ухмылке, обнажили громадные, как сталактиты, клыки, и голосом, похожим на раскаты грома, он закричал:

– Эй вы, сопливые попы и верные овцы бессильного Бога! *Выходите и кланяйтесь великому Натэру, а не то я отправлю вас напрямиком в ад!*

Но тут Гаспар с несравненным мужеством вышел из-за своего укрытия и показался на глаза бушующему колоссу.

– Поди-ка сюда, Натэр, если это и вправду ты, гнусный разоритель могил и склепов, – дерзко крикнул он. – Подойди ближе, я хочу потолковать с тобой!

Сатанинская ярость, искажавшая великанские черты, сменилась гримасой чудовищного недоумения. Глядя на Гаспара с таким видом, словно не мог поверить своим глазам, гигант опустил занесенную дубину и подошел ближе к башне, так что лицо его очутилось всего в нескольких футах от бесстрашного студента. Затем, очевидно убедившись, что перед ним действительно его бывший ученик, колдун вновь разъярился, и глаза его полыхнули адским огнем, превратив лицо в маску дикой злобы. Его искривленная рука начала подниматься, а судорожно подергивающиеся пальцы потянулись к голове юноши, простирая над ним черную тень, затмившую яркое солнце. Гаспар увидел побелевшие лица ошеломленных учеников некроманта, которые выглядывали из дощатой корзинки через его плечо.

– Ты ли это, Гаспар, мой малодушный ученик? – оглушительно взревел колосс. – Я думал, ты гниешь в подземелье Илурни, и вдруг встречаю тебя на верхушке этого проклятого собора, который вот-вот разрушу!.. Тебе стоило бы остаться там, куда я тебя бросил, мой милый Гаспар!

Из гигантского рта на студента пахнуло затхлым духом склепа. Длинные пальцы великана с почерневшими ногтями размером с лопату каждый угрожающе застыли над ним. К тому времени Гаспар уже украдкой нащупал на поясе и развязал кисет. Когда кровожадно шевелящиеся пальцы нависли над ним, он вытряхнул содержимое кисета прямо великану в лицо, и темно-серое облако мелкого порошка скрыло из виду гигантские ухмыляющиеся губы и трепещущие ноздри.

С бешено бьющимся сердцем юноша ждал результата, страшась, что порошок все же окажется бессилен против изощренных хитростей Натэра и его сатанинской изобретательности. Но, точно по мановению волшебной палочки, едва чудовище вдохнуло магический порошок, злобный блеск в бездонных, как сама преисподняя, глазах потух. Исполинская рука, совсем чуть-чуть не дотянувшись до отважного юноши, безжизненно повисла вдоль тела. Выражение гнева стерлось с громадной перекошенной маски, точно с лица покойника, громадная дубина выскользнула из пальцев и с грохотом упала на мостовую; колосс развернулся спиной к собору и нетвердой походкой побрел по разоренному городу обратно. Ручищи его бесполезно свисали по бокам.

Он что-то сонно бормотал себе под нос на ходу, и люди, слышавшие его, клялись, что голос его больше не был ужасным громоподобным голосом Натэра, но в нем звучали интонации и говоры множества людей сразу, и среди них можно было различить голоса некоторых пропавших из могил мертвецов. А голос самого колдуна, ничуть не громче, нежели был при жизни, время от времени пробивался сквозь многоголосый хор, точно сердито против чего-то протестовал.

Перебравшись через восточную стену тем же манером, каким попал в город, колосс бродил туда-сюда на протяжении многих часов, не изливая больше свою ярость и злобу, но разыс-

кивая, как думали люди, все те могилы, из которых были так предательски подняты сотни тел, что составляли его исполинское тело. От склепа к склепу, от кладбища к кладбищу переходил он, ища успокоения по всему краю, но нигде не нашлось такой могилы, которая могла бы принять мертвого великана.

Потом, когда наступил вечер, люди увидели, как вдали, у красного горизонта, он голыми руками роет мягкую суглинистую землю на берегу реки Исуаль. Туда, в эту чудовищную собственноручно вырытую яму, он лег, чтобы больше уже не подниматься. Десять учеников Натэра, по слухам, не смогли выбраться из заплечной корзины, и их раздавило громадное тело колосса, ибо никого из них никогда больше не видели.

Много дней еще никто не осмеливался приблизиться к гигантскому трупу, и он гнил под летним солнцем, издавая чудовищное зловоние, вызвавшее мор в той части Аверуани. А те, кто все же решился подойти к нему с наступлением осени, когда запах стал слабее, утверждали, будто слышали исходивший от облюбованной воронами огромной туши голос Натэра, который все еще сердито протестовал против чего-то.

Что же до Гаспара дю Норда, ставшего спасителем провинции, рассказывают, что он дожил до преклонных лет, пользуясь всеобщим уважением, и был единственным в тамошних краях колдуном, кто ни разу не навлек на себя осуждение церкви.

Бог астероида

Путь человека через пропасти, что разделяют планеты, отмечен множеством трагедий. Один корабль за другим, точно отважные пылинки, исчезали в бесконечности – и не возвращались. По большей части канувшие в неизвестное исследователи, само собой, не оставили сведений о своей участи. Корабли их вспыхивали неведомыми метеорами в атмосфере далеких миров и бесформенными металлическими огарками обрушивались на земли, где не ступала нога человека, или же превращались в мертвые, застывшие спутники какой-нибудь планеты или луны. Быть может, некоторые из пропавших ракет и сумели где-то сесть, но их команды погибали тут же или некоторое время пытались выжить среди бесконечно враждебной стихии космоса, не предназначенной для людей.

Позднее, по мере того как разведчики сумели продвинуться дальше, было обнаружено немало таких останков ранних экспедиций, одиноко вращающихся на своей орбите; обломки других были замечены на внеземных берегах. Иногда – нечасто – удавалось восстановить подробности одинокой, далекой трагедии. Порой в оплавленном, покореженном корпусе находили сохранившийся бортовой журнал или записки. Среди прочих случаев известна история «Селенита», первой известной ракеты, осмелившейся проникнуть в пояс астероидов.

К моменту ее исчезновения пятьдесят лет тому назад, в 1980 году, организовали уже десять экспедиций на Марс, и на Большом Сырте устроили ракетодом с маленькой постоянной колонией землян. Все обитатели колонии были серьезными учеными и в то же время чрезвычайно закаленными и физически сильными людьми.

Марсианский климат, а также полное отчуждение от привычных условий, как и следовало ожидать, оказывали чрезвычайно тяжелое, подчас катастрофическое влияние. Обитателям колонии приходилось непрерывно вести борьбу со смертельно опасными или просто вредоносными бактериями, неизвестными науке, постоянным воздействием пагубного излучения почвы, воздуха и солнца. Более слабая гравитация тоже играла свою роль, вызывая странные и необратимые нарушения метаболизма. Но страшнее всего были неврологические и психические проблемы. Среди персонала базы начали развиваться странные, иррациональные вспышки враждебности, маний, фобий, которые алиенистам так и не удалось классифицировать.

Между людьми, которые обычно были сдержанны и учтивы, случались яростные стычки. Колония, состоявшая из пятнадцати человек, вскоре разделилась на несколько клик, и каждая враждовала со всеми остальными; это нездоровое противостояние по временам приводило к настоящим дракам и даже к кровопролитию.

В одну из таких клик входили Роджер Кольт, Фил Гершом и Эдмонд Беверли. Эти трое, странным образом сдружившись, стали совершенно невыносимы для всех прочих. Похоже было, что они подступили вплотную к черте сумасшествия и дошли до настоящего бреда. Как бы то ни было, они пришли к выводу, что на Марсе, с его пятнадцатью землянами, чересчур многолюдно. Озвучив эту идею самым оскорбительным и воинственным тоном, они также принялись намекать, что намереваются уйти дальше в космос.

Все прочие эти их намеки всерьез не принимали, поскольку троих человек было недостаточно для нормального управления даже самым небольшим из тогдашних ракетных кораблей. Так что Кольту, Гершому и Беверли не составило ни малейшего труда похитить «Селенит», меньший из двух кораблей, что стояли тогда на базе Большого Сырта. В одну прекрасную ночь их товарищи-поселенцы проснулись от пушечного грохота стартующих двигателей и, выбежав наружу из своих домиков листового железа, только и успели, что проводить взглядом огненную стрелу, уходящую в сторону Юпитера.

Догнать их даже не пытались; однако этот инцидент помог оставшимся двенадцати прийти в себя и утихомирить нездоровые раздоры. Судя по отдельным репликам, брошенным мятежниками, их целью были Ганимед либо Европа, – считалось, что на обоих спутниках имеется атмосфера, пригодная для дыхания. Однако казалось весьма сомнительным, что они сумеют миновать опасный пояс астероидов. Помимо того что проложить курс между бесчисленных небесных тел, разбросанных в космическом пространстве, было не так просто, на «Селените» не имелось достаточно топлива и припасов для столь длительного путешествия. Гершом, Колът и Беверли в своем безумном порыве поскорее расстаться с прочими не удосужились рассчитать, что необходимо для подобного полета, и полностью позабыли об ожидающих их опасностях.

После прощальной вспышки в марсианских небесах «Селенит» так больше никто и не видел; и на протяжении тридцати лет судьба его оставалась загадкой. Позднее, в ходе экспедиции Хольдейна к астероидам, истерзанные обломки ракетного корабля были обнаружены на крохотной далекой Фокее.

В момент прибытия экспедиции Фокея находилась в точке афелия. На ней, как и на прочих малых планетах, была обнаружена атмосфера, слишком разреженная, чтобы ею можно было дышать. Оба полушария были покрыты тонким слоем снега, и в этом-то снегу исследователи, огибавшие крохотную планетку, и разглядели «Селенит».

Увиденное их заинтересовало: форма холмика, частично засыпанного снегом, была вполне узнаваемой и не походила на разбросанные вокруг скалы. Хольдейн отдал приказ совершить посадку, и несколько человек в скафандрах вышли наружу, чтобы осмотреть находку. Обломки вскоре были опознаны как давно пропавший «Селенит».

Заглянув в один из толстых, небьющихся неохрустальных иллюминаторов, они встретились взглядом с пустыми глазницами человеческого скелета, привалившегося к стенке опрокинутого корабля, нависающей над поверхностью астероида. Казалось, скелет ехидно ухмыляется, приветствуя исследователей. Корпус корабля частично врылся в каменистую почву, смялся и даже слегка оплавился при падении, однако не раскололся. Крышку люка заклинило намертво, так что попасть внутрь без газового резака было невозможно.

Громадные засохшие криптогамные растения, которые смахивали на лозы и осыпались от первого прикосновения, оплетали корпус корабля и скалы по соседству. В легком снегу под иллюминатором, подле которого застыл на страже скелет, лежало множество изломанных тел, принадлежавших инсектоидам, похожим на гигантских палочников. Судя по расположению их тощих, трубкообразных конечностей, длиннее, чем у человека, они, видимо, были прямоходящими. Существа эти выглядели невообразимо гротескными, и благодаря почти отсутствующей гравитации их телосложение оказалось пористым и фантастически эфемерным. Позднее в других районах малой планеты было обнаружено еще больше тел подобного типа, однако ни единого живого существа исследователи не нашли. Очевидно, все живое погибло в разгар сверхполярной зимы, когда Фокея пребывала в афелии.

Внутри «Селенита» экспедиция узнала из найденного на полу то ли бортового журнала, то ли дневника, что скелет – все, что осталось от Эдмонда Беверли. Двое его спутников исчезли бесследно; однако же из бортового журнала сделалась известна и их судьба, и последующие мытарства Беверли вплоть почти что до самого момента его смерти от непонятных и необъясненных причин.

Повесть эта странна и трагична. Судя по всему, Беверли вел записи день за днем, с самого отбытия с Большого Сырта, тщась сохранить подобие мужества и умственного равновесия посреди черного одиночества и дезориентации в бесконечности. Здесь я привожу его записки полностью, опустив лишь наиболее ранние отрывки, изобилующие ненужными деталями и враждебными выпадами в адрес других людей. Все ранние записи датированы, и Беверли предпринимал героические усилия, чтобы как-то вести счет дням в космической пустоте, лишен-

ной всяких примет земного времени. Однако после катастрофической посадки на Фокею он эти попытки бросил, так что о периоде, в течение которого он вел эти записи, остается лишь догадываться.

Бортвой журнал

10 сентября. Марс сделался всего лишь тускло-багровой звездой в наших кормовых иллюминаторах; согласно моим расчетам, вскоре мы должны оказаться на орбите ближайших астероидов. Юпитер с его лунами, по всей видимости, так же далек, как и прежде, подобно маякам на недостижимых берегах бесконечности. Я сильнее даже, чем поначалу, испытываю эту ужасную, удушающую иллюзию, которой всегда сопровождаются космические путешествия: как будто мы висим неподвижно в застывшей пустоте.

Гершом, однако, жалуется на проблемы с равновесием, сильное головокружение и преследующее его ощущение, будто он падает, словно бы наш корабль с невероятной скоростью летит в бездонную пропасть. Причина подобных симптомов неясна: с регуляторами искусственной гравитации все в порядке. Мы с Кольтом ничего подобного не испытываем. Помоему, ощущение падения было бы и то лучше, чем эта кошмарная иллюзия полной неподвижности; однако Гершом, судя по всему, сильно подавлен и сетует, что эти галлюцинации у него все ярче, а периоды нормального состояния все реже и короче. Он опасается, как бы это ощущение не стало постоянным.

11 сентября. Кольт подсчитал запасы топлива и провизии и полагает, что при условии разумной экономии нам должно хватить и того и другого, чтобы долететь до Европы. Я перепроверил его расчеты и нахожу, что он чересчур оптимистичен. По моим прикидкам, топливо закончится, когда мы будем посреди пояса астероидов, хотя пищи, воды и сжатого воздуха и впрямь могло бы хватить почти до самой Европы. Придется мне скрывать эту новость от остальных. Возвращаться поздно. Я уже не понимаю, не сошли ли мы все с ума, отправившись наобум в странствие по космической бесконечности, толком не подготовившись и не подумав о последствиях. Кольт, судя по всему, утратил даже способность к математическим вычислениям: его расчеты полны самых чудовищных ошибок.

Гершом не может спать и не способен даже стоять на вахте в свою очередь. Галлюцинации падения преследуют его непрерывно, и он вопит от ужаса, думая, что ракета вот-вот рухнет на какую-то темную неведомую планету, к которой ее влечет неодолимое тяготение. Ему очень трудно есть, пить и передвигаться, он жалуется, что не может даже дышать как следует, потому что от стремительного падения задыхается. Состояние его в самом деле мучительно и жалостно.

12 сентября. Гершому хуже. Ни бромид калия, ни даже сильная доза морфия из корабельной аптечки ему не помогли и не дали возможности уснуть. Он выглядит как утопающий, словно вот-вот задохнется. Ему тяжело говорить.

Кольт весьма мрачен и угрюм и постоянно огрызается, когда я к нему обращаюсь. Думаю, состояние Гершома сильно действует ему на нервы – как, впрочем, и мне. Однако мне тяжелее, чем Кольту: я-то ведь знаю о неизбежном конце, который ждет нашу безумную и злополучную экспедицию. Иногда хочется, чтобы все закончилось поскорее... Ад, что таится в глубинах человеческого рассудка, бесконечней космоса, темней, чем ночь, царящая в межпланетном пространстве... и мы, все трое, провели несколько вечностей в аду. Наша попытка к бегству всего лишь ввергла нас в черный, безбрежный лимб, где мы обречены претерпевать свои собственные вечные муки.

Я, как и Гершом, не в состоянии спать. Но меня, в отличие от него, терзает иллюзия вечной неподвижности. Несмотря на ежедневные расчеты, которые подтверждают, что мы продвигаемся вперед сквозь бездну, я никак не могу себя убедить, что мы не стоим на месте. Мне кажется, мы парим в пустоте, точно гроб Мухаммеда, далекие равно от Земли и от звезд, в

неизмеримо огромном пространстве без ориентиров и направлений. Я не в состоянии описать, насколько это ужасно!

13 сентября. Пока я был на вахте, Кольт залез в аптечку и ухитрился накачаться морфием. Когда наступила его очередь дежурить, оказалось, что он в ступоре, и, что я ни делал, растолкать его так и не удалось. Гершому сделалось намного хуже, – казалось, будто он переживает тысячу смертей разом. Мне же ничего не оставалось, как стоять на вахте, пока я в силах. В любом случае я включил автопилот, чтобы корабль продолжал лететь прежним курсом, даже если я усну.

Не знаю, долго ли я бодрствовал – и сколько времени я проспал. Проснулся я от странного шипения, природу и причину которого поначалу определить не смог. Оглядевшись, я увидел, что Кольт лежит в подвесной койке, по-прежнему пребывая в наркотическом забытии. Потом я обнаружил, что Гершом исчез, – и начал понимать, что шипение исходит от шлюза. Внутренняя дверца шлюза была надежно заперта – однако, очевидно, кто-то отворил внешний люк, и шипел уходящий воздух. Звук становился все слабее и вот прекратился совсем.

Я наконец понял, что произошло: Гершом, не в силах более выносить свои жуткие галлюцинации, взял и выбросился из «Селенита» наружу! Я кинулся к кормовым иллюминаторам и увидел его тело – с бледным, несколько раздутым лицом и открытыми, выпученными глазами. Оно преследовало нас, точно спутник, сохраняя расстояние в десять-двенадцать футов от кормы. Я мог бы надеть скафандр и попытаться достать тело, но я был уверен, что Гершом мертв, и такое усилие казалось более чем бесполезным. Поскольку утечки воздуха изнутри не наблюдалось, я не стал даже пытаться закрыть люк.

Надеюсь, Гершом ныне пребывает в мире, и всей душой об этом молюсь. Он будет вечно плавать в космическом пространстве – и в иной пустоте, где нет места мукам человеческого сознания.

15 сентября. Мы кое-как держим прежний курс, хотя Кольт слишком деморализован и одурманен наркотиком, так что от него нет никакого проку. Страшно подумать, что с ним будет, когда наши скромные запасы морфия иссякнут.

Труп Гершомы по-прежнему летит за нами, влекомый слабым тяготением корабля. Видимо, Кольта в редкие моменты просветления это приводит в ужас: он все жалуется, что мертвец преследует нас. Да мне и самому не по себе – я не знаю, сколько еще выдержат мои нервы и разум. Иногда мне кажется, что и у меня развивается тот же бред, который терзал Гершомы и в конце концов довел его до смерти. На меня накатывает жуткое головокружение, и я боюсь, что вот-вот начну падать. Но мне каким-то образом удается сохранять равновесие.

16 сентября. Кольт извел весь морфий и начинает выказывать признаки глубокой депрессии и неконтролируемой нервозности. Его страх перед трупом-спутником доходит до одержимости, и мне нечем его успокоить. А он еще вбил себе в голову жуткую, суеверную идею.

– Я вам говорю, Гершом нас зовет! – твердил он. – Он не хочет оставаться один там, в черной, ледяной пустоте; и он не отвяжется от корабля, пока один из нас к нему не присоединится. Ступайте к нему, Беверли! Либо вы, либо я! Иначе он станет преследовать «Селенит» вечно.

Я пытался его урезонить, но тщетно. Он накинулся на меня во внезапном припадке маниакальной ярости.

– Если добром не пойдете, я вас своими руками выброшу, черт бы вас подрал! – завизжал он.

Я сидел за пультом управления «Селенита», и он бросился на меня, царапаясь и кусаясь, точно взбесившийся зверь. Он почти одолел меня, потому что дрался с дикой, отчаянной силой безумца... Мне не хочется писать о том, что было дальше, меня тошнит от одного воспоминания... В конце концов он ухватил меня за глотку, впился мне в горло пальцами с острыми ногтями, которые я не мог разжать, сколько ни пытался, и принялся всерьез меня

душить. Обороняясь, я вынужден был пристрелить его из автоматического пистолета, который ношу в кармане. Когда я пришел в себя, пошатываясь и переводя дух, я увидел перед собой распростертое тело и багровую лужу, расплзающуюся по полу.

Каким-то образом я ухитрился влезть в скафандр. Волоча Кольта за шиколотки, я дотащил его до внутренней двери шлюза. Стоило мне ее открыть, уходящий наружу воздух так и швырнул меня к открытому внешнему люку вместе с трупом; мне стоило немалого труда удержаться на ногах и не вылететь в космическое пространство. Тело Кольта, развернувшись, застряло поперек люка; пришлось выпихивать его наружу руками. Потом я захлопнул за ним люк. Вернувшись внутрь, я увидел, как оно, бледное и раздутое, парит бок о бок с трупом Гершома.

17 сентября. Я остался один – но, как это ни ужасно, меня преследуют и сопровождают мертвецы. Как я ни стараюсь сосредоточиться на безнадежной проблеме выживания, на сложностях космической навигации – тщетно. Я постоянно ощущаю присутствие этих застывших, вздувшихся тел, что плывут в жутком молчании вакуума, под белым безвоздушным солнцем, заливающим их запрокинутые лица своим светом, белесым, точно проказа. Я стараюсь смотреть на приборную панель, на звездные карты, на журнал, который веду, на звезды, к которым лечу... Однако страшный, неодолимый магнетизм заставляет меня то и дело машинально, беспомощно оборачиваться к кормовым иллюминаторам. Для того, что я думаю и испытываю, просто нет слов – все слова потеряны для меня вместе с планетами, которые я оставил так далеко позади. Я тону в хаосе головокружительного ужаса, лишенный всякой надежды на возвращение.

18 сентября. Я вхожу в зону астероидов – этих пустынных скал, фрагментарных и бесформенных, что вращаются, разделенные огромными расстояниями, между Марсом и Юпитером. Сегодня «Селенит» прошел довольно близко от одного из них – крохотного небесного тела, похожего на оторванную от земли гору, которую взяли и забросили в небеса вместе с ее острыми как нож утесами и черными ущельями, что рассекают ее словно бы насквозь. Еще несколько мгновений – и «Селенит» рухнул бы на нее, не включи я задний двигатель и не отверни резко вправо. В итоге я прошел так близко к планетке, что тела Кольта и Гершома оказались в зоне ее притяжения; когда корабль уже был вне опасности и я посмотрел назад, на удаляющиеся скалы, оба тела исчезли из виду. В конце концов я разглядел их в зеркальный телескоп: подобно микроскопическим лунам, они вращались в космосе вокруг этого жуткого, голого астероида. Вероятно, они будут летать там вечно или же постепенно начнут сужать круги и в конце концов упокоятся в одной из неприятных, бездонных расселин.

19 сентября. Я миновал еще несколько астероидов – неправильных фрагментов, чуть крупнее обычных метеоритов; и мне потребовалось все мое штурманское искусство, чтобы избежать столкновения. Из-за необходимости постоянно быть начеку я вынужден непрерывно бодрствовать. Но рано или поздно сон все же одолеет меня, и тогда «Селенит» непременно разобьется и погибнет.

В конце концов, не так уж это и важно: конец неизбежен и в любом случае близок. Запасы пищевых концентратов и баллоны со сжатым кислородом позволили бы мне протянуть еще много месяцев – ведь, кроме меня, на них никто не претендует. Но топливо уже почти на исходе – я знаю, ранее я уже проводил расчеты. В любой момент двигатели могут отключиться. А тогда корабль сможет лишь дрейфовать в этом космическом лимбе, бессильно и беспомощно, пока не встретит свою судьбу на каком-нибудь астероидном рифе.

21 сентября (?). Вот и случилось то, чего я ожидал, – и тем не менее благодаря какому-то чуду – а вернее, несчастному случаю – я до сих пор жив.

Топливо иссякло вчера (по крайней мере, я думаю, это было вчера). Но мои физические и душевные силы были в надире, и я даже не сразу осознал, что двигатели смолкли. Я смертельно хотел спать и был далеко за пределами всякой надежды и отчаяния. Я смутно помню, как чисто

машинально, силой привычки переключил приборы в автоматический режим, пристегнулся к подвесной койке и мгновенно уснул.

У меня нет возможности определить, сколько времени я проспал. Смутно, точно из пропасти за пределами снов, я услышал грохот, словно бы далекий гром, и ощутил мощный толчок, который вынудил меня кое-как пробудиться. Пока я мало-помалу приходил в себя, меня начало тяготить ощущение неестественного, жгучего жара; но, приподняв свинцовые веки, я поначалу не мог сообразить, что же случилось на самом деле.

Повернув голову и выглянув наружу сквозь один из иллюминаторов, я, вздрогнув от неожиданности, увидел на фоне черно-лилового неба ледяной, сверкающий горизонт зубчатых скал.

Какое-то мгновение я думал, что мой корабль вот-вот разобьется о некую приближающуюся планетку. Но потом я в ошеломлении осознал, *что корабль уже разбился!* Что от сна, больше похожего на кому, меня пробудило падение «Селенита» на один из этих голых космических островков.

Теперь-то я полностью очнулся и торопливо отстегнул ремни койки. Пол, как выяснилось, резко накренился, словно «Селенит» лежал на склоне или же зарылся носом в инопланетную почву. Ощущая странную, пугающую легкость, с трудом касаясь ногами пола после каждого шага, я подошел к ближайшему иллюминатору. Очевидно, в результате падения искусственная гравитация корабля вышла из строя, и теперь на меня действовала лишь еле заметная гравитация астероида. Мне казалось, будто я легкий и бесплотен, как облако, – будто я не более чем воздушный призрак себя былого.

Пол и стены были необычайно горячими – и меня осенило, что корабль мог нагреться, проходя сквозь атмосферу. А значит, хоть какой-то воздух тут, на астероиде, имеется – это небесное тело не совсем лишено атмосферы, как принято думать. Вероятно, астероид этот не так уж мал, диаметром в несколько миль – а может стать, и в сотни миль. Однако даже это открытие не подготовило меня к тому странному, удивительному пейзажу, что открылся мне в иллюминаторе.

Горизонт с зубчатыми пиками, похожий на горную цепь в миниатюре, находился в нескольких сотнях ярдов. Над ним маленькое, но ослепительно-яркое солнце, точно пылающая полная луна, стремительно садилось на темном небе, где проступали все крупные звезды и планеты.

«Селенит» рухнул в неглубокую долину и наполовину зарылся носом и нижней частью в почву, состоящую из раздробленного камня, по большей части базальта. Повсюду высились источенные хребты, бороздчатые столпы и башенки; и, что самое удивительное, по всему этому карабкались хрупкие, трубчатые, безлистые лианы с широкими желто-зелеными усиками, плоскими и тонкими, как бумага. Эфемерные на вид лишайники выше человеческого роста, похожие на лосиные рога, росли где в ряд, где купами вдоль долины, над ручейками, сверкавшими, как расплавленный лунный камень.

Сквозь заросли лишайника я увидел приближение неких живых существ – они возникли из-за скал в центре долины легко и стремительно, как прыгающие насекомые. Существа передвигались длинными, летящими шагами, одновременно легкими и резкими.

Существ было пять. Их, несомненно, привлекло падение «Селенита», и они явились посмотреть. В считанные мгновения они подошли к кораблю и застыли перед ним с той же непринужденной легкостью, которой отличались все их движения.

Что это за существа на самом деле, я не знаю; однако за неимением иных аналогий я уподобил бы их насекомым. Выпрямившись во весь рост, они возвышались на добрые семь футов. Их глаза, фасетчатые опалы на конце изогнутых выдвижных стебельков, оказались вровень с иллюминатором. Невероятно тонкие конечности, жердеобразные тела, похожие на палочников, были покрыты серо-зелеными чешуйками. Их треугольные головы были окаймлены

огромными перфорированными мембранами и снабжены ртами со жвалами, которые, казалось, непрерывно ухмылялись.

Думаю, они увидели меня этими своими странными глазами, лишенными всякого выражения, ибо они подступили ближе и прислонились к самому иллюминатору – я мог бы коснуться их рукой, будь иллюминатор открыт. Может, и они тоже были изумлены: тонкие стебельки, на которых сидели их глаза, будто удлинились; существа как-то странно замахали чешуйчатыми руками, задвигали жвалами, будто бы переговариваясь друг с другом. Через некоторое время они ушли и стремительно исчезли за близким горизонтом.

После этого я как можно тщательней осмотрел «Селенит», оценивая ущерб. Я думаю, внешний корпус смялся, а местами даже оплавился: надев скафандр и подойдя к внешнему люку, чтобы попробовать выйти на поверхность планеты, я обнаружил, что не в силах его открыть. Таким образом, оказалось, что я не могу покинуть корабль: у меня нет инструмента, которым можно было бы прорезать прочный металл или разбить толстые неохрустальные иллюминаторы. Итак, я заточен в «Селените», точно в тюрьме; и тюрьма эта со временем делается моей могилой.

Позднее. Я больше не буду пытаться ставить даты в этих записях. В нынешних обстоятельствах невозможно даже приблизительно определить текущее земное время. Все хронометры встали, их механизмы безнадежно испортились при падении корабля. День на этой планетке длится, по всей видимости, никак не более часа или двух; ночи так же коротки. Стоило мне закончить предыдущую запись, тьма накрыла долину, точно взмах черного крыла, и с тех пор успело миновать столько этих мимолетных дней и ночей, что я сбился со счета. Мое собственное ощущение времени спутывается все сильнее. Теперь, когда я немного свыкся со своим положением, короткие дни тянутся невыразимо скучно.

Существа, которых я называю палочниками, вернулись к «Селениту». Они приходят каждый день и приводят с собой десятки и сотни других. Похоже, они в какой-то степени соответствуют человечеству: доминирующая форма жизни на этой крохотной планетке. В основном они чужды и непостижимы; однако же некоторые их поступки имеют отдаленное сходство с человеческими и предполагают наличие сходных побуждений и инстинктов.

Очевидно, что им интересно. Они огромными толпами собираются вокруг «Селенита», разглядывая его своими глазами на стебельках, ощупывая корпус и иллюминаторы своими хлипкими конечностями. Кажется, они пытаются наладить со мной нечто вроде контакта. Я не уверен, что они издают звуки: корпус корабля звуконепроницаем; но я уверен, что эти неуклюжие жесты, похожие на сигналы семафора, которые они повторяют в определенном порядке напротив иллюминатора всякий раз, как видят меня, имеют вполне конкретный, осознанный смысл.

Кроме того, в их поведении мне мерещится подлинное благоговение, подобное тому, с каким дикари встречали бы таинственного посланца небес. Каждый день, собираясь у корабля, они приносят странные губчатые плоды и пористые растения, которые оставляют на земле как жертвоприношения. Судя по их жестам, они, кажется, умоляют меня принять их дары.

Как ни странно, за ночь эти плоды и овощи в самом деле исчезают. Их пожирают огромные светящиеся летучие создания с прозрачными крыльями, судя по их поведению – сугубо ночные. Однако, несомненно, палочники полагают, будто их приношения принимаю я, непонятный зазвездный бог.

Как же все это странно, нереально, эфемерно... Утратив нормальную гравитацию, я ощущаю себя призраком; и мне кажется, будто я обитаю в призрачном мире. Мои мысли, мои воспоминания, мое отчаянье – все это не более чем дымка, реющая на грани забвения. И тем не менее – о фантастическая насмешка судьбы! – мне поклоняются, точно богу!

Бесчисленное множество дней миновало с тех пор, как я сделал последнюю запись в этом журнале. На астероиде происходит смена времен года: дни делаются короче, ночи длиннее; долина становится по-зимнему голой. Хрупкие, плоские лианы на скалах увядают; высокие кусты, смахивающие на лишайники, окрасились в угрюмые осенние цвета, темно-багряный и блекло-фиолетовый. Солнце проплывает над зубчатым горизонтом по низкой, пологой дуге, и его шар стал совсем маленьким и тусклым, словно уходит куда-то вдаль, в черную пропасть меж звезд.

Обитатели астероида появляются реже, их теперь меньше, и их жертвенные дары скудны и немногочисленны. Они больше не приносят плодов, похожих на губки, – лишь бледные пористые грибы, которые, похоже, растут в пещерах.

Передвигаются они медленно, как если бы зимний холод мало-помалу сковывал их. Вчера трое, возложив свои дары, упали наземь и остались лежать у корабля. Они больше не двигаются, и я почти уверен, что они мертвы. Светящиеся ночные создания больше не прилетают, и жертвоприношения остались лежать нетронутыми рядом с принесшими их.

Сегодня до меня дошел весь ужас моего положения. Палочники больше не приходят. Я думаю, все они умерли – эфемерные обитатели этой крохотной планеты, что несет меня с собой в некий арктический ад Солнечной системы. Несомненно, их жизненный цикл привязан к лету – к тому периоду, когда астероид находится в перигелии.

В темном воздухе собрались прозрачные облака, и на землю падает мелкая снежная пыль. Навалилась невыносимая безысходность – тоска и одиночество, описать которые я не в силах. Система отопления «Селенита» все еще в полном порядке, так что холоду до меня не добраться. Но дух мой окутан черным инеем космического пространства. Даже странно – пока эти разумные насекомые приходили ко мне каждый день, я все же не чувствовал себя настолько заброшенным и одиноким. А теперь, когда они больше не приходят, меня как будто охватывает крошечный ужас одиночества, ледяной страх полного отчуждения в жизни и в смерти. Не могу больше писать, разум и сердце отказываются мне служить.

И все-таки, похоже, я еще жив – жив после целой вечности тьмы и безумия на борту корабля, смерти и зимы за его пределами. Все это время я ничего не писал; сам не знаю, какие смутные побуждения заставили меня вновь вернуться к этой привычке, столь иррациональной и бесполезной.

Я думаю, что это солнце, которое все выше и дольше встает над мертвым ландшафтом, призвало меня назад из бездн отчаяния. Снег на скалах растаял, повсюду текут ручейки и стоят лужи; а из песчаной почвы пробиваются всходы неведомых растений. Они крепнут и набухают прямо на глазах. Сам я вне пределов надежды, вне жизни, в некоем странном вакууме; но я наблюдаю за этими переменами, как пленник, приговоренный к казни, наблюдает из своей тюрьмы за приходом весны. Они будят во мне чувства, от которых у меня даже названия не осталось.

Мои запасы еды почти на исходе, а запас сжатого воздуха и того меньше. Я боюсь рассчитывать, на сколько еще его хватит. Я уже пытался разбить неохрустальные иллюминаторы тяжелым разводным ключом вместо молотка. Но удары бессильны, как касание перышка, – очевидно, отчасти потому, что сам я ничего не вешу. В любом случае, по всей вероятности, воздух снаружи слишком разрежен, чтобы человек мог им дышать.

Возле корабля снова появились разумные палочники. Судя по тому, что они меньше ростом, ярче окрашены и отдельные конечности у них недоразвиты, все они представляют собой новое поколение. Никто из моих бывших визитеров не пережил зиму; однако новые палочники, похоже, взирают на «Селенит» и меня с тем же любопытством и благоговением,

что и старшее поколение. Они тоже начали приносить мне в дар невесомые на вид плоды и усеивают землю перед иллюминатором полупрозрачными цветами... Интересно, как они размножаются и как передают знания от одного поколения другому...

Плоские, лишайникоподобные лианы оплетают скалы, ползут по корпусу «Селенита». Молодые палочки каждый день собираются, чтобы поклониться мне, – они делают эти загадочные жесты, которых я так и не понял, и стремительно кружатся вокруг корабля, исполняя нечто вроде священной пляски... Я, потерянный и обреченный, сделался богом для двух поколений! Несомненно, они станут поклоняться мне и тогда, когда я буду мертв. Кажется, воздух уже заканчивается – сегодня голова у меня кружится сильнее обычного и как-то странно сдавливает горло и грудь...

Возможно, у меня легкий бред, и мне уже мерещится всякое; но я только что обратил внимание на странный феномен, которого прежде не замечал. Не знаю, что это такое. Тонкий столп тумана, движущийся и извивающийся, точно змея, отливающий опаловыми цветами, которые то и дело меняются, появился между скал и приближается к кораблю. Он похож на живое существо – существо, сотканное из пара, – и почему-то выглядит ядовитым и враждебным. Он скользит вперед, вздымаясь над толпой палочников, которые все простерлись ниц, словно бы в ужасе. Теперь я вижу его отчетливей: он полупрозрачный, среди его изменчивых оттенков виднеется паутина серых нитей; и он выбросил вперед длинное колеблющееся щупальце.

Это какая-то редкая форма жизни, неизвестная земной науке; не могу даже предположить, какова его природа и свойства. Быть может, она единственная в своем роде на всем астероиде. Несомненно, она только что обнаружила присутствие «Селенита» и явилась сюда из любопытства, как и палочки.

Щупальце коснулось корпуса – оно дотянулось до неохрустального иллюминатора, возле которого я стою и пишу эти строки. Серые нити внутри щупальца вдруг словно бы вспыхнули огнем. Боже мой! Оно... *оно проникло внутрь...*

Мандрагоры

Колдун Жиль Гренье, прибывший с женой Сабиной в низинную Аверуань из мест неведомых или, по крайней мере, неустойчивых, место для хижины выбрал тщательно.

Выстроил он ее возле болот, откуда из великого леса обмелевшие воды реки Исуаль вытекали в забитые камышом протоки и заросшие осокой пруды, покрытые пеной, словно ведьминым маслом. Хижина стояла среди ивняка и ольхи на пригорке; между ней и болотом на суглинистом низком лугу колосились приземистые толстые стебли и кудрявые листья мандрагоры – в таком изобилии и таких размеров, какие не встречались нигде во всей провинции, где колдовство всегда было в почете. Мясистые раздвоенные корни этого растения – которые некоторым кажутся похожими на людей – применялись Жилем и Сабиной для варки любовных зелий. Эти зелья, приготовленные с великим тщанием и искусством, вскоре прославились среди деревенских жителей, и даже представители благородных сословий не чурались тайно посетить ради них хижину колдуна. Люди говорили, что зелья способны разжечь огонь в самой холодной груди и растопить броню самой суровой добродетели. Как следствие, спрос на столь действенный целебный настой был весьма высок.

Муж с женой продавали также другие снадобья и травы для гаданий и ворожбы; вдобавок считалось, что Жиль умеет толковать звездные знамения. Весьма странно, что в пятнадцатом веке, когда колдовство повсеместно порицалось, репутацию Жили с женой никак нельзя было назвать дурной или сомнительной. Их ни разу не обвинили в колдовстве, а поскольку сваренное ими зелье поспособствовало заключению немалого количества законных браков, местное духовенство смотрело сквозь пальцы на множество недозволенных связей, имевших своим источником все ту же субстанцию.

Были и те, кто поначалу поглядывал на Жилия косо, кто шептался, что он-де прибыл из Блуа, где все, носившие фамилию Гренье, издавна считались оборотнями. Их смущала чрезмерная волосатость колдуна, чьи руки поросли черной шерстью, а борода доходила до самых глаз. Подобные обвинения, однако, были ни на чем не основаны, ибо иных признаков ликантропии Жиль не выказывал. И со временем по причинам, указанным выше, наветы клеветников забылись, уступив место всеобщему уважению.

Впрочем, даже покровители странной пары знали о них немного, ибо Жиль с Сабиной проявляли сдержанность, присущую тем, кто имеет дело с чарами и тайными знаниями. Сабина, миловидная женщина с серо-голубыми глазами и соломенными волосами, ничуть не походила на ведьму и была гораздо моложе Жилия, на чьей иссиня-черной шевелюре и бороде время уже оставило белые отметины. Те, кто посещал хижину колдуна, болтали, что нередко слышали из уст Сабины громкую брань, обращенную к мужу, однако люди скоро обратили это в шутку, приговаривая, что неплохо бы тем, кто варит любовное зелье, почаще самим к нему прибегать. Помимо этих слухов и сплетен, сказать о странной паре было нечего. Какими бы ни были их супружеские разногласия – мелкими или серьезными, – популярности волшебных снадобий это не уменьшало.

Поэтому никого особенно не удивило, когда спустя пять лет после прихода колдуна с женой в Аверуань соседи и алчущие любовного зелья посетители заметили, что Жиль живет один. В ответ на расспросы он отвечал, что жена навещает родственников в далекой провинции. Этому объяснению поверили без лишних слов, и никому не пришло в голову задуматься, почему никто не видел отъезда Сабины.

В середине осени Жиль туманно намекнул интересующимся, что жена не вернется до весны. Зима в тот год выдалась ранней и задержалась надолго, заметя снегами лес и возвышенности, а болота сковав тяжелой ледяной броней. То была зима, полная лишений и испытаний. Когда запоздалая весна распустила серебристые почки на ивах и покрыла хризолитовой лист-

вой кусты бузины, никто не сообразил расспросить Жилья о возвращении Сабины. А когда пурпурные колокольчики мандрагоры сменились оранжевыми яблочками, Сабинино отсутствие начали воспринимать как должное.

Жиль, чья жизнь тихо текла среди книг, котлов и трав для магических зелий, был этому только рад. Он не верил, что Сабина вернется, и резоны у него были самые рациональные. Ибо однажды осенним вечером в пылу ссоры Жиль убил жену, перерезав ее нежное бледное горло ножом, который сумел вырвать из ее занесенной руки. Затем колдун похоронил жену при свете полной луны в низине, под зарослями мандрагоры, тщательно расправив листья, чтобы никому не пришлось в голову, будто кто-то их потревожил, разве что выкопал пару корешков.

После того как в низине растаяли глубокие снега, Жиль и сам не мог бы с уверенностью указать точное место погребения. Впрочем, когда мандрагора пошла в рост, он заметил, что в одном месте она растет особенно буйно, и решил, что именно там покоится Сабина. Часто приходя туда, колдун иронически усмехался, и мысль о могильной пище, что придает темным глянцевым листьям такую пышность, доставляла ему скорее удовольствие, чем беспокойство. Вероятно, склонность к иронии подобного рода и заставила его выбрать местом погребения плантацию мандрагоры.

Жиль Гренье ничуть не жалел об убийстве Сабины. С первых дней их семейная жизнь не ладилась; в самых пустяковых перебранках эта женщина проявляла себя истинной мегерой. Жиль не любил чертовку; ему, с его сумрачным нравом, было куда выгоднее жить одному, чем выслушивать язвительные речи и беречь смуглое лицо и седеющую бороду от ее острых коготков.

С приходом весны, как и надеялся колдун, спрос на любовное зелье у соседских парней и девушек возрос. Приходили к нему и кавалеры, задумавшие сокрушить упрямую добродетель, и жены, желавшие вернуть загулявших мужей или самим завести шашни с мужчиной помоложе. Вскоре колдуну понадобилось пополнить запасы мандрагорового снадобья, и однажды под полной майской луной он отправился на болото накопать свежих корней.

Мрачно усмехаясь в бороду, Жиль склонился над пышными, побледневшими в лунном свете листьями и особой лопаткой из бедренной ведьминской кости принялся аккуратно выкорчевывать стержневые корни, напоминавшие гомункулов.

И хотя Жиллю было не впервой разглядывать странные человекоподобные корни мандрагоры, первый же извлеченный из земли экземпляр удивил колдуна. Был этот образчик на диво крупным, неестественно-белым и при ближайшем рассмотрении поразительно походил на женское тело, раздваиваясь посередине и образуя женские ноги, каждая из которых даже заканчивалась пятью пальцами! Рук, впрочем, у фигурки не было, а грудь завершалась пучком овальных листьев.

Удивление Жилья, когда он вытащил корень из земли, а тот стал корчиться и извиваться у него в руках, не поддавалось описанию. Колдун отбросил находку от себя, и крошечные ножки затрепетали на траве. Поразмыслив, Жиль, однако, воспринял эту невидаль как знак сатанинской благосклонности и принялся копать дальше. Каково же было его удивление, когда второй корень по форме в точности повторял первый! Следующая полудюжина представляла собой все то же миниатюрное подражание женскому телу от груди и до пят; суеверное благоговение и изумление, которое испытал колдун, не помешали ему заметить определенное сходство корней с фигурой Сабины.

Это открытие потрясло Жилья, ибо происходящее находилось за гранью его понимания. Чудо, божественное или дьявольское, начинало обретать зловещие и необъяснимые черты. Как если бы убитая им женщина вернулась или из корней мандрагоры сотворила свое нечестивое подобие.

Когда колдун взялся за следующее растение, руки его тряслись, и ему не удалось отделить раздвоенный корень целиком, а лишь острым костяным лезвием отрезать часть.

Жиль посмотрел на отрубленную крохотную лодыжку и вдруг услышал нестерпимо пронзительный Сабинин вопль, исполненный боли и гнева, но негромкий, словно издали. Вопль смолк и больше не повторялся. Жиль вне себя от ужаса таращился на лезвие лопаты, на котором обнаружилось темно-красное пятно. Дрожа, он вытащил из земли поврежденный корень: тот сочился алой жидкостью.

Поначалу, одолеваемый ужасом и смутным чувством вины, колдун решил зарыть всю эту грудку бледных корней, имевших столь жуткое и непристойное сходство с мертвой колдуньей. Он спрячет их подальше от собственного взора и взоров остальных, чтобы никто не заподозрил его в убийстве.

Спустя некоторое время, однако, колдун успокоился. Ему пришло в голову, что посторонние, даже увидев эти корни, сочтут их причудой природы, а вовсе не доказательством его преступления, ибо кто, кроме него, мог поручиться, что корень напоминает тело Сабини?

К тому же, рассудил колдун, корни эти наверняка обладают особой силой, и, возможно, из них выйдет непревзойденно крепкое зелье. Окончательно пересилив страх и отвращение, колдун наполнил ивовую корзину трепещущими фигурами с листовыми головками. Затем вернулся в хижину, видя в причудливом явлении лишь возможную выгоду и окончательно забыв о его зловещей природе, над которой на его месте задумался бы любой.

Черствого и упрямого колдуна не смутило обильное количество крови, которое выдвинулось из корней, когда он готовил их перед варкой. А богомерзкое яростное шипение, обильную пену и кипение дьявольского бульона Жиль приписал их силе. Он даже осмелился выбрать самый фигурный корень и повесил его на стену рядом с другими корнями и травами, надеясь в будущем обращаться к нему за предсказаниями, как заведено у колдунов.

Новое зелье хорошо продавалось, и Жиль не стеснялся нахваливать покупателям его исключительную силу, способную пробудить страсть даже в мраморной груди и воспламенить мертвых.

В старой аверуанской легенде, которую я излагаю, говорится, что нечестивый и дерзкий колдун, не боявшийся ни Бога, ни дьявола, ни злобной ведьмы, осмелился накопать еще много белых, напоминавших женскую фигурку корней, что обращали пронзительные жалобные вопли к убывающей луне и извивались в его грубых руках, словно живые. И все до единого представляли собой миниатюрные копии мертвой Сабини от груди до пят. Говорят, Жиль наварил из них зелий впрок.

Впрочем, эти последние порции зелья ему не удалось сбыть с рук; и только малая часть первых была продана, ибо действие зелья оказалось поистине разрушительным. Всякого, кто выпивал его, – как мужчин, так и женщин – охватывало не могучее желание, а темная ярость, прискорбное сатанинское безумие, побуждавшее жестоко увечить и даже лишать жизни тех, чьей любви они добивались.

Зелье побуждало мужей набрасываться на жен, а девушек на юношей с ядовитыми речами и зверскими побоями. Один юный кавалер, придя на свидание, был встречен разъяренной женщиной, которая ногтями разодрала ему лицо в клочья. Брошенная любовница, задумавшая вернуть своего рыцаря, была жестоко убита тем, кто, пусть и был ей неверен, всегда отличался редкой кротостью.

Скандал, вызванный этими неприятными происшествиями, разгорелся такой, будто случилось нашествие демонов. Поначалу решили, что обезумевшие мужчины и женщины одержимы дьяволом. Когда стало известно, что все они употребляли любовное зелье, вину возложили на Жилия Гренье, которого церковный и светский суды обвинили теперь в колдовстве.

Стражники, что явились в хижину среди старого ивняка, узрели, как колдун что-то шепчет над котлом, где что-то клубилось и булькало, точно бурливый Флегетон. Они застали Жилия врасплох. Он не стал сопротивляться, однако удивился, узнав о печальных последствиях, к

которым привело употребление зелья; обвинений в колдовстве колдун не подтвердил и не опроверг.

Уже подготовившись вместе с Жилем Гренье выйти из хижины, стражники услышали тонкий и резкий голосок, доносившийся из угла хижины, где колдун вывешивал на просушку связки сухих трав и прочие магические ингредиенты. Звук исходил от странного полусушеного корешка, напоминавшего женскую фигурку от груди до пят и наполовину почерневшего от дыма, который валил из котла. Одному из стражников показалось, что он узнал голос Сабины. Стражники клялись, что голос промолвил: «Копайте на лугу, в самой гуще мандрагор».

Стражников до смерти перепугали как жуткий голос, так и сам корешок непристойной формы; все это они сочли происками Сатаны. Кроме того, они сомневались, разумно ли прислушаться к словам дьявольского оракула? Жиль, допрошенный с пристрастием, отказался давать объяснения; впрочем, его смятенный вид в конце концов заставил стражников обследовать лужайку под хижиной, где росли мандрагоры.

Вскопав землю при свете факела, они обнаружили множество заколдованных корешков, а под ними – разлагающийся женский труп, в котором еще можно было опознать Сабину. Провели расследование, и Жилия Гренье обвинили не только в колдовстве, но и в убийстве; его мигом признали виновным в обоих преступлениях, хотя он до последнего клялся, что не замышлял против жены дурного, а вынужден был защищаться от ее свирепой ярости. Жилия Гренье повесили вместе с другими убийцами, а тело сожгли на костре.

Аверуанский зверь

1. Свидетельство брата Жерома

Меня, скромного писца и смиренного монаха бенедиктинского аббатства Перигон, настоятель Теофиль попросил записать историю странного зла, что свирепствует до сих пор и до сих пор не побеждено. И пока я пишу, зло, возможно, снова готовится выйти из укрытия и явить себя миру.

Мы, монахи аббатства Перигон, и те, кто слышал об этом зле, едины во мнении, что его появление совпало с первым восходом алой кометы, которая все еще видна по ночам над безлунными холмами, как летучее гибельное пламя. Подобно растрепанному, развевающимся под ветром Геенны кудрям Сатаны, что спешит в этот мир, в начале лета комета взошла в созвездии Дракона; и ныне следует за Скорпионом в направлении лесов на западе. Некоторые утверждают, будто зло сошло с кометы, что без крыльев летит к земле сквозь звезды. И то сказать, до лета 1369-го, когда на небе появился этот алый губительный бич, ни о чем подобном в Аверуани слухом не слыхивали.

Сдается мне, что зверь – порождение седьмого ада, мерзость, происходящая из кипящей пламенной жижи; ибо он не похож ни на земных зверей, ни на создания воздуха и воды. И комета вполне может быть огненной его колесницей.

Именно мне, за мои грехи и пороки, суждено было первым узреть зверя. Воистину, это было предостережение о путях, ведущих к гибели, ибо в тот день я нарушил правило святого Бенедикта не принимать пищу во время однодневных трудов за пределами монастыря. Передав послание Теофиля славному аббату Святой Зиновии, я решил задержаться, хотя должен был вернуться до вечерни. И помимо еды, вкусил я с добрыми монахами выдержанного белого вина Зиновии. Так стоит ли удивляться, что, совершив подобные непотребства, я встретил в лесах за аббатством это безымянное порождение ночных ужасов?

День догорел, угаснув в неведении; безлунный летний вечер сменился тихой и навевающей ужас тьмой прежде, чем я добрался до задней двери аббатства. В страхе спешил я по лесной тропе мимо узловатых дубов и их черных, как глубокие ямы, теней. Узрев меж древних ветвей, как мстительно струится с небес свет новой кометы, который словно преследовал меня, я почувствовал, что согревающее тепло доброго вина улетучилось, и горько пожалел об опоздании. Ибо знал, что комета предвещает беду, смерть и приход Сатаны.

Шагая меж древних дубов, что растут прямо за аббатством, я заметил свет в окне и воспрял духом. Но, подойдя ближе, понял, что свет исходит из-под низко висящей ветки рядом с тропой; он беспокойно мерцал и совсем не походил на честный свет лампы, фонаря или свечи и вдобавок постоянно менялся: то бледнел, как огонь святого Эльма, то багровел, как свежепролитая кровь, то зеленел, как ядовитые лунные испарения.

Затем с неопишуемым ужасом я узрел тварь, к которой свет льнул, словно нечестивый нимб; свет двигался вслед за тварью, освещая черное чудище с головой и конечностями, не принадлежащими творению Божьему. Чудище было высотой с крупного мужчину, стояло прямо, раскачиваясь, точно гигантская змея, и извиваясь всем телом, как будто в нем не было костей. Круглая черная голова, без ушей и волос, на длинной змеиной шее тянулась вперед; маленькие, низко посаженные на безносом лице глазки без век, горевшие, будто уголья в колдовской жаровне, располагались прямо над острыми и поблескивающими зубами летучей мыши.

Это все, что я успел разглядеть, когда зверь преследовал мимо меня, окруженный странным нимбом, который вспыхивал то ядовито-зеленым, то яростно-красным светом. О форме тела и количестве конечностей этой твари ничего не имею сказать. Зверь не издавал ни звука,

двигаясь совершенно бесшумно. Затем он стремительно скрылся из виду между черными сучьями древних дубов; пропал и дьявольский свет.

Я был ни жив ни мертв от страха, когда добрался до аббатства и испросил позволения войти в заднюю дверь. Привратник, который изволил открыть ее только после настойчивого стука, не стал бранить меня за опоздание, когда я рассказал ему о том, что видел в безлунном лесу.

Утром я предстал перед Теофилом, который строго отчитал меня за нарушение монастырской дисциплины и велел в наказание провести день в одиночестве. Не имея возможности переговорить с другими монахами, я лишь на следующее утро узнал о том, что нашли в лесу за Перигоном.

То был огромный олень-самец, убитый самым немилосердным образом, однако не волком, не охотником и не браконьером. Повреждение было всего одно – широкая рана вдоль хребта от шеи до хвоста; кто-то высосал из раздробленного хребта белый костный мозг, но в остальном туша была нетронута. Никто не слышал о звере, который задирает добычу и утоляет голод таким манером, но многие задумались: быть может, то, что я рассказал, не просто привиделось мне с пьяных глаз? Так и есть, рассуждали они, зверь вышел из Преисподней, убил оленя, раздробил ему хребет и высосал костный мозг. Я же, вспоминая отвратительное видение, дивился милости Божией, позволившей мне избежать оленьей участи.

Больше никто из монахов зверя не видел, ибо все мирно спали в dormitorio, а Теофиль рано удалился в свою келью. Однако в последующие ночи зверь проявил себя во всей красе.

С каждой ночью комета росла, пылая, как зловещая дымка из огня и крови, и звезды бледнели при ее приближении, а людские сердца наполнял ужас. От заутрени до вечерни молились мы о том, чтобы отвратить неведомые беды, которые несла комета. И день за днем от крестьян, священников и дровосеков, что приходили в аббатство, мы выслушивали истории о загадочных и вселяющих ужас бесчинствах.

Волков находили с раздробленными хребтами и высосанным костным мозгом; таким же способом были убиты бык и лошадь. Однако вскоре зверь осмелел или пресытился убийствами смиренных оленей, волков, быков и лошадей.

Поначалу он не нападал на живых людей, а лишь на беспомощных мертвецов, словно презренный пожиратель падали. На кладбище Святой Зиновии нашли два свежих трупа, которые он выкопал из могилы и вскрыл им хребет, однако мозг почти не тронул. Разочарованный зверь в ярости разорвал трупы в клочья от макушек до пят вместе с саванами. Вероятно, несвежий мозг был ему не по вкусу.

Больше мертвых он не трогал, продолжив взимать скорбную дань с живых. На следующую ночь после разорения могил двое углежогов были жестоко убиты в своей хижине, в какой-то миле от Перигона. Другие углежог, обитавшие неподалеку, слышали жуткие крики, внезапно сменившиеся молчанием; в щели своих запертых на засов дверей они со страхом наблюдали, как в сером звездном свете из хижины возникла черная светящаяся фигура. До рассвета они не осмеливались выйти и взглянуть на своих злополучных товарищей, которых постигла та же участь, что и волков, и прочие жертвы.

Когда история дошла до аббатства, Теофиль призвал меня и с пристрастием допросил о призраке, с которым я повстречался в лесу. Поначалу, как и прочие, аббат мне не верил, решив, что я испугался теней или зверей, прячущихся в лесной чаще. Однако после череды жестоких злодейств всем стало ясно, что в лесах рыщет дьявольская тварь, о которой никогда не слышали в Аверуани. И именно эту тварь я видел собственными глазами, возвращаясь из аббатства Святой Зиновии.

Наш добрый настоятель был сильно обеспокоен злом, что бесчинствовало не далее чем в пяти часах ходьбы от Перигона. Бледный от чрезмерно строгих аскез и ночных бдений, со впалыми щеками и горящим взором, Теофиль снова и снова заставлял меня пересказывать мою

историю, словно бичевал себя за воображаемый грех. И хотя я, подобно всем прочим, был глубоко потрясен творившимися бесчинствами и их возмутительной природой, даже меня удивил праведный гнев, воинственный пыл и негодование настоятеля, готового немедленно сокрушить приспешника Асмодея.

– Воистину, – промолвил аббат, – среди нас поселилось великое зло, восставшее вместе с кометой из Злых Щелей. Мы, монахи Перигона, должны взять крест и святую воду и разыскать зверя в его тайной берлоге, которую, возможно, он устроил у самых ворот монастыря!

В тот же день, после обеда, Теофиль, я, а с нами еще шестеро монахов, избранных за храбрость, с поднятыми крестами вышли из аббатства и принялись прочесывать дремучий лес на мили вокруг, при свете факелов обшаривая глубокие норы, но находя в них только волков и барсуков. Мы также обыскали руины замка Фоссфлам, где, по слухам, водились вампиры. Но нигде не обнаружилось следов ни черного зверя, ни его логова.

С тех пор середина лета миновала, наполненная мерцанием кометы и кошмарами в ночи. Животные, мужчины, женщины, дети становились жертвами призрака, который, хоть и предпочитал охотиться вблизи аббатства, забредал порой к реке Исуаль и воротам Френэ и Ксима. И все, кому довелось видеть его ночью, упоминали скользкую черную тварь, от которой исходило переливчатое свечение, но никому не удавалось узреть ее при свете дня.

Трижды зверя замечали в лесах за аббатством; как-то раз при свете полной луны один монах наблюдал из окна, выходящего в сад, как зверь скользит между грядками репы и гороха, направляясь в сторону леса. И все соглашались, что зверь не издавал ни звука, был стремителен и перемещался по земле волнами, словно гадюка.

Все эти неприятности сильно досаждают нашему настоятелю, который сидит в келье, погруженный в неустанные ночные бдения и молитвы, и не выходит, как было заведено раньше, к общему столу или побеседовать с гостями монастыря. Он бледнеет и истончается, словно умирающий праведник, будто его гложет какая-то странная хворь, вроде неотступной лихорадки; а еще аббат умерщвляет плоть, так что от слабости едва держится на ногах. Нам же, живущим в страхе пред Господом и отвращении к деяниям Сатаны, остается только молиться, чтобы неведомое бедствие покинуло наш край вместе с кометой.

2. Письмо Теофиля сестре Терезе

Пред тобой, моя сестра во Христе, а также по крови, я должен облегчить душу (если сие возможно), вновь поведав о жуткой твари, что затаилась вблизи Перигона; ибо снова она во тьме проникла в аббатство, не издав ни звука, не подав никакого знака, кроме пламени Флегетона, что окружает ее туловище и конечности.

Я уже рассказывал тебе о гибели брата Жерома, убитого в своей келье, когда он переписывал манускрипт, спасенный из Александрийской библиотеки. Ныне зверь осмелел, ибо прошлой ночью проник в dormitorio, где спали братья, не снимая ряс, подпоясанные и готовые подняться по первому зову. Умудрившись не разбудить никого из братии – вероятно, наложив на них летейское заклятие, – зверь забрал брата Августина, спавшего крайним в ряду. Ужасное преступление раскрылось только утром, когда монах, спавший рядом, проснулся и обнаружил несчастного: тот лежал лицом вниз, а спина и ряса на спине у него были разодраны в клочья.

На этот раз зверь прокрался незамеченным; гораздо чаще, впрочем, его видят рядом с аббатством; в такие коварство и дерзость верится с трудом, если только не считать их происками архидьявола. Не ведаю, когда закончится этот кошмар, ибо экзорцизм и опрыскивание стен и дверей святой водой его не берут; Бог Отец, Христос и святые не слышат наших молитв.

Об ужасе, в который эта жуткая тварь повергла всю Аверуань, и о бедах, чинимых ею за пределами аббатства, ты наверняка уже слышала. Но здесь, в Перигоне, происходит такое, о чем я не рискну заявлять вслух, чтобы не пострадало доброе имя аббатства. Ибо я полагаю унижением и осквернением нашей святости то, что мерзкому отродью удастся по своему усмотрению и беспрепятственно проникать внутрь наших стен.

Братья перешептываются, что Сатана восстал, дабы чинить нам препоны. Некоторые видели зверя даже в часовне, где он оставил неопишимо кощунственный знак своего присутствия. Против него бессильны замки и засовы; и даже святой крест не в силах обратить его в бегство. Зверь приходит и уходит, когда захочет; и все, кто видит его, бегут, объятые невыразимым ужасом. Никто не ведает, куда придется следующий удар, но некоторые братья верят, что зверь метит в меня, избранного настоятеля Перигона; ибо многие видели, как он скользил по коридору поблизости от моей кельи. Келарь брат Константин недавно вернулся из Виона за полночь, так он клянется, что в лунном свете зверь карабкался по стене к окну моей кельи, выходящему в лес. Заметив Константина, зверь, словно громадная обезьяна, спрыгнул со стены и скрылся среди деревьев.

Кажется, уже все, кроме меня, видели чудовище собственными глазами. А теперь, сестра, я должен сделать признание, кое окончательно свидетельствует о вмешательстве адских сил и о том, что над Перигоном веют крылья Асмодея.

После появления кометы я каждый вечер рано удалялся в келью с намерением посвятить ночные часы бдению и молитвам, чем и бывал, по общему мнению, занят до утра. Однако каждую ночь, не успею я преклонить колени перед серебряным распятием, на меня наваливается какой-то морок, и забвение окутывает чувства дремотным маком; я лежу на холодном полу до рассвета, не видя снов. И я не знаю, что в это время творится в аббатстве; зверь волен, по своему неизменному обыкновению, крушить хребты и высасывать костный мозг братьев без моего ведома.

Я облачаюсь во власяницу, разбрасываю по полу колючки чертополоха, чтобы пробудиться от злого и неодолимого сна, будто вызванного действием восточных снадобий. Однако тернии и чертополох подобны райскому ложу, и я не ощущаю их до самого рассвета. Когда я просыпаюсь, чувства мои пребывают в смятении, глубокая истома сковывает члены. И с каждым днем мною все больше овладевает смертельная слабость, которую все приписывают моему чрезмерному усердию в аскезе и молитвенном бдении.

Определенно, я пал жертвой заклатья и буду скован злыми чарами, пока зверь бродит по свету, верша свои злодеяния. Небеса, в своей непостижимой мудрости наказывающие меня за грех, о коем не ведаю, обрекли меня на сие рабство, ввергнув в трясины стигийского отчаяния.

Меня преследует жуткая мысль: быть может, каждую ночь зверь спускается на землю с алой кометы, что проносится, подобно огненной колеснице, над Аверуанью; и каждый день он возвращается, насытившись пищей, которой алчет. И лишь с исчезновением кометы ужас перестанет терзать нашу землю и опустошать Перигон. Эта мысль не есть ли свидетельство моего безумия, или, возможно, сам ад нашептал мне ее в ухо?

Молись за меня, Тереза, ибо я пребываю под властью злых чар и близок к отчаянию; Господь оставил меня, меня тяготит адское иго; и бессилен я защитить аббатство от зла. Я же, в свою очередь, молюсь, чтобы в уединении монастыря в Ксимае это лихо тебя не коснулось...

3. Рассказ Люка ле Шодронье

Старость, подобно моли, что заводится в старой шпалере, скоро пожрет мои воспоминания, как пожирает воспоминания любого. Посему я оставляю записку об истинной природе твари, известной под именем Аверуанского зверя, а также о том, как эта тварь была повержена. Когда я закончу, бумага будет заперта в медной шкатулке и помещена в тайной комнате в моем доме в Ксиме, ибо должны пройти годы и десятилетия, прежде чем людям будет дозволено узнать ужасную правду. Нехорошо, если злые дела станут общим достоянием, пока те, кто принимал в них участие, не покинули земную юдоль ради чистилища. Сейчас правду знаю только я и те немногие, кто поклялся ее хранить.

Бесчинства, некогда творимые зверем, ныне ни для кого не секрет и успели стать страшной историей, которой пугают детей. Говорят, что летними ночами 1369 года зверь убил пятьдесят человек и всякий раз пожирал спинной мозг жертв. Случилось это между аббатством Перигон и Ксимом, монастырем Святой Зиновии и замком Френэ. Происхождение и местобитание зверя оставались загадкой, которую никто не мог разгадать; и светские, и церковные власти были бессильны предотвратить нападения, и ужас воцарился в округе, и над каждым путником нависла смертная тень.

С самого своего появления зверь стал предметом моих размышлений, ибо я был не понаслышке знаком с оккультными практиками и духами тьмы. Я понимал, что зверь – не земное или адское создание, но прилетел с кометой из дальних космических пределов; однако о его повадках, свойствах и происхождении я знал поначалу не больше прочих. Тщетно обращался я к звездам, геомантии и некромантии; от фамильяров, которых я допросил, вышло мало толку, ибо они утверждали, что не состоят с ним в родстве и что зверь неведом подлунным бесам.

Затем я вспомнил о кольце Эйбона, которое унаследовал от предков, тоже колдунов. По их словам, кольцо происходило из древней Гипербореи; было оно из золота, краснее того, что добывают ныне, с громадным фиолетовым самоцветным камнем, темно тлеющим, подобного которому нет на свете. В камне том заточен был древний демон, отвечавший на вопросы колдунов, – дух из времен, когда человек еще не родился.

И вот, вынув из редко отпираемой шкатулки кольцо Эйбона, я совершил ряд приготовлений, потребных для вызова демона. Когда я перевернул самоцветный камень над маленькой жаровней, в которой жарко горела амбра, демон отозвался, и голос его был подобен пронзительному пению пламени. Он поведал мне, что зверь принадлежит к расе звездных бесов, не посещавших Землю со времен Атлантиды; рассказал о природе зверя, который в своем истинном виде был невидим и неосязаем для людей и мог быть явлен человеку только в самом мерзком из обликов. Демон признался, что есть единственный способ сокрушить зверя в его осязаемом облике. Даже во мне, кто давно изучает тьму, откровения эти породили удивление и ужас. По множеству причин я считал экзорцизм сомнительным и опасным занятием, но демон уверил меня, что иного способа нет.

Размышляя над этими темными материями, я выжидал среди книг, жаровен и перегонных кубов, ибо звезды поведали мне, что время еще не пришло.

В конце августа, когда огромная комета начала понемногу удаляться, пришла скорбная весть о смерти сестры Терезы, растерзанной зверем в ее собственной келье в бенедиктинском аббатстве в Ксиме. Одни видели, как в лунном свете зверь спускался из окна кельи по стене монастыря; другие заметили его на темных улицах или наблюдали, как зверь, словно чудовищный жук или паук, карабкался на крепостной вал по голым камням, чтобы поскорее укрыться в своей тайной берлоге.

После смерти сестры Терезы ко мне тайно явился начальник городской стражи вместе с аббатом Теофилом, в чьем осунувшемся лице и поникшей фигуре я созерцал разрушительные

последствия смертной скорби, ужаса и унижения. И хотя подобное решение далось им не без труда, эти двое пришли просить моего совета и содействия в поимке зверя.

– Вы, мессир ле Шодронье, – сказал начальник стражи, – славитесь глубокими познаниями в сокровенном колдовском искусстве и заклинаниях, способных вызывать и прогонять злобных демонов и прочих духов. Возможно, вам удастся преуспеть там, где другие оказались бессильны. Мы долго сомневались, прежде чем прийти к вам, ибо негоже властям церковным и светским прибегать к помощи колдовства. Но положение безвыходное, ибо демон забирает все новые жертвы. За ваши труды мы даем щедрое вознаграждение золотом и обещаем, что до конца ваших дней никто не станет преследовать вас и подвергать судебным разбирательствам за ваши деяния, каковые в противном случае могли бы дать повод для расследований. Епископ Ксима и архиепископ Виона осведомлены об этом предложении, каковое надлежит хранить в тайне.

– Если мне удастся освободить Аверуань от зверя, – отвечал я, – о награде я просить не стану. Однако вы задали мне сложную задачу, сопряженную с необычайными испытаниями.

– Мы готовы оказать вам любое содействие, – сказал начальник городской стражи. – Если потребуется, выделим стражников для вашей охраны.

Затем Теофиль тихим, прерывающимся голосом заверил меня, что все двери, включая двери аббатства, будут открыты для меня и что ради изобличения зла будет сделано все возможное.

Кратко поразмыслив, я сказал им:

– Теперь ступайте, а за час до заката пришлите за мной двух вооруженных всадников и коня. Выберите самых храбрых и неболтливых, ибо этой ночью я намерен посетить Перигон, подле которого зло свило гнездо.

Памятуя о совете демона, что был заперт в камне, я не стал долго собираться – только надел на указательный палец кольцо Эйбона и прихватил небольшой молот, который прикрепил к поясу вместо меча. Затем дождался назначенного часа, когда явились стражники, которые вели еще одну лошадь в поводу, как и было условлено.

То были крепкие и опытные воины в кольчугах; они несли мечи и алебарды. Я вскочил на черную горячую кобылу, и мы поскакали в Перигон, выбрав прямой и почти нехоженный путь, многие мили пролежавший по лесу, где водились оборотни.

Мои компаньоны были неразговорчивы и отвечали только на заданные вопросы, да и то коротко. Это меня радовало, ибо им предстояло хранить молчание о том, чему еще до наступления рассвета они станут свидетелями. Мы быстро скакали, а солнце тонуло в разлившейся по небу кровавой мгле за высокими деревьями, и вскоре уже тьма все гуще свивала паутину среди сучьев, окружая нас, будто неумолимая сеть зла. Мы продвигались все дальше, вглубь мрачного леса, и даже я, опытный колдун, слегка вздрагивал при мысли о том, что подстерегало нас во тьме.

Тем не менее никто нас не тронул и никто на нас не напал. Мы добрались до аббатства уже после восхода луны, когда братия, за исключением старого привратника, удалилась в дормиторий. Настоятель, вернувшийся из Ксима на закате, известил привратника о нашем прибытии и велел приютить нас в стенах аббатства, однако у меня был другой план. Я уверен, сказал я, что зверь явится в аббатство этой ночью, и намерен караулить снаружи, дабы ему помешать; засим я попросил привратника провести меня вокруг аббатства и рассказать, какие окна куда выходят. Во время прогулки привратник указал на окно кельи Теофиля на втором этаже. Окно выходило в лес, и я отметил, что весьма опрометчиво со стороны аббата держать его открытым. Этой привычке, сказал привратник, аббат никогда не изменял, несмотря на последние дьявольские набеги. В окне горела свеча, – вероятно, аббат тоже бодрствовал, погруженный в молитву.

Мы оставили лошадей на попечение привратника. Когда обход аббатства был завершен и привратник удался, мы вернулись под окно кельи Теофиля, где нам предстояло в молчании нести долгую полуночную стражу.

Луна, словно бледное, ввалившееся лицо трупа, всходила все выше, проплывая над сумрачными дубами и соснами и отливая призрачным серебром на серых стенах аббатства. На западе среди тусклых созвездий вспыхивала уходящая комета, затеняя поднятое жало Скорпиона.

Несколько часов мы прождали в понемногу отступающей тени высокого дуба, где нас не было видно из окон. Когда луна начала клониться к западу, тени потянулись к самым стенам аббатства. Стояла мертвая тишина, мы не замечали никакого движения, только медленное перемещение света и тени. Между полуночью и рассветом свеча в окне настоятеля погасла – вероятно, догорев, – и келью окутала темнота.

Без лишних вопросов, держа оружие наготове, двое кольчужников разделяли со мной ночную вахту. Они прекрасно знали, какой демонический ужас может явиться нам еще до рассвета, но ничто в их поведении не свидетельствовало о страхе. Зная куда больше их, я снял с пальца кольцо Эйбона и приготовился исполнить указания демона.

Кольчужники стояли ближе к лесу и, исполняя мой строгий приказ, не сводили с него взгляда. Но ничто не шевелилось во тьме, в резном сплетении листьев и ветвей; ночь медленно отступала; небеса бледнели в ожидании утренних сумерек. За час до рассвета, когда тень огромного дуба достигла стены и поползла к окну настоятеля, случилось то, чего я ждал. Внезапно адский красный свет, стремительный, как занявшееся пламя на ветру, вырвался из лесного сумрака и обрушился на нас, затекших и усталых после долгого бодрствования.

Одного кольчужника повалили на землю, и над ним, в парящей красноте, словно в крови, я узрел черный ползуеиный силуэт зверя. Его плоская голова без ушей и носа нырнула, острые зазубренные клыки впились в кольчугу, и я услышал, как эти клыки скрежещут и клацают. Быстро положил я кольцо на приготовленный заранее камень и молотом, который принес с собой, разбил на кольца самоцвет.

Среди брызнувших мелких осколков возник освобожденный демон – поначалу будто крошечный дымящийся огонек свечи, что разрастался, точно пламя, объявшее кучу хвороста. Тихо шипя, словно голос огня, разгораясь жутким золотистым светом, демон вступил в битву со зверем, как и обещал мне в обмен на свободу после веков заточения.

Демон приблизился к зверю, грозно вспыхивая, высокий, как пламя аутодафе, и тот, уронив кольчужника на землю, отпрянул, словно обожженная змея. Тело и конечности зверя омерзительно исказились, как расплавленный воск, и, смутные и страшные в облаке красного пламени, начали претерпевать невиданные метаморфозы. С каждым мгновением, точно оборотень, что сбрасывает волчье обличье, зверь обретал все большее сходство с человеческим существом. Нечистая чернота струилась и закручивалась, принимая форму ткани, становясь складками черной сутаны с капюшоном бенедиктинца. Затем под капюшоном возникло лицо, размытое и искаженное, но, несомненно, принадлежавшее аббату Теофилю.

Лишь мгновение я, а равно и мои товарищи-кольчужники лицезрели это чудо, ибо демон, принявший форму пламени, теснил чудовищно искаженную тварь, и лицо ее снова заволокло восковой чернотой, а в небо взвился столб копоти, распространяя вонь горящей плоти, смешанной с иным зловонием, куда омерзительнее. Из дыма, заглушая шипение демона, раздался одинокий вопль – и то был голос Теофиля. Затем дым стал гуще, скрыв как нападавшего демона, так и теснимого им зверя; в тишине слышалось только пение пламени, пожирающего свою жертву.

Наконец черный дым начал бледнеть, развеиваться между сучьями, и блуждающий огонек, пляшущий золотой свет, воспарил над деревьями к звездам. И я понял, что демон кольца,

исполнив обещание, вернулся в неземные высоты, откуда во времена Гипербореи извлек его колдун Эйбон, сделав пленником фиолетового самоцветного камня.

Запах паленой плоти рассеялся, как и чудовищное зловоние; от того, что звалось Аверуанским зверем, не осталось и следа. Ужас, рожденный алой кометой, был поглощен огненным демоном. Целый и невредимый, спасенный своей кольчугой, стражник поднялся с земли и вместе с товарищем молча встал передо мной. Я знал, что они видели метаморфозы зверя и о многом догадываются. И пока луна бледнела в предвкушении рассвета, я заставил их поклясться хранить тайну и подтвердить слова, которые я скажу монахам Перигона.

Удостоверившись, что добрая слава настоятеля не пострадает от злостной клеветы, я разбудил привратника. Мы сказали ему, что зверю удалось обмануть нас, проникнуть в келью настоятеля и выбраться наружу, неся в своих извивающихся конечностях Теофиля, дабы забрать с собой на убывающую комету. Я изгнал нечистую тварь, которая испарилась в облаке адского пламени и пара; но, к величайшему сожалению, пламя поглотило и аббата. Его смерть, сказал я, стала примером истинного мученичества и не была напрасной, ибо благодаря надежному обряду экзорцизма, который я провел, зверь больше не будет опустошать Аверуань и терзать аббатство Перигон.

История эта была без возражений принята монахами, которые искренне горевали о добром настоятеле. Сказать по правде, в ней много правдивого, ибо Теофиль был неповинен в творящемся зле и не подозревал ни о том, что происходило с ним по ночам в келье, ни о тех жутких деяниях, которые вершил зверь, отвратительно преобразив его, настоятеля, тело. Ибо каждую ночь зверь спускался с кометы, дабы утолить адский голод; будучи неосязаемым и бессильным, он вселялся в тело аббата, превращая его в некое непристойное чудовище с далеких звезд.

Пока мы караулили зверя под стенами аббатства, он успел напасть на крестьянскую девочку, но с тех пор больше никто в Аверуани его не видел, а жуткие убийства прекратились.

Со временем комета исчезла с небосклона; черный ужас, который она породила, постепенно стал легендой, как и все в истории. За свое странное мученичество аббат Теофиль был канонизирован; те, кто прочтет эту повесть в грядущих веках, не поверят ей, скажут, что нет на свете такого демона или злого духа, который одержал бы верх над истинной святостью. Да оно и к лучшему, что не поверят, ибо тонка завеса между человеком и бездной, лишенной Бога. На небесах обитает то, о чем лучше не знать, если не хочешь утратить рассудок; странные мерзости перемещаются между Землей и Луной, пересекают галактики. Твари, которым нет имени, являлись сюда, принося с собой ужасы других планет, и явятся снова. И земному злу не тягаться со злом, спустившимся с небес.

Звездная метаморфоза

I

Впервые с жителями планеты Млок Лемюэл Саркис повстречался на Спэниш-маунтин, куда он поднялся из парка Доннер, пытаясь скрыться от своих спутников.

Саркис отнюдь не был опытным скалолазом и потому не стал штурмовать зубчатую вершину длинной мрачной гряды, но довольствовался более низким и простым восточным участком. Оттуда открывался вид на озеро Фрог-лейк, неподвижно темневшее у подножия голого склона.

Так и сидел Саркис среди лавовых валунов, надежно укрытый от обдувающего вершину ветра, и хмуро предавался созерцанию; меж тем горные тени, распростершись крылами, неторопливо удлинялись, и пятно бледного света ползло на восток по черным опаловым водам озера. Бескрайнее одиночество и суровое скальное величие наконец подействовали умиротворяюще, и пошлые людские неурядицы, от которых он и сбежал, стали, как им и положено, казаться не столь уж значительными на фоне грандиозных видов.

Карабкаясь сюда по склонам, заросшим эриофиллумом, и лесистым ущельям, Саркис не встретил ни единой живой души – даже пастухи и рыбаки ему не попадались. А потому он вздрогнул от удивления и негодования, когда совсем рядом запрыгал и рухнул в пропасть камушек, как будто его на ходу столкнули с тропы. На гору взбирался кто-то еще, и Саркис, ощутив прилив желчной человеконенавистнической горечи, повернулся посмотреть, кто идет.

Однако вместо туриста или альпиниста перед ним предстали два существа, ни в малейшей степени не похожие ни на людей, ни вообще на каких-либо земных созданий. В тот момент, да и во время всего, что последовало, изумленного Саркиса одолевали сомнения: не заснул ли он, не угодил ли во власть сюрреалистичной грезы.

В высоту существа достигали четырех футов, и у них имелось нечто отдаленно похожее на голову и туловище. Сами они были невероятно плоскими, как будто двумерными, и не стояли на месте, а словно висели, колыхаясь в воздухе. Верхняя часть тела, которую по земной привычке Саркис назначил про себя головой, была гораздо больше и круглее нижней и напоминала гладкую рыбу-луну, поросшую бесчисленными то ли усиками, то ли щупальцами, словно сошедшими с цветочного орнамента. Нижняя же часть походила на китайский воздушный змей. На ней угадывались загадочные безобразные черты – возможно, глаза, удивительно вытянутые и скошеные. Заканчивалась она тремя широкими конечностями-лентами, которые расщеплялись на тонкие паутинки-кисточки, и эти кисточки скользили по земле, хотя было совершенно непонятно, как с их помощью можно передвигаться.

Расцветка неизвестных существ ошеломляла. Саркис наблюдал нечто похожее на переливы опалово-черного, неуловимо-серого и кроваво-фиолетового.

Абсолютно нереальные и невероятные, существа висели среди скал, покачиваясь медленно, будто во сне, и скользя по земле бахромчатыми ногами-лентами. Казалось, переплетенные усики-щупальца, беспрестанно дрожа, тянутся к Саркису, а кое-какие из похожих на глаза пятен постепенно светлели, притягивая к себе взгляд подобно мерцающим гипнотическим кристаллам.

Его с новой силой охватило ощущение нереальности происходящего; теперь откуда-то раздавался низкий неумолчный гул, источник которого Саркис не мог определить. Модуляция и темп вроде бы соотносились с медленной вибрацией усиков. Звук доносился отовсюду, окутывал Саркиса и в то же время гудел прямо у него в голове, как будто в мозгу задействовались

доселе не используемые клетки, воспринимающие телепатический шепот неведомых человеку миров.

Гудение усилилось, в нем уже явственно угадывались отдельные кластеры, некоторые сочетания повторялись снова и снова, складывались в длинные последовательности. Постепенно они становились все отчетливее и уже походили на замедленные растянутые слова. С изумлением Саркис осознал, что ему как будто медленно говорят по-английски: «Пойдем с нами», – существа изо всех сил пытались своими неземными органами озвучить приглашение неведомо куда.

Словно загипнотизированный, не испытывая ни удивления, ни страха, Саркис отдался нахлынувшему на него впечатлению. Постепенно на гладких верхних ликах рыбы-луны проступили смутные затейливые линии и пятна, которые становились все ярче, отчетливее и наконец сложились в некую картину.

Саркис не очень понимал, что именно ему показывают, но уловил, что речь идет об огромном расстоянии, о чуждом людям искаженном пейзаже. В ослепительном неземном сиянии, в море насыщенного цвета на непонятном и странно перекошенном фоне с неведомыми пропорциями возвышались прихотливые приспособления и образования – то ли дома, то ли растения. Среди этого чудного пейзажа плавали силуэты, чем-то напоминавшие существ, которых он видел перед собой, – так слегка напоминает реальность картина кубиста. Рядом с силуэтами, словно влекомая ими, летела фигурка, так же отдаленно похожая на человека.

Каким-то образом Саркис догадался, что эта фигурка изображает его самого. Пейзаж принадлежал некоему чуждому миру или измерению, и фантастические создания приглашали его туда! Совершенно одинаковая до последней подробности картинка проигрывалась одновременно на обоих ликах-дисках.

Преисполнившись удивительной ясности и спокойствия, Саркис спросил себя, стоит ли принять приглашение. Если он решится, что тогда будет? Разумеется, все это ему снится, а сны – штука хитрая: стоит только хорошенько взглянуть в их неуловимые панорамы, как они тут же развеиваются. Но если... если это не сон? Из какого мира явились загадочные существа и каким образом сумели добраться до Земли? Уж конечно, они не из Солнечной системы, но, судя по странному виду, откуда-то из другой галактики или, как минимум, из системы другой звезды.

Казалось, пришельцы поняли, что Саркис колеблется. Картины на дисках померкли и сменились другими: его как будто уговаривали, завлекали всевозможными пейзажами неземного мира. Возобновилось гудение, и немного погодя в неясном монотонном гуле стали угадываться слова, которые Саркис пока очень плохо понимал. Вроде бы там были жутким образом растянутые «можешь» и «сбежать»; все это походило на стрекот гигантских насекомых.

И вдруг сквозь странный гипнотический звук Саркис расслышал звонкий девичий смех и веселые людские голоса. Кто-то, хотя пока было не видно, кто именно, взобрался на гору и теперь шел прямо к нему по склону.

Очарование грезы было нарушено, и Саркиса внезапно одолел приступ страха, а также глубокого изумления, ведь непостижимые создания все еще висели перед ним. Человеческие голоса, нарушив его уединение, убедили Саркиса, что происходящее не сон. Разум землянина невольно содрогнулся от ужаса перед чудовищным и необъяснимым.

Голоса приближались, и вроде бы Саркис узнал одного или нескольких своих спутников. Диковинное видение по-прежнему маячило у него под носом, но вот над причудливыми силуэтами внезапно вспыхнули медью неведомые металлы, и в воздухе возник необычайный механический мираж. Переплетение косых прутьев и изгибающихся ячеек опустилось прямо на существ. А через мгновение и сами они, и сияющий мираж – все пропало!

Саркис едва заметил, что к нему приближаются девушка и двое мужчин из той самой компании, от которой он не так давно пытался сбежать. Он пребывал в замешательстве, как

это обыкновенно случается с резко выдернутым из сна человеком, но также в смутном ужасе, ибо подозревал, что столкнулся со сверхъестественным.

Неделю спустя Саркис вернулся в свою квартиру в Сан-Франциско и возобновил работу над скучными рекламными проспектами, которые служили ему надежным источником дохода. Каждодневная эта повинность безжалостно душила возвышенные устремления художника. Когда-то он хотел творить, мечтал воплощать в ярком цвете фантазии, подобные тем, что прихотливыми черно-белыми линиями выражал Бёрдслей. Но, как выяснилось, такие картины не пользовались большим спросом.

Происшествие возле Фрог-лейк подстегнуло воображение Саркиса, хотя он по-прежнему сомневался, случилось ли оно наяву. Художник думал о нем неустанно и частенько проклинал так не вовремя нагрянувших приятелей, из-за которых исчезли загадочные пришельцы.

Казалось, эти существа, если то была не галлюцинация, явились, уловив его невнятную и неопределенную тоску по внеземному. Будто посланцы неведомой вселенной, они разыскивали его и почтили своим приглашением. Судя по их попыткам объясниться, земные языки были им знакомы; и, совершенно очевидно, существа могли появляться и исчезать, когда им вздумается, прибегая к помощи неких загадочных механизмов.

«Чего же они от меня хотели?» – спрашивал себя Саркис. Навстречу какой судьбе он отправился бы, если бы согласился на их предложение?

Встреча на Спэниш-маунтин распалила тягу живописца к фантастическому, и не раз он пытался, расправившись с ежедневной рутинной, по памяти изобразить пришельцев. Это, впрочем, оказалось на удивление сложной задачей: Саркис силился воплотить на холсте образы, не похожие решительно ни на что, и даже сами цвета и пропорции смущали его. Как будто на горе он наблюдал неземную палитру, черты, бросающие вызов евклидовой геометрии.

И вот однажды вечером Саркис стоял в мастерской, сердито и разочарованно уставившись на мольберт. Собственная картина казалась ему скоплением нелепых клякс, смешением цветов, которые никоим образом не передавали истинную суть инопланетных моделей.

Он не услышал никакого звука, не ощутил сигнала – ничего, что привлекло бы его внимание. Но вдруг, обернувшись, обнаружил позади себя существ, которых повстречал на Спэниш-маунтин. Медленно колыхались они в свете лампы между захламленным столиком и несколько обшарпанным диваном, и конечности-ленты скользили по старому цветастому ковру, выцветшему и заляпанному свежей краской.

Саркис так и застыл с кистью в руке, таращась на гостей; как и тогда, в горах, его охватил гипнотический, выходящий за пределы страха или удивления транс. Вновь медленно, навевая дрему, трепетали перед ним хитро закрученные усики; вновь раздавалось убаюкивающее монотонное гудение, которое обратилось растянутыми словами – существа опять звали его с собой. Вновь на гладких дисках отобразились сцены, от которых футуристы кусали бы себе локти.

Не испытывая почти никаких эмоций, ни о чем толком не думая, Саркис выразил согласие, едва осознавая, что сказал это вслух.

Так же медленно ленты-щупальца прекратили колыхаться. Стихло слитное гудение, померкли волшебные картины. А потом, точно как тогда, на горе, в воздухе замерцали медью загадочные механизмы. Между полом и потолком протянулись косые прутья, повисли вогнутые ячейки – они опустились на пришельцев и на самого Саркиса. Сквозь сияющие линии кое-как угадывался знакомый интерьер мастерской.

А через мгновение все исчезло, комната растаяла, словно пелена тени под лучами солнца. Саркис не чувствовал, что куда-то перемещается или движется, но внезапно над головой разверзлось чуждое небо, изливающее вниз потоки багряного света. Багрянец затопил его, залил глаза яростно кипящей кровью, омыл тлеющим потоком.

Постепенно Саркис стал различать очертания. Вокруг по-прежнему светились прутья и ячейки, рядом по-прежнему парили странные спутники. Но они как-то непостижимо изменились и плавали теперь в кармазинном воздухе, словно чудовищные рыбы в дьявольском море. Инстинктивно Саркис отпрянул: эти ужасающие образы пугали его.

Он понял, что стоит на прихотливо изукрашенном мозаичном полу, который по кругу загибается вверх, как гигантское блюдо, и переходит в плавно изогнутые стены, лишённые окон и крыши. У загадочного механизма крыши тоже не было, и с ним что-то происходило. Очень медленно, подобно затухающим огненным языкам, прутья и ячейки погрузились в маленькие круговые отверстия в полу.

Башню венчали багряные небеса, через круглую дыру сверху изливавшие густой тяжелый свет. Материал стен – то ли камень, то ли металл, то ли вообще неизвестное на Земле вещество – блистал жидким рубином и текучей киноварью.

Саркис осознал, что воздух, которым он дышит, хоть и содержит достаточно кислорода, но до неприятности насыщен и как будто забивает легкие. А попытавшись шевельнуться, землянин почувствовал неимоверную тяжесть, словно оказался на гигантской планете с совершенно другой силой притяжения.

Саркис не имел ни малейшего представления, куда он угодил и как сюда попал. Как художник, он лелеял свою тягу к сверхъестественному, неземному, но подобная болезненная и всецелая отчужденность от всего знакомого ему и не снилась. Более того, он не предвидел, каким потрясением окажется для человеческой нервной системы путешествие в иные миры. Вскоре к физическому дискомфорту добавились визуальные мучения: страшный свет тревожил, жестоко растравлял чувства и в то же время давил, душил.

В башню без крыши начали прибывать многочисленные существа, похожие на его спутников: они неторопливо спускались прямо сверху или всплывали в низенькие дверцы. Вокруг собралась целая толпа, и вот уже Саркиса повлекли к выходу, осторожно дергая за руки и за ноги усиками и конечностями-лентами. От этих прикосновений в нем пробудился необъяснимый ужас, он ощутил себя насмерть перепуганным ребенком, что страшится ночных теней. Беспреданное гудение наводило на мысль о рое гнусных вредоносных насекомых.

Снаружи Саркис погрузился в море света, в котором трудно было различить окружающий пейзаж. Почти прямо над головой ослепительно сияла клякса огромного солнца. Сонм уродливых созданий, которых вмиг стало гораздо больше, увлек его вниз по голому, без единой травинки, склону, чье подножие терялось в багряном потоке.

С каждым мгновением Саркиса все больше терзал невыразимый недуг, страшная смесь смятения, раздражения и депрессии, усиливаемая всеми органами чувств. Он пытался вспомнить, как именно переместился с Земли, уверял себя, что всему происходящему есть какое-то естественное объяснение. Напоминал себе, что существа, чье приглашение он принял, дружелюбны и не желают ему зла. Но все эти мысли не в силах были успокоить взбудораженные нервы, остро реагирующие на загадочные вибрации, к которым совершенно не был приспособлен человеческий организм.

Мучения обострились. Давила повышенная сила тяжести; фантастические спутники летели рядом так неторопливо, будто время для них текло совершенно иначе, нежели для людей, и путешествие к подножию холма показалось Саркису чудовищно медленным нисхождением в ад. Решительно все вокруг служило источником ужаса и боли и словно бы исподволь источало коварную злобу.

Внизу в полумраке возвышалась на берегу неподвижного моря вторая круглая башня без крыши. Саркису она показалась капищем неземных демонов, мерзостным и жутким, и, когда уродливые существа подтащили его к башне и втокнули в одну из дверей, он чуть не взвыл от неизъяснимого ужаса.

Внутри стены, разверзавшиеся прямо в багряные небеса, были целиком покрыты бесчисленными диковинными резными барельефами. В центре стояло необычайного вида ложе, представлявшее собой сваленные кучей полотнища в руку толщиной.

Обуреваемый тревогой и сомнениями, Саркис посмотрел на ложе и вдруг понял, что толпы вокруг больше нет – существа разлетелись, будто удовлетворив свое любопытство. В башне осталось едва ли с полдюжины созданий, и все они были равно чудовищны, так что он не мог сказать наверняка, есть ли среди них те, что доставили его с Земли.

Страшилища сгрудились вокруг и принялись омерзительным образом гудеть, подталкивая его к ложу. Саркис сопротивлялся, но бахромчатые конечности-ленты оказались невероятно сильными; они смыкались вокруг него, влажные, холодные и скользкие, словно щупальца осьминогов. Ложе не выглядело таким уж опасным, да и существа, несомненно, всего лишь хотели на свой лад оказать человеку гостеприимство. Но Саркиса терзал ужас, – так больной в горячке принимает своих докторов и сиделок за безжалостных палачей.

Последние крохи самообладания покинули его, и художник завизжал и принялся в ужасе отбиваться. В густом насыщенном воздухе собственный голос звучал до странности громко, оглушал его самого, превращался в какое-то непотребное чревовещание, и барахтающемуся Саркису казалось, что все его усилия – напрасный сизифов труд.

Очень аккуратно, но решительно существа опустили его на ложе. В ужасе ожидая непонятно чего, Саркис не оставлял попыток вырваться. Двое созданий переплели бахромчатые концы своих ленточных конечностей, словно пальцы, прижимая его торс к ложу, а двое других точно так же обездвигили его ноги. Плавая в воздухе над самым полом, они надежно удерживали художника, словно доктора, привязавшие к койке буйного пациента.

На глазах у совершенно беспомощного Саркиса еще двое существ поднялись к красному небу и исчезли за стенами башни. Немного погодя он оставил тщетные попытки вырваться, но плоских холодных щупалец мучители не убрали.

Жуткую пытку невозможно было измерить земным временем. Багряные небеса давили, опускались прямо на Саркиса – все ниже, все тяжелее; загадочные барельефы на стенах тревожили, в них чувствовались хитроумные, неземные скверна и страх. Казалось, там злобно щерятся и глумливо ухмыляются демонические рожи, мерзостной жизнью трепещут в потоках красного света безликие горгульи.

Небеса зловеще запылали. Невыносимо медленно гигантское солнце вскарабкалось в зенит и целиком заполнило собой круглую дыру наверху чаши-башни. Чудные барельефы вспыхнули в два раза ярче; инопланетные чудовища и горгульи, истекающие ядовитым рубиновым светом, сводили с ума лежавшего с открытыми глазами Саркиса, и он опустил веки, чтобы не видеть всего этого, но выжженный мозг все равно разъедала безжалостная, растравляющая краснота. Наконец его окутала глубокая тьма, он словно погрузился в медленные свинцовые воды Леты, тонул, тонул в них, а за ним по-прежнему гнались горящие багряные кляксы; потом сознание окончательно покинуло его.

Очнулся Саркис в каком-то странном оцепенении, опустошенный и одурманенный, как будто его нервную систему начисто выжгло жестокое буйство красноты. С трудом, точно в кошмаре, он разомкнул веки и увидел похоронно-фиолетовое небо. Вместо багряного солнца там зависла такая же яркая лиловая звезда-близнец, и в круглой дыре виднелся отрезанный от нее стеной башни скорбный ломоть.

Саркис никак не мог собраться с мыслями, они разбегались в разные стороны, но в нем креп бесформенный страх перед чем-то непоправимо неправильным и зловещим. Четверо существ по-прежнему удерживали его своими конечностями-лентами, и, повернув голову, он заметил еще нескольких, паривших возле ложа. В их ловких щупальцах, гораздо более гибких и умелых, чем людские руки, были зажаты разнообразные странные предметы.

Заметив, что Саркис очнулся, существа подплыли ближе и протянули ему гладкие и продолговатые штуки, похожие на плоды. Один поднес к его губам мисочку с вязкой жидкостью, которую, по всей видимости, следовало выпить.

Увидев этих жутких существ, вконец остервенелый и ошалевший Саркис вновь скорчился от ужаса. В траурном фиолетовом свете они казались мертвенно-бледными кадаврами из иной вселенной. Лиловое солнце истекало неизбывной меланхолией, безотрадный свет заливал изогнутые стены, омывал чудовищные барельефы. Гудение существ, которые, несомненно, пытались хоть как-то утешить и обнадежить Саркиса, казалось ему преисполненным тяжкого ужаса погребальным плачем. Он отверг предложенные напитки и пищу, закрыл глаза и замер под бременем обрушившегося на него беспросветного безумия.

Последовавшее вполне укладывалось в картину этого кишевшего призраками умопомрачения. Существа переплели свои ленты, подхватили Саркиса, вынесли из башни, точно в гамаке, и потащили куда-то по бесконечно длинной дороге. Время от времени он открывал глаза и видел безобразные растения, что покачивались в фиолетовом мареве, будто водоросли в океанских течениях.

Наконец существа спустились по крутому склону, словно еще глубже нисходя в беспросветную преисподнюю, и очутились в каких-то катакомбах. Вокруг сомкнулись ловушкой наклонные, мертвенно-голубоватые, мерцающие стены.

Саркиса притащили в огромный зал, где стояли разнообразные приспособления, показавшиеся его смятенному разуму пыточными инструментами. Еще больше он разволновался, когда плоские пленители растянули его на светлой плите из некоего минерала с небольшим углублением в центре; сбоку и спереди к плите примыкали странные устройства, и все это напоминало дыбу средневекового палача.

Тело Саркиса сковал твердокаменный страх; задохнувшись от ужаса, он даже не сопротивлялся. В дьявольском голубом свете прямо над ним парил один из мучителей, другие выстроились вокруг каменной плиты в кольцо. Парящее существо положило свою среднюю бахромчатую конечность прямо на рот и нос Саркиса, и от этого прикосновения художника словно прошел электрический разряд. Лицо постепенно заледенело: сначала лоб, потом и вся голова, шея, руки, тело. На него как будто воздействовали странной, притупляющей все чувства силой, холод сменился онемением, он уже не ощущал ничего и совершенно отстранился от ужаса и омерзения, причинявших ему столько мучений. И вот уже, не тревожась и не думая ни о чем, Саркис наблюдал, как существа снимают с него одежду и прикладывают к его телу зловещего вида диски и утыканные иглами пластинки, соединенные с каменной плитой.

Для него это все не имело ни малейшего смысла, и каким-то чудом, а каким – он и не пытался понять, происходящее еще больше отдалилось, померкло, будто Саркис уплывал куда-то прочь отсюда (и от себя самого) в другое измерение.

II

Он очнулся – как будто родился заново. В обстановке чувствовалась некая странность – так странен мир для новорожденного младенца, – но боль и страх совершенно прошли. Вокруг во вновь открывшемся пространстве не наблюдалось и не слышалось ничего противоестественного или угрожающего.

Впоследствии, когда Саркис научился свободно общаться с жителями Млока, те объяснили ему, что сочли необходимым подвергнуть его уникальной и весьма серьезной операции: она затронула нервную систему и органы чувств, изменила восприятие и даже некоторые подсознательные функции, облегчив таким образом мучения, испытываемые им из-за визуальных картин и вибраций планеты, к которым был совершенно не приспособлен человеческий организм. Вначале жители Млока не поняли, как он страдает, поскольку сами во время своих путе-

шествий адаптировались к новым мирам без труда. Но, едва осознав, что с ним происходит, они тут же поспешили смягчить боль с помощью достижений сверхчеловеческой науки.

Саркис так никогда и не понял до конца, что именно с ним сотворили, но в результате ему неким невыразимым манером открылся абсолютно неведомый доселе спектр чувств. Хозяева этого мира пожелали сделать так, чтобы он слышал, видел и воспринимал почти то же, что и они сами.

Пожалуй, самая серьезная метаморфоза произошла со зрением. Саркис различал теперь новые, сверхъестественно нежные и прекрасные цвета. Багряный дневной свет, который поначалу едва не свел его с ума, теперь воспринимался как чистый оттенок, для которого у него не нашлось названия, – Саркис ассоциировал этот цвет с изумрудно-зеленым. Свет фиолетовой звезды-близнеца больше не вгонял в тоску и чем-то отдаленно напоминал бледно-янтарный.

Он стал иначе воспринимать форму и объем. Тела и конечности существ, которые раньше казались ему почти двумерными и пугали своим чудовищным уродством, теперь поражали множеством изящных граней и изгибов и как будто открылись ему в еще одном, совершенно новом измерении. Смотреть на них было приятно, как бывает приятно смотреть на хорошо сложенного человека. Растения, здания и пейзажи больше не казались жуткими и противоречивыми.

Чувство времени Саркиса теперь настроилось на медленный ритм массивного Млока, а движения и речь местных обитателей не воспринимались как заторможенные. Не доставляли больше мучений густой насыщенный воздух и увеличенная сила тяжести.

К тому же Саркис обрел новые чувства. Одно из них больше всего напоминало некую комбинацию слуха и осязания: многие звуки, особенно высокие, воспринимались тактильно. Как будто кто-то легонько похлопывал его с разной степенью интенсивности. Еще Саркис теперь слышал цвета: некоторые оттенки сопровождался призвуком, часто довольно музыкальным.

С жителями Млока он общался разнообразно. После операции они смогли телепатически проецировать слова и образы прямо в его разум. Гораздо больше времени ушло на то, чтобы освоить другие способы общения, на которые расходовалось меньше энергии, чем на обычную телепатию. Он научился распознавать на их телах мысли-проекции и понимать звуковые вибрации, издаваемые причудливыми усиками, которые служили им подобием голосовых связок, причем высокие ноты вызывали разного рода тактильные ощущения.

Саркис узнал, что эти существа называют себя млоками, по названию собственной планеты, и принадлежат к древней высокоразвитой расе, для которой чудеса научного познания мира отошли на второй план, вытесненные радостями чистой рефлексии и восприятия. Млок был третьей планетой, обращающейся вокруг двойной звезды в галактике столь отдаленной с астрономической точки зрения, что свет ее никогда не достигал Земли.

Путешествие в родной мир Саркиса и обратно происходило поистине странным образом и совершалось при помощи некой таинственной силы: млоки проецировали себя через пятое измерение и могли одновременно существовать в разных концах вселенной. Именно из этой силы вылепилось приспособление с медными прутьями и ячейками, которое опустил тогда в мастерской на Саркиса и его спутников. Он так до конца и не разобрался, как этой силой управлять, – знал только, что она подчиняется определенному воздействию нервной системы млоков.

Движимые любопытством, жители Млока часто путешествовали на Землю и в другие миры. Несмотря на столь отличные органы чувств, они на удивление многое знали о земной жизни. Двое из них, по имени Нлаа и Нлуу, наткнулись на Саркиса на Спэниш-маунтин и телепатически ощутили, до чего неудовлетворен он привычной обыденностью. Поддавшись своеобразному сочувствию, а также любопытству, которое вызывал потенциальный эксперимент, они и пригласили его с собой на родную планету.

Самыми важными событиями в жизни Саркиса среди млоков были новые изумительные ощущения. Никаких особенных происшествий на Млоке не случалось, ибо местные жители в основном предавались созерцанию, лишь иногда устраивая вылазки в отдаленные миры.

Саркиса они снабжали разнообразными плодами и соками, но сами получали питание прямо из воздуха и света: их башни без крыш специально строились так, чтобы улавливать и фокусировать солнечные лучи, поглощая которые млоки испытывали изысканнейшее эпикурейское наслаждение. После операции Саркис до некоторой степени тоже мог питаться так, но все же грубая пища ему по-прежнему требовалась.

К наипоразительнейшим переменам, которые с ним произошли, добавилась и еще одна: он очень смутно воспринимал собственное тело. Будто оно сделалось нематериальным, как во сне, и Саркис теперь не ходил, но скорее переплывал с места на место.

Почти все время Саркис проводил в беседах с млоками, особенно с Нлаа и Нлуу, которые опекали своего протеже и готовы были без усталости делиться с ним непостижимой мудростью и разнообразнейшими знаниями. Они открыли ему неизъяснимые концепции времени, пространства, жизни, материи и энергии, обучили совершенно новой эстетике и весьма хитроумным искусствам, рядом с которыми живопись казалась глупым и варварским занятием.

Саркис не знал, сколько времени провел на Млоке. Его учителя жили долго, столетия пролетали для них, как для нас годы, поэтому они не придавали особого значения времени-числению. Но миновало множество длинных сдвоенных дней и мимолетных неравномерных ночей, прежде чем Саркиса начала одолевать тоска по утерянной Земле. Среди всех соблазнов, новшеств и диковинных чувств в нем крепла печаль, ведь мозг его, по сути своей, оставался мозгом землянина.

Тоска овладевала им постепенно. Воспоминания о мире, который он раньше презирал и из которого так жаждал вырваться, приобрели навязчивые очарование и остроту, – так иногда вспоминается раннее детство. Саркис теперь чурался чувственной избыточности и тосковал по простой земной жизни и человеческим лицам.

Млоки, которые прекрасно видели, что с ним происходит, пытались как-то его отвлечь и устроили экскурсию по своей планете. Они путешествовали на судне, которое плыло сквозь густой воздух, подобно подводной лодке в земном океане. Сопровождающие Саркиса Нлаа и Нлуу проявляли заботу и охотно показывали все чудеса разнообразных областей Млока.

Однако Саркис только сильнее затосковал. Любуясь ультракосмическими, лишенными крыш Карнаками и Вавилонами, Саркис вспоминал земные города с вождением, какого сам от себя не ожидал, ведь раньше творения людских рук вызывали у него отвращение. Проплывая над невероятными горными вершинами, рядом с которыми обычные земные хребты показались бы жалкими кочками, он вспоминал Сьерра-Неваду, и от этих мыслей на глаза у него наворачивались слезы.

Путешественники обогнули экватор, побывали на теплых полюсах, а потом вернулись к отправной точке в тропиках. Саркис, мучимый ужасным недомоганием и слабостью, молил Нлаа и Нлуу при помощи таинственного проектора перенести его домой. Они отговаривали его и убеждали, что ностальгия – всего лишь порожденная мозгом иллюзия, которая со временем развеется.

Чтобы быстро и окончательно освободить Саркиса от страданий, млоки предложили подвергнуть его мозг определенным трансформациям. Они хотели вколоть ему редкую растительную сыворотку и с ее помощью подправить самые его воспоминания и ментальные реакции, чтобы его разум стал похож на разум самих млоков, как это раньше произошло с его органами чувств.

Хотя Саркиса и пугала предложенная ментальная метаморфоза, после которой он навсегда перестал бы быть человеком, он подумывал согласиться. Однако некие ужасные и совершенно непредвиденные события нарушили все их планы.

Звезды, вокруг которых обращался Млок, располагались на самом дальнем краю тамошней островной вселенной. Во время короткой ночи, которая наступала между царствованием двух солнц, эту вселенную можно было увидеть: она представляла туманным звездным облаком на полнеба, другая же половина оставалась темна и беспросветна, как хорошо знакомая земным астрономам черная туманность Угольный Мешок. Казалось, в непроглядной пустоте нет живых звезд, разве что они находились так далеко, что их свет не достигал обсерваторий Млока.

Однако из этой черной пропасти впервые на памяти планеты, обращавшейся вокруг двойной звезды, и явились захватчики. Сперва возникло темное облако – на Млоке никогда раньше не видели ничего подобного, ибо в неподвижных морях и тяжелом воздухе планеты всегда сохранялась одинаковая влажность и не было ни осадков, ни испарений. Трапезиевидное облако спустилось к планете и быстро разрослось над южными областями, окутав небо непроглядной чернотой. Из него дождем пролились черные жидкие капли. От малейшего соприкосновения с составлявшим их весьма агрессивным химическим веществом плоть, камень, земля, растения – все, что угодно, растворялось, обращаясь в смолистые лужицы и ручейки, которые вскорости слились в огромное ширящееся море.

Новости об ужасной катастрофе мгновенно разлетелись по всей планете. За кислотным морем наблюдали с воздушных кораблей, остановить его пытались при помощи всевозможных ухищрений. Его оградили защитными атомными барьерами, выжигали стихийным огнем. Но все напрасно: черное пятно жидкой раковой опухоли неуклонно разъедало огромную планету.

Нескольким млокам удалось, пожертвовав жизнью, заполучить образцы черной жидкости для анализа. Они подвергали себя ее разрушительному воздействию и, пока их тела разъедала зараза, описывали другим то, что узнали. Млоки решили, что явившиеся из космоса капли суть доселе неизвестные протоплазменные организмы, способные разжижать все прочие виды материи и таким образом подвергать что угодно процессу ассимиляции. Именно так и образовалось едкое море.

Вскоре пришли новости о новом черном дожде – на этот раз над северным полушарием. А после быстро последовавшего третьего стало понятно, что судьба Млока предрешена. Млокам оставалось лишь бежать с растворяющихся литоралей трех океанов, что ширили свои алчные пределы и рано или поздно должны были слиться воедино и покрыть всю планету. Также стало известно, что и другие планеты двойной звезды, где не было разумной жизни, атакованы теми же смертоносными каплями.

Млоки, раса философическая, давно склонная невозмутимо осмыслять космические метаморфозы и смерть, смиренно приняли грядущую гибель. Они могли бы с помощью своих космических проекторов сбежать в иные миры, но предпочли стигнуть вместе с родной планетой.

Однако же Нлаа и Нлуу, как и большинство их соотечественников, тревожились за Лемюэля Саркиса. Они хотели вернуть его домой и полагали, что будет несправедливо и неподобающе обречь землянина на ту страшную судьбу, какая ожидает их самих. От задуманной операции они мигом отказались и теперь настаивали, что их гостю следует немедленно возвратиться на Землю.

И вот Нлаа и Нлуу препроводили ошарашенного Саркиса в ту самую башню, где он в первый раз и материализовался на Млоке. С холма, где она стояла, на горизонте хорошо просматривалась черная дуга надвигающегося моря.

Повинуясь указаниям своих наставников, Саркис встал в центре круга, образованного отверстиями в полу – генераторами пространственного проектора. Поначалу он тщетно умолял

Нлаа и Нлуу отправиться вместе с ним, но потом, обуреваемый величайшим сожалением и печалью, простился с друзьями.

Поскольку ему сказали, что с помощью мыслеобразов млоки могут переместить его в любую конкретную точку, Саркис захотел вернуться в свою мастерскую в Сан-Франциско. Более того, во времени они могли перемещаться столь же легко, сколь и в пространстве, так что художник должен был очутиться дома наутро после своего отбытия.

Медленно выросли из пола и окружили Саркиса прутья и ячейки, чьи форму и цвет преобразованные глаза воспринимали теперь иначе. Спустя мгновение все странным образом потемнело. Саркис обернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на Нлаа и Нлуу, но не увидел ни их, ни башни. Перемещение уже свершилось!

Псевдометаллические прутья и ячейки постепенно истаяли, и Саркис огляделся, надеясь увидеть знакомые очертания мастерской. И тут его охватило изумление, сменившееся страшным подозрением: вероятно, Нлаа и Нлуу ошиблись или же загадочная проецирующая сила забросила его в какое-то совершенно иное измерение. Этой обстановки Саркис совсем не узнавал.

Вокруг в мрачном полумраке темнели хаотические скопления, самые контуры которых были исполнены кошмарной угрозы. Конечно же, сомкнувшиеся вокруг безумные изломанные скалы – это не стены; и это не его мастерская, а какая-то адская нора! Жуткий искаженный купол наверху, через который изливается дьявольский свет, – это не знакомая стеклянная крыша. А вон те вспучившиеся непотребства непристойной формы и похабных цветов прямо перед ним – это не мольберт, не стол, не стулья.

Саркис шагнул вперед и ощутил, с какой чудовищной легкостью перемещается. Не рассчитав расстояние, он тут же уперся в зловеющий предмет на полу и, ощутив его, понял, что эта неведомая штука так же отвратительна на ощупь, как и на вид, – влажная, холодная и липкая. Однако при ближайшем рассмотрении в ней обнаружилось нечто смутно знакомое. Словно бы перед ним была набухшая, извращенная пародия на кресло!

Саркиса охватили смятение и зыбкий всепоглощающий ужас, как по прибытии на Млок. Вероятно, Нлаа и Нлуу все-таки выполнили свое обещание и вернули его в мастерскую, но эта мысль лишь усугубила потрясение. Из-за тех метаморфоз, которым Саркис подвергся на Млоке, его чувство формы, цвета, света и перспективы теперь разительно отличалось от земного. А потому хорошо знакомая комната казалась непоправимо чудовищной. Каким-то образом, погрязнув в тоске по родине, а потом и в хлопотах спешного бегства, он совсем не подумал, как свершившиеся с ним метаморфозы скажутся на его восприятии всего земного.

Кошмарное головокружение охватило Саркиса, едва он постиг ужас своего положения. Он в буквальном смысле оказался на месте безумца, который осознает собственное безумие, но совершенно над ним не властен. Он не знал, насколько этот новый способ восприятия ближе к истинной реальности, чем прошлый земной. Да и какая разница? Его целиком захлестнуло отчуждение, борясь с которым он так отчаянно пытался вновь уловить хотя бы след знакомого мира.

Неуверенно, ощупью, как человек, тщащийся найти выход из страшного лабиринта, Саркис разыскивал дверь, которую оставил незапертой в тот вечер, когда к нему явились Нлаа и Нлуу. Даже чувство направления у него поменялось – он плохо ориентировался и не мог толком понять, насколько близко расположен тот или иной предмет и какие у него пропорции, – но в конце концов, не раз натолкнувшись на обезображенную мебель, обнаружил безумно перекрученное нечто, выступающее из стены. И каким-то образом догадался, что это дверная ручка.

Несколько раз пытался Саркис открыть дверь, которая казалась неестественно толстой и выпуклой. Когда ему это удалось, он увидел за ней зияющую пещеру с пугающими арками – коридор дома, в котором жил.

Пробираясь по коридору, а потом спускаясь на два пролета по лестнице на первый этаж, Саркис чувствовал себя пилигримом, что нисходит в сгущающийся кошмар. Стояло раннее утро, и на улице никого не было. Но здесь к сводящим с ума визуальным впечатлениям прибавились сигналы от других органов чувств, и это только усиливало невыносимую пытку.

Просыпающийся город шумел, но шумел в странном, неестественно быстром темпе и был исполнен безумной ярости: злобный лязг, чьи высокие ноты обрушивались на Саркиса ударами молотка, сыплющимися на голову камнями. Непрекращающаяся бомбардировка звуками все больше ошеломяла его – они как будто впивались прямо в мозг.

Наконец Саркис выбрался туда, где, по его воспоминаниям, располагался широкий проспект, ведущий к паромному вокзалу. Уже появились первые машины, но ему казалось, что встречные автомобили и пешеходы проносятся мимо на немыслимой скорости, точно сонмы проклятых душ в каком-нибудь безумном аду. Утренний свет представлялся скорбным мраком, разлетавшимся раздвоенными лучами от демонического ока, зависшего над бездной.

Здания, будто явившиеся прямиком из скверного сна, наводили на него нечеловеческий ужас своими мерзостными очертаниями и цветами. Люди, эти зловещие создания, мчались мимо на такой невероятной скорости, что ему едва удавалось мельком разглядеть их выпученные глаза, одутловатые лица и туловища. Они ужасали его, как некогда млоки под сводящим с ума багряным солнцем.

Воздух казался разреженным и бесплотным, и Саркису было до странного не по себе из-за маленькой силы тяжести, которая усиливала и без того безнадежное отчуждение. Будто заблудший призрак, брел художник сквозь зловещий Аид, в который его низвергли.

Он слышал голоса пролетающих мимо чудовищ – говорили они тоже невероятно быстро, так что слова было решительно невозможно разобрать. Как если бы пластинку на граммофоне крутили с удвоенной скоростью.

Ощупью пробирался Саркис по улице, пытаясь отыскать хоть что-то знакомое среди чужих покореженных зданий. Иногда казалось, что ему вот-вот попадетс какой-нибудь знакомый отель или витрина магазина, но всякое сходство мгновенно терялось в безумной дикости.

Художник набрел на открытое пространство, где, как он помнил, располагался небольшой парк – ухоженные деревья и кусты, зеленые газоны. Когда-то ему здесь очень нравилось, и воспоминания о парке часто преследовали его на Млоке. И вот теперь Саркис наткнулся на него в этом ненормальном городе и тщетно пытался отыскать желанные очарование и красоту.

Деревья и кусты высились вокруг грибами, выросшими в самой преисподней, отвратительными и нечистыми; серая трава вызывала гадливость, и он отшатнулся от нее с тошнотворным омерзением.

Потерявшись в страшном лабиринте, практически лишившись чувств, Саркис куда-то побежал, а потом попытался пересечь оживленную улицу, по которой со скоростью выпущенных из орудия снарядов летали машины. Измененное зрение и слух никак ему не помогли, и потому его сразу же сбило с ног внезапным ударом, и Саркис соскользнул в милосердное небытие.

Спустя час он очнулся в больнице. Серьезных ранений он не получил – его сбил медленно едущий автомобиль, прямо под колеса которого он шагнул, словно глухой или незрячий, – но общее состояние пациента озадачило докторов.

Придя в сознание, Саркис начал душераздирающе кричать, при приближении врачей сжимался в смертельном ужасе, а потому ему сначала поставили белую горячку. По всей видимости, нервная система несчастного пребывала в плачевном состоянии, но первый диагноз не подтвердился: анализы не выявили в крови ни алкоголя, ни известных наркотиков.

На мощные успокоительные, который ему вкалывали, Саркис не реагировал. Его все сильнее и сильнее терзали некие кошмарные галлюцинации. Один из ординаторов обратил внимание на таинственным образом деформированные глазные яблоки пациента, и к тому

же всех озадачивала необыкновенная медлительность, которая сопровождала его крики и корчи. Но этот странный случай довольно быстро стерся из памяти докторов, после того как неделю спустя Саркис умер. Ведь с неразрешимыми загадками сталкиваются представители даже самых обыденных профессий.

Эксгумация Венеры

I

До неких весьма прискорбных и скандальных происшествий, случившихся в 1550 году, огород в Перигоне располагался на юго-восточной стороне аббатства. После упомянутых событий его перенесли на северо-западную сторону, где он с тех самых пор и находился, а прежнее место заросло бурьяном и шиповником, которые, в соответствии со строгим приказом сменявших один другого аббатов, никто и никогда не пытался выколоть или укротить.

Происшествия, послужившие причиной переезда засеянных репой и морковью грядок бенедиктинцев, стали в Аверуани, к стыду добрых братьев, народным преданием. Сложно сказать, как много или, наоборот, как мало вымысла в этой легенде.

Однажды апрельским утром три монаха усердно вскапывали огород. Звали их Поль, Пьер и Юг. Первый был мужчиной зрелого возраста, крепким и сильным; второй лишь входил в пору своего расцвета; третий же был почти мальчиком и монашеские обеты принял совсем недавно.

С особенным рвением, в котором, возможно, не последнюю роль играло весеннее бурление юной крови, Юг перекапывал глинистую почву без усталости и даже прилежнее, чем его товарищи. Благодаря неустанным заботам многих поколений монахов в земле практически не было камней, однако вскоре лопата Юга, когда он в очередной раз энергично вогнал ее в землю, наткнулась на какой-то весьма твердый предмет неопределенного размера.

Юг решил, что препятствие это – по всей видимости, не что иное, как небольшой валун, – необходимо, к чести монастыря и вящей славе Господней, убрать прочь. И, с воодушевлением взявшись за дело, он принялся отбрасывать влажную черноватую землю.

Задача, однако, оказалась несколько более трудоемкой, чем он рассчитывал, и предполагаемый валун, постепенно обнажаясь, начал обнаруживать ошеломляющую длину и довольно странные очертания. Забыв про свои труды, Пьер и Поль поспешили на помощь. Благодаря общим напряженным усилиям вскоре стало совершенно ясно, что представляет собой этот предмет.

В огромной яме, которую они вырыли, глазам монахов предстали перепачканные землей голова и туловище, очевидно, мраморной женщины или одной из богинь античной эпохи. Бледный камень плеч и рук слегка отсвечивал живым розовым цветом, очищенный от грязи там, где его задела лопата, но лицо и грудь были облеплены затвердевшей черной землей.

Фигура стояла прямо, словно покоилась на каком-то невидимом пьедестале или алтаре. Одна прелестная ладонь как будто ласкала очертания совершенной груди, а вторая, свободно свисая, все еще оставалась погружена в землю. Монахи стали копать дальше, вскоре освободили пышные бедра и округлые ягодицы и наконец, по очереди сменяя друг друга в яме, край которой теперь был выше их голов, дошли до вкопанного в землю пьедестала, стоявшего на гранитной плите.

Во время этих раскопок, когда в характере находки не оставалось уже никаких сомнений, святых братьев вдруг охватило странное неодолимое возбуждение – причину его они едва ли могли бы объяснить, но оно, точно какая-то зловещая зараза, исходило, по-видимому, от рук и груди давным-давно захороненного изваяния. Неизъяснимое наслаждение перемешивалось в их душах с благочестивым ужасом перед постыдной наготой и языческим происхождением статуи – наслаждение, каковое монахи могли бы счесть низким и порочным, если бы знали, что оно такое.

Опасаясь расколоть или поцарапать мрамор, святые братья орудовали лопатами с большой осторожностью, и, когда наконец раскопки были закончены и глазам их предстали прелестные ступни, Поль, самый старший, стоявший рядом с изваянием в яме, принялся пучками бурьяна и мягкой травы стирать пятна земли, все еще мавшие прекрасное мраморное тело. Задача эта была им выполнена с большим тщанием, и завершил он свою работу, отполировав мрамор подолом и рукавами своей черной рясы.

Прикосновение к гладкому мрамору отозвалось в нем непривычным, но восхитительным трепетом, и он предавался своему занятию так долго и так усердно, а движения его заскорузлых рук были столь нежными и любовными, что он навлек на себя молчаливое неодобрение Пьера и Юга, которых тем не менее охватило смутное потаенное желание последовать его примеру.

Наконец Поль с неохотой выбрался из ямы. Он и его товарищи, кое-что смыслившие в античной культуре, поняли, что фигура, по всей видимости, была статуей Венеры, восходившей, несомненно, к эпохе завоевания Аверуани римлянами, которые воздвигли на захваченной земле несколько алтарей в честь этой богини.

Все превратности того полулегендарного времени и долгие годы погребения совершенно не повредили чудесный мрамор. Слегка надколотая мочка уха, наполовину прикрытая завитками кудрей, и частично отломленный прелестный средний палец на ноге лишь прибавляли соблазнительности ее и без того донельзя соблазнительной томной красоте.

Она была безупречна, точно суккубы из юношеских грез, но совершенство ее несло на себе безошибочно узнаваемую печать зла. Формы ее зрелой фигуры были исполнены невыносимого сладострастия; веки полуопущены в притворной скромности напускной добродетели, на полном лице Цирцеи играла двусмысленная манящая улыбка, однако при этом пухлые губы каким-то образом складывались в капризную гримаску. Это был шедевр неизвестного скульптора-декадента, не известная всем Венера-мать героических лет, но коварная и безжалостно соблазнительная Котис, Киферея темных оргий.

Глядя на извлеченное из земли изваяние, добрые монахи ощутили, как в них властно всколыхнулись определенного рода чувства, признаться в которых ни один был не готов даже под угрозой смертной казни. Сладострастное очарование и греховное притяжение исходили от бледного мрамора и незримым щупальцем обвивались вокруг сердец святых братьев, пробуждая запретные мысли и фантазии, дерзкие желания, от которых все трое, как они думали, отрелись, принимая постриг.

Внезапно устыдившись, святые братья одновременно вспомнили о своих обетах и, избегая смотреть друг на друга, заспорили, что делать с Венерой, которая на монастырском огороде выглядела несколько неуместно и неминуемо стала бы источником всеобщего смущения. Поскольку сил вытащить тяжелую статую из ямы у них едва ли хватило бы, Юга как самого младшего отправили доложить о находке настоятелю, чтобы этот последний распорядился относительно того, где она будет стоять. Поль и Пьер между тем отошли и возобновили прерванные труды, время от времени украдкой бросая взгляды на прелестную макушку языческой богини – теперь им больше ничего в яме видно не было.

II

В тихом Перигонском братстве находка предсказуемо стала источником всеобщего возбуждения, смущения и даже раздора. Августин, настоятель, лично явился в огород, сопровождаемый монахами, которые в тот час не имели особенных дел.

Даже праведный Августин, однако, несмотря на свой почтенный возраст и строгий нрав, был несколько смущен странными чарами, что исходили от мраморного изваяния. Он ничем не выдал своего волнения, лишь и без того суровый вид его стал еще суровей. Он отрывисто приказал принести веревки и, подняв с их помощью Венеру с глинистого дна, поставить ее

на траву рядом с ямой. Чтобы справиться с этой задачей, Полю, Пьеру и Югу потребовалась помощь еще двоих.

После того как прекрасную находку извлекли из ямы и надежно установили на земле, пятеро братьев проявили странное нежелание отходить от богини. Многие монахи приближались, чтобы получше разглядеть статую, а некоторые порывались даже дотронуться до нее, пока настоятель не выговорил им за столь неподобающее поведение. Сам он, если и испытывал подобное искушение, ни в коем случае не стал бы ронять свое достоинство священнослужителя, поддавшись порыву.

Несколько самых старых и непреклонных бенедиктинцев настаивали на том, что находку следует без промедления уничтожить, – они называли статую языческой гадостью, осквернявшей монастырский огород самым своим присутствием, и заявляли, что оставлять ее в целости ни в коем случае нельзя. Другие, тронутые ее порочной красотой и не желавшие признаваться в этом даже себе, под шумок стыдливо умоляли настоятеля сохранить статую. Третьи, самые прагматичные, замечали, что Венера, будучи прекрасным редким образцом римской скульптуры, вполне может быть продана за кругленькую сумму какому-нибудь богатому и нечестивому ценителю искусства.

Августин, хотя и полагал, что статую нужно разрушить как гнусный языческий идол, все же испытывал несвойственную ему странную нерешительность, заставлявшую его медлить с приказом. Словно неуловимо распутная красота мраморного изваяния молила его о пощаде, как живое существо, голосом наполовину человеческим, наполовину божественным. Старательно отводя глаза от белоснежной груди, он решительным тоном приказал братьям возвращаться к трудам и молитвам, упомянув, что Венера останется стоять в огороде до тех пор, пока не будут сделаны приготовления к ее окончательному уничтожению. Затем он велел одному из братьев принести рогожу и прикрыть неподобающую наготу богини.

Уже тогда некоторые деканы критиковали Августина за это странное промедление и попустительство. Все немногие оставшиеся ему годы старик горько сожалел о приступе греховной слабости, которая помешала ему вовремя уничтожить изваяние.

Ограничившись покамест строгим распоряжением, чтобы к Венере не подходил никто, кроме тех, чьи обязанности в огороде вынуждали их волей-неволей находиться поблизости, Августин удалился в сопровождении святых братьев, каковые на ходу то и дело оглядывались на прелести обнаженной богини, смотревшейся ну совершенно как живая. Потом, разойдясь по кельям, монахи так и норовили прикинуться к окнам, откуда открывался вид на огород; не один и не двое святых братьев, пойманных с поличным за этим предосудительным занятием, удостоились строгого выговора от деканов.

Однако все эти мелкие вольности не шли ни в какое сравнение с разразившимся вскоре скандалом, в который оказались вовлечены несколько монахов. В их число входили Поль, Пьер и Юг вместе с теми двоими, которые помогали им вытаскивать Венеру из ямы, а также еще трое, кто трогал руками тело или члены статуи.

Эти восьмеро, как оказалось, в первую же ночь после обнаружения Венеры без дозволения настоятеля покинули монастырь. Часть из них тайком стыдливо вернулась на следующее утро, оставшиеся же гуляки подтянулись в течение дня или были задержаны позднее на основании слухов и обвинений, которые были выдвинуты против них.

Все восьмеро, как выяснилось, были виновны кто в явном, кто в тайном распутстве. Некоторые подкатывали к местным крестьянкам с непристойными предложениями, другие играли в инкубов с хорошенькими прихожанками церкви Святой Зиновии или были замечены в пользующихся дурной славой домах в расположенном за много миль от монастыря Ксиме.

Вызванные пред очи негодующего аббата, эти злодеи не смогли сказать в свое оправдание ничего, кроме того, что ими двигали необоримые искушения плоти. Свое грехопадение они приписывали злокозненной Венере, утверждая, что сладострастные мысли и греховные жела-

ния, подобные коим мучили святого Антония, когда тот удалился в пустыню, начали одолевать их с того часа, когда они прикоснулись к молочно-белому мрамору античного изваяния.

Многие из тех, кто смотрел на статую, но не трогал ее, теперь признавались, что тоже виновны в подобных мыслях и устремлениях, и все как один сходились в убеждении, что виной всему злые чары Венеры. Поскольку границы приличий и благопристойности преступили только те, кто прикасался к мрамору, совершенно очевидно было, что подобного рода контакт приводит в действие дьявольское языческое колдовство и что любой, кто осмелится притронуться к Венере, тем самым неминуемо навлечет на себя смертельную опасность погубить свою душу.

Вся эта история, хотя и чудовищно скандальная, была настолько из ряда вон выходящей, что разрешить ее обычными методами было невозможно. Ввиду колдовского искушения и демонического принуждения, жертвами коих стали восьмеро провинившихся монахов, ни одного из них не изгнали из ордена, чего они вполне заслуживали за свои недостойные похождения, а просто наложили на них суровую епитимью.

Венера тем временем по-прежнему продолжала преспокойно стоять в монастырском огороде, ибо совершенно очевидно было, что любой, кто осмелится прикоснуться к ней – даже, наверное, с целью уничтожить, – станет жертвой пагубного колдовства, которое уже нанесло Перигону значительный и далеко идущий урон. В конце концов было решено нанять какого-нибудь мирянина (для кого языческое помешательство было прегрешением куда менее серьезным, чем для тех, кто принял обет целомудрия), дабы тот разбил идол и закопал осколки где-нибудь подальше от монастыря. И несомненно, задача эта рано или поздно была бы выполнена, если бы не фанатическое рвение опрометчивого брата Луи.

III

Этот святой брат, юноша из хорошей семьи, выделялся среди всех бенедиктинцев ангельски красивым лицом и бескомпромиссным благочестием. Прекрасный, как Адонис, он проводил свои дни в бесконечных молитвах и строго постился, превосходя в этом отношении даже самого настоятеля и деканов.

В час, когда выкопали статую, он трудился в поте лица, переписывая Евангелие на латыни, и ни тогда, ни впоследствии не удостоил ни единым взглядом находку, которую считал более чем подозрительной. Выслушав от товарищей подробный рассказ о том, как она была обнаружена, он выразил им свое неодобрение и, полагая, что непристойная статуя своим присутствием оскверняет монастырский сад, сознательно избегал приближаться ко всем окнам, сквозь которые его непорочным глазам могли оказаться видны непристойные прелести мраморной распутницы.

Поэтому, узнав о грехопадении своих восьмерых товарищей, которые имели несчастье прикоснуться к изваянию, он ужаснулся и вознегодовал. Ему казалось совершенно недопустимым, что целомудренные богобоязненные монахи покрывают себя позором под воздействием каких-то дьявольских языческих чар. Он открыто осуждал нерешительность Августина, тянувшего с уничтожением злокозненного идола, и предрекал новые несчастья, если статуя останется цела и продолжит вводить зрителей в искус своей греховной наготой. Разрушить изваяние следовало незамедлительно.

Уверенный в крепости собственного духа и неколебимой приверженности добродетели, не страшась поддаться ни искушению, ни пагубным чарам Венеры, брат Луи после долгих и мучительных размышлений решил взять дело в свои руки. Хотя с формальной точки зрения это было неподчинением приказу настоятеля, он намеревался той же ночью пойти и, вооружившись тяжелым молотом, разбить гнусного идола на множество кусочков. Тогда честь Перигона будет восстановлена, а нарушение дисциплины с его стороны оправданно.

В своих намерениях Луи никому не признался и весь день, по обыкновению, провел в трудах и молитве, хотя и пребывал в глубокой задумчивости. Вздурораженные монахи между тем перешептывались о том, что еще несколько братьев, поддавшись соблазну, тайком прикоснулись к колдовскому мрамору и, следовательно, в скором времени тоже неминуемо падут жертвой неодолимого наваждения, каковое тем самым на себя навлекли. Поговаривали, что изваяние уже не было куском мертвого камня, а пыталось обольстительными улыбками и непристойными жестами завлечь тех, кому поручили работать в огороде вместо Поля, Пьера и Юга. Все эти разговоры лишь укрепили брата Луи в его решимости.

Наведавшись в сумерках под каким-то благовидным предлогом в монастырскую мастерскую, он спрятал под рясой чугунный молот и унес его к себе в келью. Там он, все сильнее одолеваемый праведным гневом и целомудренным пылом, кропотливо трудился над латинским манускриптом при свете свечи в ожидании, пока остальные братья не удалятся в dormitorio.

Когда Луи крадучись выбрался в сад через боковую дверь, уже понемногу убывающая розоватая луна стояла высоко над соседним лесом. Черноватые комья свежескопанной земли были облиты ее зловещим серебром, и не успел Луи пройти даже нескольких шагов, как взгляду его предстала Венера, чьи обнаженные члены и грудь взволновали его так, будто принадлежали живой женщине.

И впрямь, даже подойдя ближе, он не смог убедить себя в том, что это всего лишь статуя. Соблазнительные бледные груди словно трепетали в лунном свете в такт дыханию, опущенные веки кокетливо приподнялись, смутная улыбка приобрела более соблазнительный изгиб, а изящные пальцы еле заметно шевельнулись, точно маня его. Однако Луи, отдавая себе отчет в том, что эта иллюзия вполне может быть частью тех пагубных чар, источник каковых он явился сюда разрушить, приказал себе не поддаваться коварным впечатлениям, что тревожили его все больше и больше.

С каждым шагом увязая в мягкой, замечательно разрыхленной земле, он отважно двинулся вперед, пока не очутился лицом к лицу с Венерой на краю темной зияющей ямы, из которой ее подняли. Чувствуя настоятельную необходимость как можно скорее покончить со своей задачей, он попытался вскинуть массивный молот, но рука его, хотя и движимая праведным гневом и благочестивым негодованием, попросту отказалась ему повиноваться.

Он не понял ни как эта перемена произошла с ним, ни каким образом он пал жертвой колдовских чар; он лишь погрузился в оцепенение спящего, беспомощного пленника в некоем странном сне. Чувства его точно опутала какая-то незримая прочная сеть. Устремив безумный взгляд, полный ужаса и в то же самое время вызывающий, на искустельницу незапамятных времен, которая словно предлагала ему свою божественную красоту, он вдруг позабыл и свой гнев, и свою решимость, и свой страх – а вместе с ними и свои монашеские обеты.

Беспольный молот выскользнул из его пальцев. Омытая зыбким призрачным светом и окутанная манящими таинственными тенями, Венера, казалось монаху, живет и дышит – призывно протягивает к нему прелестные руки – распаивает ему навстречу глаза и сладострастно приоткрывает соблазнительные губы, жаждущие его любви.

Внезапное хмельное безумие, неодолимое и всепоглощающее, вырвавшись из-под спуда, накрыло его ликующей волной, бешено забурило в крови. Переступив через позабытый молот, Луи заключил Венеру в объятия... Руки и грудь ее поразили его горячее сознание прохладой мрамора и одновременно упругой мягкостью живой плоти...

IV

Отсутствие брата Луи вкупе еще с тремя братьями было с ужасом и тревогой замечено монахами на рассвете. Все сокрушенно пришли к выводу, что эти четверо, должно быть, тоже пали жертвой мерзостных чар статуи и рано или поздно попадутся на гнусных деяниях, как и

их предшественники. Позднее двое беглецов вернулись по собственной воле, а третьего поймали с женой углежого, которую монах обольстил и склонил к побегу от мужа. На исповеди все как один сознались, что, работая накануне в огороде, поддались пагубному любопытству и потрогали запретное изваяние, в результате чего всех троих охватило языческое умопомешательство.

А вот брат Луи так и не объявился, и на протяжении нескольких часов его судьба оставалась загадкой. Потом один из старших монахов по какой-то надобности отправился в огород и, боязливо покосившись в сторону Венеры, с изумлением увидел, что она исчезла.

Сочтя, что в пропаже статуи виноваты колдовские козни либо дьявольские происки, он с опаской приблизился к тому месту, где прежде стояла статуя. И там ему открылась ужасающая разгадка исчезновения брата Луи.

Каким-то образом Венера перевернулась и опрокинулась обратно в глубокую яму. Под ее мраморной грудью лежало раздавленное тело брата Луи с расколотым черепом и губами, превратившимися в кровавое месиво. Руки его обвились вокруг нее в отчаянном объятии любви, которое смерть сделала еще крепче. Позднее, когда пораженных ужасом братьев созвали для того, чтобы поразмыслить над этой проблемой, признано было нецелесообразным пытаться извлечь его из ямы. Чугунный молот, валявшийся неподалеку, служил доказательством благочестивых намерений, с которыми незадачливый брат Луи явился к Венере, однако столь же очевидны были и иные обстоятельства определенного рода, лишавшие его душу всякой надежды на спасение.

Посему по приказанию Августина яму поспешно завалили до краев землей и камнями, и место, где она находилась, не отмеченное ни курганом, ни каким-либо иным знаком, вскоре заросло травой и бурьяном вместе с остальным заброшенным огородом.

Муза Гипербореи

Слишком далеки от меня ее бледное неумолимое лицо, снега ее смертоносной груди, и глазам моим их не узреть. Но порой ее шепот доносится, как холодный неземной ветер, что ослабел, летя чрез пропасти между мирами и преодолевая дальние горизонты скованных льдами пустошей. И она говорит со мной на языке, который я никогда не слышал, но всегда знал; рассказывает мне о том, что пагубней и прекрасней исступленных восторгов любви. Не о добре и зле вещает она, не о том, чего желают, о чем думают, во что верят земные термиты; и воздух, которым она дышит, и земля, по которой бродит, взорвутся, как абсолютный холод звездного пространства; очи ее ослепят, словно солнца; а поцелуй, если его удостоишься, иссушит и стугбит, как поцелуй молнии.

Но когда я слышу ее далекий, нечастый шепот, предо мною встают видения бескрайних полярных сияний на континентах, что просторней, чем мир, и морей, неодолимых для килей земных судов. И порой, запинаясь, я сообщаю странные вести, которые она приносит, никому не милые, и никто не верит им и не хочет их слушать. А однажды на рассвете, среди череды безутешных лет, я последую ее зову, чтобы отыскать высокую и блаженную судьбу ее снежно-белых далей, чтобы сгинуть среди ее неоскверненных горизонтов.

Белая сивилла

Торса, поэт со странными южными песнями в сердце и лицом цвета темной умбры от высоких испепеляющих солнц, вернулся в родной город Кернгот на Мху Тулане над Гиперборейским морем. С ранней юности бродил он по свету в поисках неведомой красоты, что вечно ускользала, подобно дальнему горизонту. Вдали от Коммориома с его неисчислимыми белыми шпилями, вдали от болотистых джунглей к югу от Коммориома плыл он по рекам, не имеющим имени, пересекал полулегендарное царство Чо Вулпаномы, где, по слухам, пылающий океан бился огненной пеной в усыпанный алмазным песком и рубиновым гравием берег.

Много чудес довелось ему повидать, много того, о чем не расскажешь словами: причудливых резных богов Юга, в честь которых лилась кровь на башнях, что возносились до самого солнца; оперение птицы хуузим, длиной во много элей, цвета чистого пламени; чешуйчатых монстров южных трясин; гордые корабли Му и Антилии, что двигались, словно по волшебству, без весел и парусов; дымящиеся горные вершины, сотрясаемые демонами, что томились внутри. Но лишь гуляя по знакомым улицам Кернгота, узрел он чудо, до которого тем чудесам было далеко. Праздно шатаясь по городу, не помышляя ни о чем возвышенном, узрел Торса Белую сивиллу из Полариона.

Он не знал, откуда она появилась, но внезапно сивилла возникла перед ним посреди полуденной толпы. Рядом со смуглыми рыжеволосыми девами Кернгота с их иссиня-черными глазами сивилла казалась духом, сошедшим с северной луны. Богиня, призрак или земная женщина, стремительной походкой двигалась она к неведомой цели: создание из снега, льда и северного света, с распущенными серебристо-золотыми волосами светлее светлого, с глазами, что были точно озера под луной, и губами, отмеченными той же болезненной бледностью, что ее лоб и грудь. Одевание сивиллы было соткано из тонкой белой ткани, столь же чистой и неземной, как и она сама.

В удивлении, переходящем в испуганный восторг, взирал Торса на чудесное создание, но лишь на миг задержался на нем странный и волнующий свет ледяных глаз, в котором брезжило, как мнилось поэту, смутное узнавание, коим долгожданное божество в длинной вуали удостоило наконец своего обожателя.

Казалось, она несла с собою неодолимое одиночество дальних земель, мертвенную тишину одиноких гор и долин. Молчание, какое опускается на оставленный жителями город, пало на тараторящих без умолку тороватых торговцев; когда сивилла проходила мимо, они отшатывались в немом изумлении. И не успели они снова загалдеть, как Торса понял, кого повстречал.

Ибо то была Белая сивилла, которая, по слухам, иногда проходила через города Гипербореи, будто перенесенная туда неземной силой. Никто не знал ее имени, места рождения и обитания; говорили, что она, подобно духу, спускается с холодных гор к северу от Кернгота; с пустошей Полариона, где наступающие ледники ползут по лощинам, в которых прежде рос папоротник и саговник, и перевалам, что некогда были оживленными горными тропами.

Никто не смел остановить ее или за ней последовать. Зачастую она приходила и уходила в молчании, но порой на рынках и площадях сивилла изрекала странные пророчества, вещала о загадочных и неизбежных поворотах судьбы. Во многих городах Мху Тулана и центральной Гипербореи пророчествовала она об огромных ледяных полях, наползающих с полюса, которые когда-нибудь покроют весь континент, обрекая на забвение гигантские пальмы и высокие шпили метрополий. Великому Коммориому, тогда еще столице, сивилла предсказала странную судьбу, что постигнет его задолго до вторжения арктических льдов. И повсеместно люди страшились посланницы неведомых богов, что бродит за пределами известных земель в неземном сиянии прелести и гибели.

Все это Торса слышал много раз на обратном пути из Чо Вулпаном; дивился, но не придавал значения этим рассказам, переполненный чудесными воспоминаниями об экзотических диковинах и дальних землях. Но едва он узрел сивиллу, его как будто посетило неожиданное прозрение; он как будто разглядел – смутно, издалека – скрытую цель мистического паломничества.

Всего один взгляд на это странное существо – и Торса обрел воплощение всех смутных стремлений и туманных желаний, что гнали его вперед. В сивилле была та ускользающая диковинность, которую он искал среди чужих земель и волн, за горизонтами изрыгающих пламя гор. Перед ним просияла скрытая звезда, чьего имени и света он не знал доселе, но чье магнетическое притяжение вело его, точно слепца, под южными небесами – и привело обратно в Кернгот.

Холодные луны ее очей зажгли странную любовь в Торсе, для которого любовь была разве что мимолетным волнением чувств. Отождествляясь в сердце поэта с поэтическим стремлением ко всему высокому и недостижимому, к опасностям, и чудесам, и катастрофам нехожих мест, любовь эта, не сравнимая со страстью к смертной женщине, была глубока и сильна.

Однако в тот раз Торсе не пришлось в голову последовать за сивиллой или расспросить о ней. Ему хватило наслаждения редким зрелищем, которое воспламенило его душу и ослепило чувства. Греза видениями, какие луна могла бы внушить мотыльку, – видениями, в которых сивилла, пламя в женском облике, передвигалась путями, слишком крутыми для ног смертного, – поэт вернулся в свой дом в Кернготе.

Последовавшие дни прошли для Торсы как в тумане, наполненные воспоминаниями о Белой сивилле, и воспоминания эти были для поэта более зримыми, чем окружавшие его предметы. Он ощущал желания за пределами чувств – подобно огню, упавшему с полярных звезд. Безумная любовная лихорадка бушевала в нем, и вместе с тем Торса твердо знал, что его желаниям не суждено осуществиться. Коротая время, он лениво переписывал стихи, сочиненные во время путешествий, или листал страницы своих мальчишеских сочинений. И везде встречал пустоту и отсутствие смысла, словно ворошил прошлогодние опавшие листья.

Без каких-либо намеков с его стороны слуги и гости поэта то и дело заговаривали с ним о сивилле. Они сообщили ему, что она редко заходит в Кернгот, чаще появляясь в городах, далеких от закованных льдом пустошей Полариона. Вне всяких сомнений, смертным созданием она не была, ибо порой в один день ее видели в местах, расположенных в сотнях миль друг от друга. Охотники иногда встречали сивиллу в горах над Кернготом; и всегда она исчезала внезапно, словно утренний туман среди скал.

Поэт, слушавший их с угрюмым и отсутствующим видом, никому не поведал о своей любви. Родные и друзья наверняка сочли бы эту страсть еще большим безумием, чем юношеское стремление к неведомым землям. Ни один влюбленный на свете не стал бы стремиться к сивилле, чья красота излучала опасность, подобно метеору или шаровой молнии; роковая, смертоносная красота, рожденная в трансарктических заливах, предвестница грядущей гибели миров.

Однако память о сивилле горела в нем, словно выжженное морозом или пламенем клеймо. Предаваясь размышлениям среди заброшенных книг, погрузившись в мечты, куда внешнему миру доступ был заказан, Торса видел перед собой ее бледное неземное сияние. Ему мнилось, он слышит шепот арктических пустынь: неземная сладость была в этом шепоте, резкая, как ледяной воздух, а в словах – нечеловеческая красота, нетронутые горизонты и холодная слава лунных рассветов над континентами, что недоступны для смертных.

Долгие летние дни скользили над Гипербореей, принося в Кернгот чужестранцев, торгующих мехами и гагачьим пухом, инкрустируя горные склоны за городом лазурными и алыми цветами. Но сивиллу больше не видели в Кернготе; не слыхали о ней и в других городах. Каза-

лось, ее визиты прекратились; доставив таинственную весть от внешних богов, она больше не появлялась в краях, где обитали люди.

В отчаянии, неотделимом от страсти, Торса лелеял надежду снова лицезреть сивиллу. Постепенно надежда таяла; но страстная тоска не отпускала. Теперь во время дневных прогулок он забредал все дальше и дальше от домов и улиц, сворачивая к горам, что сияли над Кернготом, ледяными отрогами защищая скованное морозом плато Полариона.

С каждым днем Торса все выше поднимался пологими лугами, возводя очи к угрюмым скалам, откуда, по слухам, спускалась сивилла. Торсу вел какой-то смутный зов; и все же он не осмеливался откликнуться и всякий раз возвращался обратно в Кернгот.

И вот настал полдень, когда Торса поднялся на луговую возвышенность, откуда крыши городских домов напоминали разбросанные ракушки на берегу моря, чьи бушующие волны обратились в гладкое бирюзовое дно. Поэт был один среди цветов – эфемерной завесы, которую лето бросило между одинокими горными вершинами и Кернготом. Земля раскатала во все стороны широкие алеющие ковры. Даже дикий шиповник выпустил хрупкие розовеющие соцветия, а со склонов и обрывов свисали цветочные плети.

Торса никого не встретил на своем пути: он давно миновал тропы, которыми низкорослые жители гор спускались в Кернгот. Смутный зов, что хранил в себе невысказанное обещание, привел поэта на горную лужайку, где хрустальный ручей в окружении ярких цветочных каскадов нес свои воды к морю.

Бледные и прозрачные перистые облака лениво плыли к ледниковым вершинам; ястребы, раскинув широкие красные крылья, высматривали добычу, направляясь к берегу. Аромат, тяжелый, словно от храмовых курильниц, поднимался от раздавленных Торсой цветов; отвесный солнечный свет ослеплял; и поэт, уставший от подъема, на миг ощутил странное головокружение.

Придя в себя, Торса увидел Белую сивиллу: она стояла среди лазурных и алых цветов, как снежная богиня, облаченная в одеяние, сотканное из лунного пламени. Ее бледные глаза, вливая ледяной восторг в его вены, смотрели загадочно. Взмахом руки, который был словно мерцание света, она поманила его за собой, развернулась и зашагала вверх по склону над лугом, не приминая цветов своими бледными ногами.

Узрев небесную красоту сивиллы, Торса забыл об усталости, забыл обо всем на свете. Он не противился овладевшему им очарованию, бешеной страсти, сжигавшей сердце. Он знал лишь, что она предстала пред ним, улыбнулась ему, поманила его за собой; и Торса последовал на ее зов.

Вскоре холмы стали круче, упершись в нависающие утесы, а в цветочном орнаменте сурово проступили голые скальные выступы. Легкая, словно пар, сивилла без усилий поднималась в гору впереди Торсы. Он с трудом поспевал за ней; и, хотя порой расстояние между ними увеличивалось, он ни разу не потерял из виду ее сияющую фигуру.

Теперь Торсу окружали мрачные ущелья и острые уступы, а сивилла парила в тени скал, как плавучая звезда. Свиные горные орлы кричали над ним, облетая свои гнезда. Холодные ручейки, рожденные вечными ледниками, капали на него с нависающих уступов. Пропasti разверзались под его ногами, а снизу, с головокружительной глубины, доносился глухой рев водопадов.

Торса сознавал только те чувства, что заставляют мотылька преследовать блуждающее пламя. Он не задумывался ни о том, как сложится и чем завершится его странствие, ни о плодах странной любви, что влекла его за собой. Забыв о смертельной усталости, о бедствиях и опасностях, что подстерегали на пути, он иступленно карабкался на высоты, недоступные смертным.

Торса вышел к высокому перевалу над глубокими ущельями и обрывами, который некогда соединял Мху Тулан и Поларион. Здесь старая тропа, изрезанная трещинами и расщели-

нами и наполовину заваленная обломками льдин и сторожевых башен, шла между скал, изъеденных неисчислимыми зимами. Под тропой, подобный громадному дракону из сияющего льда, сивиллу и Торсу встретил авангард арктических ледников.

Поэт, распаленный крутым подъемом, внезапно ощутил, как холод коснулся летнего полдня. Солнечные лучи потускнели и утратили теплоту; вокруг, точно в глубине ледяных гробниц, залегли тени. Пелена охристых облаков, двигаясь к западу с волшебной быстротой, темнела, как пыльная паутина, пока сквозь нее не пролились солнечные лучи, подобные безжизненному свету декабрьской луны. Небо над перевалом заволокло свинцовой серостью.

И в этот сгущающийся полумрак, над зубцами начинающегося ледника, сивилла устремилась летучим огоньком, еще бледнее и прозрачнее на фоне темной тучи.

Торса взобрался на зубчатый ледяной склон, который выдавался из ледника, сковавшего Поларион. Казалось, поэт достиг вершины перевала и скоро окажется на открытом плато под ним. Но тут, словно повинувшись нечеловеческому колдовству, призрачными вихрями и слепящими шквалами налетела снежная буря. Она обрушилась на Торсу трепетанием мягких широких крыльев, бесконечными извивами смутных и бледных драконов.

Какое-то время он еще видел сивиллу, словно рассеянное сияние светильника сквозь алтарные завесы великого храма. Потом снег сгустился, и Торса перестал различать путеводный свет; он уже не знал, бредет ли между каменными стенами перевала или заблудился на безграничной равнине вечной зимы.

В плотном снежном мареве Торса сражался за каждый вдох. Чистое белое пламя, что горело внутри него, съежилось и угасло в заледневших членах. Божественный пыл и экзальтация уступили место безнадежной усталости, онемению, что охватило все тело. Яркий образ сивиллы обратился безымянной звездой и вместе со всем, что Торса знал и о чем мечтал, провалился в серое забвение...

Торса открыл глаза навстречу странному миру. Он не ведал, был ли погребен снежным бураном или непостижимым образом выбрался из белого забвения, но вокруг не было ни следа бури и скованных ледником гор.

Поэт стоял в долине, которая могла быть сердцем арктического рая, и ничто здесь не напоминало о запустении Полариона. Летняя земля вокруг была усыпана цветами бледных и изменчивых оттенков лунной радуги. Они совершенно не походили на цветы в окрестностях Кернгота: изящные бутоны напоминали морозные розы, и, несмотря на эльфийское буйство красок, казалось, что стоит коснуться лепестков – и цветы растают на глазах.

Небо над долиной не было низким, нежно-бирюзовым небом Мху Тулана; оно было мутным и сонным – далекое, багровеющее небо, словно из мира вне времени и пространства. Свет был разлит повсюду, но Торса не видел солнца на безоблачном небосводе. Как если бы Солнце, Луна и звезды расплавились много веков назад, растворившись в вечном изначальном сиянии.

Лунно-зеленая листва высоких изящных деревьев была усыпана цветами, такими же нежными и сияющими, как те, что росли на земле. Рощицы этих деревьев возвышались над долиной, выстроившись вдоль тихих вод ручья, что исчезал в непостижимых туманных далах.

Торса заметил, что не отбрасывает тени на яркий цветочный ковер. Деревья тоже не отбрасывали тени и не отражались в бездонных прозрачных водах. Ветер не шевелил ветви, усыпанные цветами, не теребил бесчисленные лепестки, упавшие в траву. Таинственная тишина висела над всем сущим, будто молчание неземного рока.

Пребывая в изумлении, но бессильный разгадать загадку, поэт обернулся, точно услышал тихий, но повелительный голос. Позади него, совсем близко, стояла беседка из цветущих виноградных лоз, оплетающих тонкие стволы. Сквозь цветочные шпалеры в сердце беседки Торса узрел белые, как поземка, одеяния сивиллы.

Робко, не смея отвести взгляда от ее мистической красоты, с пылающим, точно факел на ветру, пламенем в сердце вступил Торса в беседку. С цветочного ложа, на котором она возлежала, не раздавив ни единого лепестка, сивилла встала, чтобы принять своего воздыхателя...

Все, что последовало за этим, невыразимое блаженство часа, который он провел с сивиллой, Торса потом помнил весьма смутно. Будто свет, невыносимый в своей яркости, или мысль, что ускользает от понимания из-за немыслимой своей странности. Это была реальность за пределами того, что люди считают реальностью; и, однако, Торсе казалось, что он сам, сивилла и все, что их окружало, – лишь отблеск рассеявшегося миража в ледяных пустынях времени; что он, рискуя сорваться, завис между жизнью и смертью в хрупкой беседке грез.

Поэту показалось, что сивилла приветствовала его волнующими сладкозвучными речами на языке, который он отлично знал, хотя слышал впервые. Ее голос наполнил его болезненным экстазом. Торса сидел рядом с ней на зачарованном берегу, и она вещала ему о многом: о божественном, великом и грозном; о жутком, как тайна жизни; о сладостном, как искусство забвения; о странном и ускользающем из памяти, как утраченное знание из сна. Однако сивилла не открыла ему ни имени своего, ни своей природы; Торса по-прежнему не знал, призрак перед ним или земная женщина, богиня или бестелесный дух.

Сивилла что-то говорила ему о времени и его загадке; о том, что лежит за гранью времени; что-то о серой тени рока, что нависла над миром и Солнцем; о любви, коя преследует неуловимый гаснущий огонь; о смерти – почве, из которой растут все цветы; о жизни, которая есть мираж в ледяной пустоте.

Некоторое время Торсе довольно было только слушать. Его переполнял восторг высшего порядка, благоговейный трепет смертного в присутствии божества. Но когда он немного обвыкся, женские чары сивиллы воззвали к нему не менее красноречиво, чем ее речи. Нерешительно, постепенно, подобно приливу, что поднимается навстречу некоей инопланетной луне, в сердце поэта вскипала земная любовь, составлявшая половину его обожания. Исступление смертного желания смешалось в нем с головокружением, какое одолевает того, кто взобрался на немыслимую высоту. Он видел только подобную белому пламени красоту своей богини и перестал вникать высшей мудрости ее слов.

Когда сивилла прервала свои невыразимые речи, поэт, запинаясь, осмелился поведать ей о своей любви.

Сивилла ни словом, ни жестом не выразила одобрения или осуждения. Но, когда поэт договорил, посмотрела на него странно; любовь или жалость, печаль или радость была в ее взоре, Торса не понимал. Она быстрым движением наклонилась и бледными губами запечатлела на его лбу поцелуй, обжегший Торсу, точно лед или пламя. Но, ослепленный желанием, он поспешил заключить сивиллу в объятия.

Однако не успел Торса прижать ее к груди, как сивилла несказанно изменилась – в руках поэта застыл мерзлый труп, пролежавший вечность в ледяной гробнице. Перед ним была белая, как проказа, мумия, в чьих остановившихся глазах он прочел ужас абсолютной пустоты. Затем она обратилась в нечто бесформенное и безымянное – черная гниль стекала с его рук – полет сверкающих атомов, бесцветный прах поднимался, ускользая из его растопыренных пальцев. Наконец сивилла обратилась в ничто, а волшебные цветы вокруг Торсы мгновенно осыпались, и их заносило снегом. Ледяные лиловые небеса, высокие и тонкие древесные стволы, волшебный поток, в котором ничего не отражалось, сама земля под ногами Торсы – все в единый миг заволокло снежными хлопьями.

Торсе казалось, что он с головокружительной скоростью погружается в глубокую пропасть вместе с безграничным хаосом гонимых снегов. Он падал, и воздух вокруг становился прозрачнее, словно Торса завис над отступающей, утихающей снежной бурей. Он был один в тихом, погребальном, беззвездном небе, точно в катафалке умирающего мира; с устрашающей, головокружительной высоты видел он тусклый блеск земных просторов, от края до края

покрытых ледником. Снежинки таяли в мертвом воздухе; обжигающий холод, подобный дыханию вечного эфира, окутал Торсу.

Все это он увидел и почувствовал за одно бесконечное мгновение. Затем с быстротой метеора возобновил падение к скованному льдом континенту. И подобно яростному пламени метеора, его сознание тускнело и гасло, пока он снижался.

Полудикие горцы видели, как Торса исчез в таинственной снежной буре, налетевшей из Полариона. Когда буря утихла, он лежал на леднике. Горцы выхаживали его, грубо, как умели, дивясь белой отметине, что огненным клеймом отпечаталась на его смуглом загорелом лбу. Плоть была сильно обожжена, а по форме отметина напоминала губы. Горцам было невдомек, что это след от поцелуя Белой сивиллы.

Медленно, отчасти к Торсе возвратилась былая сила. Но с тех пор его сознание словно окутывал размытый полумрак, подобный слепому пятну в глазах, узревших невыносимый свет. Поэту больше не суждено было увидеть сивиллу; не суждено вспомнить все, что случилось с ним или привиделось ему, когда он лежал без сознания у печального порога Полариона. И все же это воспоминание – смутное, рассеянное, обрывочное – было сильнее, чем память о тысяче солнц посреди великой тьмы, в которой ему суждено было закончить свои дни.

«Белая сивилла»: альтернативный финал

Медленно, отчасти к Торсе возвратилась былая сила. Но с тех пор его сознание словно окутывал размытый полумрак, подобный слепому пятну в глазах, узревших невыносимый свет.

Среди тех, кто ухаживал за ним, была бледная дева, недурная собой, и во тьме, что заволкла его, Торса принимал эту деву за сивиллу. Звали ее Илларой, и в заблуждении своем Торса отдал деве сердце; забыв о родне и друзьях в Кернготе, поэт поселился среди горцев, взял в жены Илларау и сочинял песни для маленького племени. Торса был почти счастлив, веря, что сивилла вернулась к нему; Иллара тоже не жаловалась – она была не единственной смертной женщиной, чей возлюбленный хранил верность божественной иллюзии.

Ледяной демон

Куанга-охотник вместе с Хумом Фитосом и Эйбуром Цантом, самыми предприимчивыми ювелирами из Икквы, пересек границы земель, куда путники забредали редко, а возвращались оттуда еще реже. Путешествуя на север от Икквы, они вступили на пустынный полуостров Мху Тулан, где поверх некогда процветавших городов, словно замерзшее море, раскинулся великий ледник Полариона, укрыв широкий перешеек морскими саженьями вечного льда.

Легенды гласили, что подо льдом еще можно разглядеть купола Кернгота в виде раковин; туда же впечатаны высокие острые шпили Оггон-Зхаи, саговники, мамонты и квадратные черные храмы бога Цатоггуа. Оледенение случилось много столетий назад; однако могучий, сверкающий ледяной вал продолжал продвигаться на юг по обезлюдевшим землям.

Куанга храбро вел своих компаньонов в глубину атакующего ледника. Их целью были рубины царя Хаалора – ни больше ни меньше. Пятьдесят лет назад царь с колдуном Оммум-Вогом и немалым числом воинов в полном вооружении отправился воевать с полярными льдами. Ни Хаалор, ни Оммум-Вог не вернулись из этой отчаянной экспедиции, а жалкие остатки ратников, объявившиеся спустя два месяца в Иккве, рассказали ужасную историю их гибели.

Армия, поведали солдаты, расположилась на холме, тщательно выбранном Оммум-Вогом; оттуда открывался обширный вид на наступающий ледник. Затем могущественный колдун, стоя рядом с царем Хаалором в кругу жаровен, непрерывно испускавших золотистый дым, и произнося заклинания, что были древнее этого мира, наколдовал огненный шар, который двигался стремительней и алел ярче светила, что рисовало свою дугу в небесах. На фоне его жгучих слепящих лучей солнце казалось бледной дневной луной, а солдаты в тяжелых доспехах едва не теряли сознание от жара. Под этими лучами края ледника начали таять, обращаясь быстрыми ручейками и речками, и надежда, что удастся возродить царство Мху Тулан, которым веками правили предки Хаалора, ненадолго поселилась в сердце царя.

Вскоре бурные потоки омывали холм, на котором стояла армия. Затем, словно под влиянием злых чар, от этих рек поднялся бледный удушливый туман, который ослепил наколдованное Оммум-Вогом светило, лучи остыли и уже не плавили лед.

Тщетно колдун пытался заклинаниями рассеять густой студеной морок. Туман стелился по земле, липкий и зловещий, сплетаясь, точно клубок призрачных змей, выстуживая до костей смертным холодом. Плотный и осязаемый, вскоре он накрыл весь лагерь, густея на глазах, сковывая онемением конечности воинов, которые тыкались вслепую, не видя лиц товарищей на расстоянии вытянутой руки. Несколько ратников добрались до границы тумана и в страхе отползли от холма под бледное солнце; волшебного шара, наколдованного Оммум-Вогом в небе, они больше не видели. В странном ужасе, оглянувшись на ходу, они узрели вместо стелющегося тумана ледяную корку, укрывшую холм, где был разбит лагерь. Толщиной эта корка была с высокого воина во весь рост, и в ее сверкающей глубине беглецы смутно различали скованные льдом силуэты своих предводителей и товарищей по оружию.

Не находя происходящему естественного объяснения, полагая, что это злое колдовство, насланное великим ледником, а сам ледник – живое существо, наделенное таинственным и злобным могуществом, беглецы ускорили шаг. А что ледник позволил им унести ноги, рассуждали они, так это в назидание тем, кто осмелится на него напасть.

Одни верили этой истории, другие в ней сомневались. Однако цари, которые правили Икквой после Хаалора, не ходили войной на великий ледник; и ни один колдун больше не осмеливался насыпать на него огненные шары. Люди бежали от наступающих льдов; ходили странные слухи о жителях уединенных долин, отрезанных от мира неожиданным, дьявольским наплывом льдов, словно некое живое существо протягивало к ним ледяную руку. Говорили об

ужасных расщелинах, которые разверзались под ногами и смыкали ужасные пасти над теми, кто осмеливался ступить на замерзшие пустоши; о ветрах, подобных дыханию полярных демонов, – ветрах, которые внезапным ледящим порывом обращали людей в статуи, твердые, как гранит. Со временем местность на подходе к леднику опустела на мили вокруг; лишь бесстрашные охотники порой выслеживали дичь на заснеженных пустошах.

Случилось так, что однажды храбрый охотник Илуак, старший брат Куанги, вступил в пределы Мху Тулана, преследуя большую черную лисицу, которая завела его далеко в величественные ледяные поля. Много лиг шел он по следу, ни разу не приблизившись на расстояние выстрела из лука; а вскоре набрел на большую насыпь посреди равнины, отмечавшую место, где раньше стоял холм. Илуаку показалось, что лиса шмыгнула в пещеру под холмом; наложив стрелу и натянув тетиву, охотник вступил в пещеру вслед за ней.

Пещера походила на дворец полярных царей и богов. В смутном зеленоватом свете над охотником возвышались громадные сверкающие колонны; гигантские сосульки сталактитами свисали с потолка. Пол шел под уклон; дойдя до конца пещеры, Илуак не встретил никаких следов лисицы, однако в прозрачной глубине дальней стены разглядел силуэты замерзших людей, запечатанных в ледяной гробнице; их тела не были тронуты тлением, а лица не утратили гладкости. Воины были вооружены длинными копьями и почти все облачены в тяжелые доспехи. В авангарде возвышалась надменная фигура в лазурной, как море, царской мантии; рядом склонился старик в черном как ночь одеянии колдуна. Царская мантия была густо расшита драгоценными камнями, что горели во льду, подобно разноцветным звездам; огромные рубины, алые, как брызги свежeproлитой крови, составляли на груди треугольник – знак царской власти Икквы. По этим признакам Илуак догадался, что нашел место упокоения Хаалора, Оммум-Вога и воинов, которых эти двое в стародавние времена повели войной на ледник.

Благоговев перед таким дивом, припоминая старые легенды, Илуак впервые в жизни испугался и без промедления покинул ледяную гробницу. Черной лисицы нигде не было видно, и, решив прекратить погоню, охотник повернул на юг, без приключений добравшись до границы ледника. Впоследствии, однако, Илуак клялся, что с тех пор, как он ступил на ледник, лед под его ногами успел странным образом измениться, поэтому, выйдя из гробницы, он не сразу понял, куда идти. Крутые хребты и торосы возвышались там, где раньше их не было, и обратный путь выдался непростым; сам же ледник, казалось, продвинулся на много миль вперед с тех пор, как в погоне за добычей охотник вступил в его пределы. Из-за всех этих странностей, которые Илуак был не в силах ни постичь, ни объяснить, в сердце отважного охотника зародился необъяснимый страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.